АЛЕКСАНДР КАРЦЕВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА

okopka.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

30 лет назад закончилась Афганская война. Для многих она до сих пор остается неизвестной. Перед вами сборник рассказов, написанный одним из участников той далекой войны. Александр Карцев, проходивший службу в Афганистане, участник антипиратской кампании в Индийском океане и в Красном море, подполковник запаса, лауреат многочисленных литературных премий, рассказывает о работе в горячих точках, в боевых условиях, когда выполнение основного специального задания совмещается с повседневным тяжелым солдатским трудом.

- Александр Карцев
  - Предисловие
  - Исмад
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Эпилог
  - Кое-что о ножах
    - Красноармеец Коля Белянин
    - Коготь Тигра
    - Призраки Афганистана
    - Как найти нож?
    - Боевая задача
    - Запах крови
    - Возвращение из Афгана
  - Рассказы
    - Тандыр
    - Первый, второй
    - Пищак, Марь Иванна и другие
    - Чабан и солдаты
    - Новый год и душманы

        - О чем не пишут в боевых уставах
        - Когда он плакал
        - Высшая математика
- notes
    - 1

Александр Карцев
Неизвестная война. Записки военного разведчика

Предисловие

30 лет назад закончилась афганская война. Для многих она до сих пор остается неизвестной. Перед вами сборник рассказов, написанный одним из участников той далекой войны. В этих рассказах нет описаний подвигов. А есть будни командира сторожевой заставы, повседневная работа начальника разведки батальона, командира отдельного разведвзвода. Есть рейды и засады, тяжелый солдатский труд. И, конечно же, смешные и забавные истории, которые тоже иногда случаются на войне.

Но главное в этих рассказах — это секреты командирского «ремесла», которые позволили главному герою не только успешно выполнять поставленные боевые задачи, но и сохранить жизни всех своих подчиненных. Потому что побеждает на войне не тот, кто перевоюет противника. А тот, кто его передумает.

И кому после войны не стыдно будет взглянуть в глаза матерям своих солдат.

До многих из этих секретов вчерашнему курсанту пришлось идти не самой легкой дорогой. И не сразу он стал боевым офицером, которого в полку считали заговоренным от пуль и осколков. А солдаты мечтали служить под его командованием…

Александр Карцев

Исмад

В жизни нам приходится сталкиваться с очень многими людьми. Одни проходят мимо нас и остаются незамеченными. Другие становятся нашими друзьями. Третьи — врагами. Исмад был врагом. Хитрым, коварным и жестоким…

Глава 1
Дуканщик

Эта история началась весной 1987 года. Вот уже несколько месяцев в Афганистане активно претворялась в жизнь политика национального примирения. И хадовцы (афганская госбезопасность) активно разрабатывали одну из банд в окрестностях Баграма, пытаясь склонить ее на сторону народной власти.

Почему их заинтересовала именно эта банда, сказать было трудно. Еще полгода назад она действительно была довольно известной в провинции Парван. Постоянные вылазки этой банды на кабульскую дорогу в районе кишлаков Карабаг и Калакан попортили немало крови нашему командованию. Но после гибели (или тяжелого ранения?) в сентябре 1986 года главаря Устад Карима банда от активной боевой работы отошла. И погрязла в междоусобных разборках. Братья Карима (Абдул-Али и Рахматулло) никак не могли прийти к согласию. В результате банду возглавил бывший помощник Карима и его правая рука Хайрулло. Обычный дехканин в недалеком прошлом, за годы войны он приобрел славу храброго воина и удачливого командира. К тому же на его стороне оказалась память о Кариме, с которым он воевал рука об руку. Абдул-Али и Рахматулло в это время занимались торговлей. И поэтому аскеры (воины) Карима недолго думали над выбором нового командира. Они вообще не любили думать слишком долго.

Еще осенью Хайрулло незаметно прибавил к своему имени короткое «Хан». И стал называться Хайрулло-Ханом. Эта маленькая приставка заметно прибавила ему авторитета среди простых моджахедов. И только одноглазый Исмад загадочно усмехался, глядя на эти нововведения. Он не верил, что этот безродный дехканин сможет стать настоящим вождем, каким был Устад Карим. И он не ошибся.

За всю зиму банда только дважды обстреливала советские колонны на кабульской дороге. Но издалека и без особого успеха. К тому же они не взяли никаких трофеев, а что это за война, когда нет трофеев? Ведь только они могут радовать настоящих воинов! Трофеи и мертвые шурави!

Исмад любил трофеи, но еще больше он любил убивать шурави. Он ненавидел их лютой и какой-то животной ненавистью. Нет, все эти разговоры о захватчиках и оккупантах мог вести Хайрулло. Он верил в эти глупости, с трудом

представляя, что будет, когда эти захватчики уберутся восвояси. Этот выскочка никогда не видел дальше своего носа!

Исмад был другим. Он умел просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. И не случайно еще недавно владел большим дуканом (магазином) в Карабаге. И был очень богатым человеком. Но казалось, что это было так давно! Да, он не только торговал. К чему скрывать — когда началась война, он с доверенными людьми стал выходить на большую дорогу. Среди белого дня они останавливали машины с товаром, следующие в сторону Кабула. Забирали товар. Несговорчивых водителей убивали. Потом эти товары его сын Мирзо продавал в дукане. Часть Исмад раздавал своим людям.

Мало кто знал, что Исмад был осведомителем начальника госбезопасности провинции Вахида и руками хадовца убирал неугодных ему людей. Вахид же в свою очередь, получая нужную ему информацию, закрывал глаза на «маленькие» шалости своего подопечного. К тому же грабежи были проблемой царандоя (милиции), а не госбезопасности.

На войсковые колонны аскеры (в данном случае — воины) Исмада, разумеется, не нападали. Риска много, а трофеев мало. Кроме того, после таких нападений шурави частенько устраивали операции возмездия. Проводя артобстрелы или авиационные удары по районам, откуда эти колонны обстреливали. Проще и безопаснее было останавливать афганские машины.

Конечно, все это было против воли Аллаха. Он никогда бы не позволил одному правоверному отнимать последнее у другого. Можно украсть у неверного — это доблесть! Можно обмануть неверного — это честь! Можно убить неверного. Собаке — собачья смерть! Но отнимать у своих…

Увы, соблазн был слишком велик! И Исмад не мог ему противостоять. Видимо, поэтому он прогневал Аллаха. В один из дней, когда его люди остановили очередную машину с товаром, что-то пошло не так. И дернула же его нелегкая устроить засаду не на дороге, а в районе кишлаков Лангар и Калайи-Кази (верный человек сообщил, что там пройдет машина с товаром). Сначала дуканщики из Кабула не захотели отдавать свой товар и схватились за оружие (обоих пришлось убить). Затем один из советских постов открыл по ним огонь. Откуда было знать Исмаду, что пока его аскеры будут выгружать товары из машины (она никак не будет заводиться), какой-то старик поднимется на гору Тотахан и расскажет о нападении этим шурави. Старик окажется отцом этих двух дуканщиков. Горе, обида или еще что-то заставят его обратиться за помощью к неверным. Со слезами на глазах старик будет рассказывать командиру советского поста о

том, что на рассвете он приехал с сыновьями за дровами из Кабула (о товаре он, разумеется, не скажет ни слова). О том, что на окраине кишлака Лангар их машину расстреляли душманы. Что оба сына погибли на месте. Ему удалось бежать. И будет просить, чтобы ему помогли забрать тела его сыновей.

От поездки в духовский кишлак командир поста благоразумно откажется (дивизионный разведбат мог позволить себе такую экскурсию, а соваться в Лангар на двух БМП ради двух убитых дуканщиков было полным безумием), но пообещает отогнать духов от машины. И сдержит свое обещание.

По его команде танк сделает всего лишь один выстрел снарядом ОШ-6 (на дистанционной трубке будет установлен недолет 200 метров) по направлению к цели. И после этого старик спокойно заберет и похоронит своих сыновей.

А Исмад впервые в жизни испугается. Над его головой разверзнется небо, и Аллах огненными стрелами поразит всех его аскеров. Правда, всего этого Исмад уже не увидит. Он запомнит только какой-то резкий звук в небе, непонятный свист и боль в глазах. Видимо, Аллах в последний момент все-таки смилостивился над ним, решив ослепить его, чтобы он не увидел того, что стало с его воинами…

Исмад придет в себя только поздней ночью. Он будет лежать на циновке в какой-то крепости. И ему будет очень холодно. Утром его впервые перевяжут, но он не будет знать, кто это сделал. Он не будет видеть ничего вокруг, а будет только внимательно прислушиваться к окружающим его звукам и голосам. И лишь через несколько дней он впервые поднимется на ноги и выйдет на улицу. И снова увидит свет. Но очень смутно, через повязку.

Его приведут к Хайрулло (он впервые услышит голос того, кто пришел на смену Устад Кариму). И тогда он узнает, что именно люди Хайрулло подобрали его чуть живого и принесли сюда. Что все его люди погибли. А он остался жив только благодаря милости Аллаха. Заплатив за эту милость одним своим глазом (его выбило осколками ветрового стекла машины) и несколькими царапинами. Что огонь по ним открыли шурави с Тотахана. И что в Карабаге его ищут эти слуги шайтана, царандоевцы (видимо, Вахид, узнав о его ранении и последней засаде, все-таки решил сдать своего неугомонного осведомителя царандою).

А еще он узнает, что два дня назад шальная пуля с одного из советских постов, стоящего на кабульской дороге, унесла жизнь Мирзо, его единственного сына и помощника. И тогда он впервые в жизни заплачет. Нет, не заплачет. Ведь на все воля Аллаха.

Просто глазам вдруг станет мокро. Даже тому глазу, которого у него больше нет. Но под повязкой этого никто не увидит.

Хайрулло милостиво разрешит ему остаться в Лангаре. Потому что идти Исмаду больше некуда. Так в месяце Мизане (за полгода до описываемых событий) закончится история дуканщика из Карабага. И начнется история одного из самых жестоких и беспощадных главарей моджахедов. А у командира советского поста на Тотахане появится новый кровный враг.

Как же давно это было! Прошло всего полгода, а кажется — целая вечность. Исмад снова улыбнулся. На его изуродованном лице улыбка вышла похожей на гримасу. Нет, Хайрулло никогда не станет настоящим главарем. Таким, каким был Устад Карим. Удача любит храбрецов, а Хайрулло стал в последнее время слишком осторожен. А его правая рука Карим Ухорт в открытую идет против воли Аллаха и призывает аскеров к примирению с неверными! Трусы!

Он никогда не примирится! И никогда не простит им своего страха (как же он тогда испугался!) в тот черный день. И своих слез.

Исмад поправил автомат на плече. Не глядя махнул рукой и направился в сторону кабульской дороги. За ним следом потянулась небольшая группа вооруженных людей. Человек шесть-восемь. Самых непримиримых сорвиголов. Они признали в нем своего нового главаря. И были готовы умереть по его приказу.

Хайрулло долго смотрел им вслед.

«Ох, накличут они беду на Лангар. Рано или поздно накличут, — с грустью думал он. — Снова будет война, а мои люди так от нее устали».

То, что в отряде у него появился новый претендент на власть, Хайрулло не беспокоило. Людей у Исмада было слишком мало. К тому же он был чужаком! Страшно было другое. Этих людей Исмаду вполне могло хватить, чтобы разбудить и рассердить «большого медведя» — шурави. А сил, чтобы воевать с шурави, больше не было. Эти постоянные налеты авиации и артиллерийские обстрелы сломили дух многих. Может быть, позднее Аллах даст им сил для борьбы с неверными. Может быть. Но не сейчас.

Хайрулло уже начинал жалеть о том, что выходил Одноглазого и дал ему приют. Но ничего изменить он уже не мог…

А командир восьмой сторожевой заставы на Тотахане тогда и предположить не мог, что его судьба пересечется с судьбой какого-то дуканщика Исмада. Пересечется и сплетется в тугой

узел. И развязать этот узел сможет только смерть одного из них.

Глава 2
Десантники

На время очередного отпуска начальника разведки второго мотострелкового батальона Толи Викторука исполняющим его обязанности был назначен командир 8-й сторожевой заставы Сергей Карпов. Почти два месяца Сергей командовал отдельным разведвзводом батальона. После возвращения Викторука из отпуска Сергей сдал ему дела и должность начальника разведки второго батальона. А сам вернулся к себе на заставу, на родной Тотахан. На заставе его ожидала приятная новость. Его назначили заместителем командира шестой роты. Это было совсем неплохо. Теперь он не был связан по рукам делами и заботами сторожевой заставы. И снова мог целиком посвятить себя работе с Шафи (Шафи был близким другом главаря крупнейшей группировки моджахедов Ахмад Шаха Масуда и нашим агентом по совместительству. Псевдоним Кази означал «судья». Подробнее об этом можно прочитать в моем романе «Шелковый путь (записки военного разведчика)»).

Сергей навестил лазарет в Кала-Шахи. Зашел в гости к Шафи, передал его дочери Лейле акварельные краски и альбом для рисования. И снова открыл прием больных и раненых в кишлаке. Казалось бы, живи и наслаждайся. Но дурные привычки, приобретенные им за два месяца в разведвзводе, никак не давали ему покоя. Сергей занялся рисованием. Хотя «рисовал» он немного необычные картинки — например, карточку огня восьмой сторожевой заставы (для танка Т-62 и миномета). Пристреливал цели осколочно-фугасными снарядами из танка и дымовыми минами из миномета. Засекал на электронных часах подлетное время мин и снарядов. Рисовал на схеме местности какие-то цифры. Видно, шаманил?

Разбирался с запасами боеприпасов на артскладе. Проводил учебные тревоги (когда не занят работой с личным составом, так и тянет им заняться). Устанавливал сигнальные мины на склоне Тотахана (саперов на заставе не было). Другими словами, занимался всякой ерундой.

14 апреля 1987 года на Тотахан приехали десантники из Баграма: капитан Франц Клинцевич и старшина полковой разведроты прапорщик Володя (345-й ПДП). Они долго о чем-то шептались с пришедшим на заставу Сафиулло (бывшим командиром небольшого отряда моджахедов из Петавы, перешедшим недавно со своими бойцами на сторону народной

власти). Десантники не посвящали Сергея в свои секреты, а он не навязывался.

На следующий день на заставу поднялся Шафи. Он привел с собой трех кочевников-пуштунов, которые разбили лагерь недалеко от Лангара. И теперь жаловались на то, что уже второй день к ним приходят какие-то вооруженные люди и грабят их. Володя с привычной прямотой предложил организовать засаду и поймать этих нехороших людей. Да, среди прапорщиков — старшин рот, старших техников и командиров гранатометно-пулеметных взводов — всегда было много любителей повоевать (могу ошибаться, но мне всегда казалось, что офицеры были менее воинственны). В отличие от многих из них Володя воевать не только любил, но и умел (он был одним из тех немногих профессионалов, которых охотно брали на должности заместителей командиров групп специального назначения, да и в рейдовых батальонах такие всегда были на вес золота).

Но Сергей Карпов только усмехнулся: «Десантники… Любую проблему они готовы решить лихой кавалерийской атакой». Вариант с засадой здесь явно не подходил. Во-первых, район неудобный — горный склон закрывал место возможной засады от дивизионной артиллерии и даже от наших застав. Место было слишком открытым для проведения засады (а это усложняло отход разведчиков после выполнения задачи). Во-вторых, проведение засады по заказу самих афганцев Сергей всегда считал разновидностью игры одного всемирно известного клуба. Клуба самоубийц. Ибо на таких засадах охотники и дичь слишком часто менялись местами. Точнее, охотники думали, что они сегодня охотники. На самом деле они были дичью. Уверенности в том, что эти пуштуны не работают на духов, у Сергея не было. Ну и в-третьих, захват двух-трех духов казался ему слишком простым. Слишком! И кто только научил этих безграмотных афганцев принципу Сунь-Цзы — заманивать выгодой? Но они умело использовали этот принцип, а мы частенько попадались на этот старый трюк. Нет, Сергей не любил, когда ему под нос подсовывали бесплатный сыр.

Франц Клинцевич заметил его сомнения.

— Сергей, есть другие предложения?

Сергей пожал плечами.

— Устраивать засаду в этом районе слишком опасно. Ради двух-трех стволов можно потерять всю разведгруппу…

Он предложил следующей ночью выкатить на соседнюю горку ПКП (14,5-миллиметровый пулемет Владимирова — крупнокалиберный пехотный с колесным станком Маркова), замаскировать его и немного подождать. Кочевникам выдать

сигнальные дым и огонь. Как только духи их покинут, кочевники дадут сигнал (днем — дым, ночью — огонь). С соседней горки стоянка кочевников как на ладони. Из ПКП без проблем можно будет накрыть любую цель. При желании с расчетом ПКП можно будет посадить и арткорректировщика. Он сможет навести на духов минометный огонь (при этом Сергей скромно отметил, что миномет пристрелян по двум контрольным точкам в этом районе). Кстати, кочевники за эту небольшую услугу должны будут принести десантникам стволы убитых духов.

— Все согласны?

Франц молчал. Шафи загадочно улыбался. Володя пытался что-то сказать. Но фраза о том, что за оружием духов не нужно будет спускаться, а его принесут сами кочевники, сбивала его с толку. Пуштуны внимательно прислушивались к нашему разговору. Было заметно, что русский язык им немного знаком. Сергей протянул им сигнальные дым и огонь. Объяснил, что когда грабители уйдут, им нужно будет подать сигнал. Днем — сигнальным дымом, ночью — огнем. Они согласно кивали в ответ. Как только духи отойдут от стоянки кочевников на безопасное расстояние, их уничтожат наши солдаты. Снова кивание.

Возникла маленькая заминка. Кочевники были неграмотные и не могли отличить сигнальный дым от огня. Пришлось перематывать их нитками. Черной ниткой огонь, белой — дым. Сергей снова протянул их кочевникам. Сначала дым, затем сигнальный огонь.

— Это руз (день), это нимэшаб (полночь). Шома гяпэ мара фахмидид (вы меня поняли)?

Эта смесь русского и дари должна была произвести на кочевников неизгладимое впечатление. Почему-то многие из нас считали именно так, вместо того чтобы просто учить язык местных жителей.

Привычные кивки в ответ. Сергей попросил Шафи объяснить, что те должны будут принести на заставу оружие убитых душманов. Кочевникам эта мысль не понравилась, но, подумав, они согласились. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку.

Сергей распрощался с кочевниками.

— Хода хафез (до свидания).

Кочевники долго трясли его руку. Затем еще дольше руку Франца. И уж совсем увлеклись они прощанием с Володей. Франц и Володя были в штормовках без знаков различия. Но кочевники почему-то приняли именно Володю за очень большого командира, а не Франца.

Наконец-то они развернулись и направились к своей стоянке. Сергей сделал несколько шагов вместе с ними. Шафи немного отстал от кочевников. Обернувшись к Сергею, чтобы никто не слышал, он произнес лишь несколько слов:

— А командир — хитрец. Все понял правильно, — он понимающе улыбнулся и пошел догонять своих спутников.

«Удачи тебе, дорогой Шафи», — подумал с теплотой Сергей о своем учителе.

— Что он тебе сказал? — от Франца не укрылась эта незначительная сцена. Сергею нечего было сказать в ответ. Он только пожал плечами. В это время раздался задумчивый голос старшины. Наконец-то Володя смог озвучить мучивший его вопрос:

— Сергей, а зачем ты дал им сигнальный огонь? Ведь ночью мы не сможем накрыть духов из ПКП. У него же нет ночного прицела!

Это был давно ожидаемый вопрос.

— Ну, они же отдали вам духов. Не пожалели. А тебе сигнального огня стало жалко? Не будь жмотом! Пусть бедные кочевники порадуются бакшишу (подарку) от большого командира шурави Володи. К тому же никого накрывать из ПКП мы не будем.

— Не понял, — Володя удивленно развел руками и обернулся в сторону своего начальника. Во взгляде старшины застыла детская обида. Словно у него только что отобрали любимую игрушку.

Франц с интересом посмотрел на Сергея:

— Объясни.

— Все очень просто. Думаю, что пуштунов прислали духи. И духи готовят нам какую-то пакость. Пока не разберемся, что они придумали, рисковать людьми не будем. А сделаем все немного иначе.

И рассказал десантникам историю о двух пастухах.

Глава 3
Пастухи

— В январе 1986 года я проходил стажировку в должности начальника разведки Бикровинского танкового полка, — Сергей на мгновение задумался. — На базе этого полка развертывалась рота глубинной разведки. Тогда я впервые услышал это название. Чем отличалась эта рота от обычных полковых разведрот, я догадался почти сразу. Но сейчас речь пойдет не о ней (об этой роте я расскажу как-нибудь позднее).

Недалеко от иранской границы в это время проводились плановые учения по развертыванию наших войск. Под шумок этих учений рота отрабатывала свои задачи. Как учебные, так и боевые.

После успешного выполнения одной из таких задач разведгруппа в составе трех человек возвращалась к месту сбора. Они были уже на своей территории, поэтому немного расслабились. И даже вспомнили о том, что последние несколько дней во рту не было ни крошки (та гюрза, которую они съели за день до этого, была не в счет — разве это еда для трех здоровых мужиков!).

Недалеко от подземного озера Ков-Ата (Бахарденское озеро) они приметили две отары овец. Это было явной удачей. Отары были настолько большими, что пропажу одной овцы или барана пастух просто бы не заметил (по крайней мере разведчики так думали). К тому же пастух ближайшей отары был таким невнимательным: сидел на небольшом бархане и дремал. При этом изредка поглядывая на соседнюю отару. Видимо, там было на что посмотреть. Свои-то бараны за эти годы так надоели, что смотреть на них у него уже не было никаких сил. А у соседа в отаре всегда происходило что-то интересное.

Разведчики, памятуя о том, что наши народ и армия едины, решили, что народ изредка должен помогать своей армии. И один из баранов мог бы стать символом такой помощи. Тем более что они брали его не навсегда, а как бы взаймы. Логично рассудив, что беспокоить по таким пустякам пастуха не стоит, они решили провести заимствование тихо и аккуратно. Без шума и пыли. Пастух все равно бы ничего не заметил.

Но у ребят ничего не получилось…

Позднее при разборе полетов была обнаружена небольшая

ошибка в работе командира группы. Да, понятно, красть нехорошо. И есть на работе иногда бывает вредно. Но кроме этого нужно было еще и думать, куда смотрит пастух второй отары!

Старшина разведроты почесал затылок.

— Да, товарищ старший лейтенант, забавная история. А к чему это вы ее рассказали?

Сергей пожал плечами.

— Да, в общем-то для того, чтобы было понятно, что когда у тебя хорошие и надежные соседи, твоя отара будет в целости и сохранности. Как и отара соседа, разумеется. Ну, а что касается предстоящей засады, то есть такая поговорка: что в лоб, что по лбу — все едино. И для того, чтобы решить эту проблему, вовсе необязательно слишком уж рисковать.

— Ладно, что это я вас баснями кормлю! Пойдемте перекусим, что ли? А заодно и обсудим наши планы. Вы как, товарищ капитан?

Франц Клинцевич вздрогнул. Мысли его витали где-то далеко.

— Да, и правда, занятный рассказ. А перекусить можно.

Сергей отдал необходимые указания повару и вместе с десантниками направился в канцелярию командира роты. Канцелярией громко называлась сложенная из камня небольшая постройка примерно два на четыре метра на вершине Тотахана. Там можно было спокойно перекусить и обсудить план дальнейших действий. Не опасаясь быть подслушанными.

Глава 4
Полдник на Тотахане

Секретарь комсомольской организации роты (лучший пулеметчик 6-й мотострелковой роты и ротный писарь по совместительству) Сергей Владимирович Багрий принес в канцелярию чайник с чаем, три кружки, алюминиевые ложки, две лепешки и тарелку с тушенкой. Тушенка была эффектно украшена тоненькими, почти прозрачными колечками лука. Как все это могло уместиться в двух руках, оставалось загадкой. Но еще большей загадкой было то, что перед тем, как войти в канцелярию, Багрий постучал в дверь. И собравшиеся в канцелярии не хотели даже думать, чем он мог это сделать. Разумно рассудив, что вовсе не обязательно, чтобы на все вопросы находились правильные ответы.

А тем временем законы всемирного тяготения (и ряд других не менее интересных законов) начинали действовать. Ложки стали предательски выскальзывать из рук рядового Багрия. Лепешки накренились и стали разъезжаться в разные стороны. Тарелка постепенно сползала в крутое пике. Видимо, вскоре у нее должны были открыться бомболюки.

Володя и Сергей Карпов бросились на выручку рядовому Багрию. Смотреть на его муки было выше их сил. Они подоспели вовремя. Полдник был спасен. Да-да, именно полдник. У десантников, в отличие от Сергея, с раннего утра во рту не было маковой росинки. До ужина было еще не менее двух часов, и только полдник мог дать им надежду дожить до ужина. А не умереть позорной голодной смертью. Голодная смерть у десантников и разведчиков всегда считалась самой позорной. Сергей это прекрасно знал.

В родной матушке-пехоте же любая смерть была почетной. Даже от голода. Это была проблема не только шестой роты. Поваров для сторожевых застав просто назначали из наиболее подготовленных солдат. Их старались освобождать от караульной службы и работ. Но вставать каждое утро на час-полтора раньше других, разжигать огонь в дизельной печке и готовить пищу более чем на полсотни ртов (управление роты, личный состав 2-го МСВ, ГПВ, танковый экипаж, минометный расчет и расчет станции радиоперехвата) все равно было довольно утомительно. Обычно поварами были братья-узбеки. Они прекрасно готовили плов, рыбный суп «Ух» (так они называли уху), выпекали лепешки в тандыре. Но их рабочий пыл быстро сходил на нет, и максимум

через полгода приходилось назначать нового повара. Чтобы остальные бойцы не умерли голодной смертью. Ведь заставить их проявить хоть какую-то инициативу в этом вопросе (накормить самих себя!) было самой большой проблемой.

Нет, десантники и разведчики — совсем другое дело! Заморить их голодом просто невозможно. Только они могут с томным и многообещающим взглядом подойти к любой девушке. Нежно улыбнуться и спросить:

— А у вас водицы испить не найдется? А то с утра ничего не ели, да и спать негде (не с кем).

И только они знают великую тайну мироздания: весь мир полон съедобных и несъедобных вещей. Последние в случае крайней необходимости тоже могут быть съедены. Нужно только поднять свой зад, сделать пару шагов и съесть все это. Все очень просто. А окружающие потом удивляются, почему это разведчики и десантники так пушисто живут. Почему они такие толстые, добрые и веселые. Шевелиться надо! Ибо, как известно, под лежачий камень даже сгущенка не течет.

К чему это я о сгущенке? О, так и есть, шоу еще не закончилось! Сережа Багрий ловко расстелил на столе газету «Красная Звезда». Установил в центре тарелку с тушенкой, поставил рядом чайник и кружки, разложил лепешки и ложки. И под восхищенный взгляд старшины извлек из кармана четырехсотграммовую банку сгущенного молока.

Старшина не стал дожидаться, когда Сергей Карпов достанет нож для открывания банок с запалами ручных гранат (обычно этим ножом мы открывали и консервные банки) или нож для открывания цинков (цинков с патронами), а достал свой красивый охотничий нож и ловко открыл банку. Затем радушным жестом пригласил всех к столу. Старшина — он и в Африке старшина!

Рядовой Багрий вышел из канцелярии, но через мгновение его голова снова появилась в дверном проеме.

— Товарищ лейтенант, коробочка (БМП) с батальона. Ротный возвращается.

Это было отличительной особенностью Тотахана. Степь Татарангзар простиралась от его подножия до реки Панджшер. Пыль, поднятая любой машиной, была видна километров за пять. С учетом необходимости преодоления пересохших русел небольших речушек и различных оврагов это давало минут пятнадцать-двадцать на разгильдяйство. И приведение заставы в порядок. А хорошая оптика с двадцатикратным увеличением на зенитной трубе ТЗК-20, что стояла на первом посту, легко позволяла отличить БМП от БТР, танк от водовозки. Так что любые неожиданные проверки вышестоящего командования

восьмой сторожевой заставе были не страшны. К тому же какие могут быть неожиданные проверки, когда связисты Вовки «Катушкина» всегда предупреждали о них заранее!

Да, это был ротный. Володю Стародумова комбат вызвал на КП батальона перед самым обедом. На роту повесили пять тонн дизельного топлива, и ротного пытались сделать крайним. Все это было похоже на театр абсурда! Командир взвода обеспечения пригонял обычно под Тотахан топливозаправщик и сливал дизельное топливо в цистерну, врытую у подножия горы со стороны хребта Зингар. Сколько там было топлива и сколько его сливалось, никого обычно не интересовало. Тем более что проверить это ротный все равно не мог. Разве что только теоретически.

Да и проще было продать горючку командиру взвода обеспечения, чем предположить, что по ночам (или среди белого дня) из ротной бочки местные моджахеды воруют (или приобретают за умеренную плату) кружками, котелками и ведрами дизельное топливо. Ночью их легко могли подстрелить часовые, а днем поблизости было слишком много глаз. Нет, что тут говорить: рыба гниет с головы, но чистят ее всегда с хвоста!

Сергей Карпов кивнул в ответ. И пока Багрий не исчез окончательно, попросил его принести еще одну ложку. Ротный наверняка после аудиенции у комбата не откажется немного перекусить. Война войной, а без обеда много не навоюешь.

Пока машина ротного урчала на подъеме, Сергей в двух словах рассказал о своем плане. Франц с улыбкой его выслушал.

— Сергей, а у тебя не было в роду никого из…

Сергей сокрушенно развел руками.

— Обидно, но по паспорту я русский. Родители русские. Бабушка с водолазами не была знакома, но откуда во мне столько национальных черт этого древнего народа? Скорее всего, в душе я действительно чистокровный… нерусский. Пока офицеры шутили, Володя пытался осмыслить сказанное. Мысль о том, что засаду можно провести в другом месте, показалась ему довольно интересной. Но то что засаду можно было вообще не проводить, а достать духов огнем с соседней заставы, показалось ему чистейшим авангардизмом. Правда, тогда не придется тащить на соседнюю горку тяжеленный ПКП. Это единственное, что примиряло его с таким планом. И только мысль о потраченных впустую сигнальных огнях и дымах не давала ему покоя.

Тем временем Франц уточнил еще некоторые моменты.

— Ты думаешь, что духи готовят нам засаду?

— Не думаю, но чем черт не шутит, когда у Аллаха тихий час.

Франц в сомнении покачал головой.

— Да, но засаду проводить нам все равно придется. Таков приказ. Но вот место, которое ты указал для нее, пожалуй, подойдет куда больше. А ты уверен, что за хребтом стоит караван?

Сергей наморщил лоб.

— Нет, не уверен. С одной стороны, зачем духам подсовывать нам под нос этот кусок сыра или мелкую рыбешку? Похоже, хотят отвлечь наше внимание от более крупной рыбы. С другой стороны, они могут подготовить встречную засаду на наших разведчиков на соседней горке. Или приготовить еще какую пакость. К примеру, заминировать место, где мы должны будем расположить свою группу огневой поддержки. А то, что в данных условиях мы будем вынуждены ее использовать и место ее возможного расположения, ни для кого не секрет. Поэтому я и предлагаю засаду организовать не здесь, а на выходе из кишлака Чашмайи-Харути в баграмскую зеленку. Вместо того чтобы охотиться за тремя грабителями, ваша разведрота перекроет караванную тропу. Там улов может быть гораздо крупнее. За соседней горкой усилить наблюдение. Ночью можно будет развернуть станцию наземной разведки (ПСНР-5). Ну, а я отпрошусь завтра у ротного на двадцать вторую заставу. Если кочевники все-таки зажгут дым или огонь, с двадцать второй заставы огнем БМП я грабителей могу основательно припугнуть.

Володя подал голос.

— Ты хочешь открыть огонь по духам ночью? Интересно, каким макаром ты собираешься прицелиться из БМП?

— Володя, не забивай голову. У каждого шамана есть свои маленькие шаманские секреты. Чтобы выстрелить по какой-либо точке ночью, можно навести ствол на нее днем. Нужно только рассчитать, куда могут пойти ночью эти незваные гости! А это совсем не трудно.

Франц хотел еще что-то спросить.

— Тебя еще что-то беспокоит?

Сергею было нечего ответить. Но на душе у него было неспокойно.

— Не знаю. Но что-то здесь не так. И мне все это совсем не нравится. Ладно, пойду встречу ротного. Потом договорим.

Сергей вышел к казарме. Тем временем машина ротного наконец-то поднялась на вершину Тотахана. Володя Стародумов ловко спрыгнул с брони. Выслушал доклад Сергея о происшествиях, которых не случилось, и о гостях-десантниках. Бывший командир комендантской роты, настоящий гусар и красавец Володя Стародумов всегда любил гостей, а десантников тем более. Он протянул дежурному по заставе сержанту Алишеру

Разакову газеты и почту. И направился со своим замом к канцелярии. Алишер шел следом. Пока они проходили мимо ленинской комнаты (единственной постройки на заставе из глинобитного кирпича), ротный успел рассказать последние новости.

— У Корнилы (командира второго взвода) умерла мама. Сегодня отправляем его в батальон, завтра оттуда идет машина в Кабул. Тебе придется посидеть на двадцать второй заставе до его возвращения.

Сергей ответил не по уставу:

— Будет исполнено.

Эта новость его поразила. Нет, то, что люди умирают не только на войне, не было для него новостью. Полгода назад, когда он лежал с тифом в реанимации баграмского инфекционного госпиталя, Виктор, муж его сестры, попал после ДТП в реанимацию обычной районной больницы в Союзе. И умер, не приходя в сознание. Люди умирают не только на войне. Его поразило другое. Несколько минут назад он разговаривал с десантниками о том, что нужно будет отпроситься у ротного на двадцать вторую заставу. Приехал ротный и сам приказал ему туда перебраться. Это могло быть случайностью, но Сергей мало верил в случайности. Похоже, это было записано в его Книге судеб… Он должен был оказаться на этой заставе. В назначенный день и назначенный час. Хотел он того или нет.

— Машина тебя подождет. Или ты, как обычно, пешком?

— Пешком привычнее. А машина пусть едет за Корнилой. Он уже знает?

— Да, я ему сообщил еще с батальона. Он уже собрался. Ждет машину.

Ротный повернулся к Алишеру.

— Выйди на связь с выносным постом, передай Иванищеву (командиру гранатометно-пулеметного взвода и выносного поста — 8 «а» сторожевой заставы), чтобы срочно пришел на КП, поедет старшим. Отвезет Корнилу в батальон.

— Есть! — Алишер Раматович Разаков взял под козырек. Он всегда был толковым сержантом.

Алишер привычным жестом показал наблюдателю первого поста три пальца в сторону выносного поста. Наблюдатель трижды выстрелил в сторону 8 «а» сторожевой заставы (сигнал выхода на связь), Алишер включил радиостанцию и передал указания ротного.

Сергей же тем временем попрощался с десантниками. Дал необходимые указания Нигмату Хашимову, заместителю командира третьего взвода. Взял свой автомат, лифчик с

магазинами, гранатный подсумок с гранатами Ф-1, свою медицинскую сумку (кроме лекарств в ней лежали его бритвенно-умывательные принадлежности). Не дожидаясь прихода Андрея Иванищева, направился по кратчайшему пути в сторону двадцать второй заставы. Навстречу неизвестному. Навстречу своей судьбе.

Глава 5
Диоген

Когда Сергей поднялся на двадцать вторую заставу, Корнила с большой ярко-синей сумкой, на которой красовалась надпись Montana, уже готовился забираться на БМП. Из люка механика-водителя торчало чумазое улыбающееся лицо рядового Исагалиева. Андрей Иванищев, сидя на башне, махнул Сергею рукой.

— Привет, командир. А на машине все-таки быстрее…

— Привет, Андрей. Зато пешком привычнее.

Сергей повернулся к Корниле.

— Держись. Мы все тебе соболезнуем, — и протянул ему руку.

Корнила пожал ее на автопилоте. Мысли его уже были далеко. Он передал сумку Андрею, поставил ногу на «клык» (к фальшбортам БМП механики-водители часто приворачивали металлические «башмаки», если не ошибаюсь, используемые для фиксации авиабомб при транспортировке; с этих «клыков» залезать на БМП было намного удобнее) и легко запрыгнул на броню. На прощание махнул рукой, и машина, слегка дернувшись, покатилась под горку.

Сергей долго смотрел ей вслед, пока БМП не скрылась за склоном. После этого он окинул взглядом заставу. То, что Сергей увидел, ему не понравилось. Нет, на заставе был образцовый порядок. Может быть, даже более образцовый, чем на Тотахане. И хотя в СПС (стационарных пунктах для стрельбы или стрелково-пулеметных сооружениях) не было карточек огня (за это командирам застав 2-го МСБ всегда доставалось на орехи от комбата), да и жили здесь победнее, чем на КП (командном пункте) роты, обстоятельность и привычка к порядку Корнилы сказывались во всем. Наш белорус смог добиться невозможного: на склоне горы не было видно ни одной консервной банки и ни одной кучи мусора.

Сергей с легкой грустью вспомнил склоны Тотахана, усыпанные консервными банками и разным мусором. Разумеется, на Тотахане были вырыты ямы для пищевых отходов и мусора. Но в скальном грунте сделать глубокие ямы, даже взрывным способом, было не просто. Поэтому бойцы (а лень родилась гораздо раньше их!), чтобы ямы заполнялись помедленнее, старались выбрасывать мусор не в них, а куда-нибудь подальше. Иногда у них это получалось, чаще — нет. Единственное, что

удавалось сделать Сергею, так это периодическими субботниками удерживать наступление мусора на заставу на более или менее разумном расстоянии. Кардинально решить проблему мусора, накопившегося за многие годы, он не мог.

А вот Корнила смог! И это было удивительно! Но не понравилось Сергею совсем другое. Тотахан был выше горки, на которой располагалась двадцать вторая застава, метров на двадцать-тридцать, не более. Но общее повышение рельефа к западу от Тотахана совершенно меняло восприятие высотности. Если Тотахан воспринимался всеми как гора с крутым западным склоном и почти отвесным восточным, то двадцать вторая застава визуально казалась расположенной на небольшом холме с совершенно пологими склонами.

Да, причина крылась именно в этом: на Тотахане Сергей чувствовал себя практически в полной безопасности. И даже мусор на склонах его родной горы невольно служил дополнительной защитой от непрошеных ночных гостей. Ибо пробраться по завалам пустых консервных банок к вершине бесшумно было практически невозможно (это не получалось даже у дикобразов). А уж пробраться молча (и не выругаться), когда попадешь во что-нибудь более смешное, чем пустые консервные банки, тем более.

Сигнальные мины и растяжки перекрывали линию водораздела. Миномет, смотревший по ночам в сторону Зубов Дракона (небольшие скалы на южном склоне, на линии водораздела). Оборонительные гранаты Ф-1, лежащие в деревянных ящиках из-под цинков рядом с влагонепроницаемыми упаковками на 120 патронов к АК-74 или РПК-74 (это был специальный запас боеприпасов на случай отражения нападения на заставу) в СПС. Обученный личный состав. Все это давало Сергею уверенность в том, что застава надежно защищена.

Здесь же было совсем другое дело. Не то чтобы Сергей сомневался в личном составе второго взвода и его подготовленности. Но эта пологость склонов, открытость и доступность казались ему просто удручающими. СПС казались слишком хиленькими, а окопы — слишком неглубокими (на самом деле это было совсем не так — окопы у Корнилы были на удивление глубокими). Он с легкой грустью подумал о ребятах, чьи заставы располагались в зеленке. На расстоянии протянутой руки от духов. Как чувствовали себя командиры тех застав, думать ему даже не хотелось.

«Ладно, начнем работать, времени для глупых мыслей и страхов просто не останется», — не очень уверенным голосом сказал он сам себе…

Сергей не спеша обошел свои новые владения. Наметил план предстоящих работ по инженерному совершенствованию заставы. Многие полезные предметы, которые он изучал в военном училище, безвозвратно улетучились из головы. Высшая математика, термех, сопромат бесследно канули в Лету. Но одна истина, которую он узнал на занятиях по военно-инженерной подготовке, навсегда засела в его мозгу: «В инженерном оборудовании опорного пункта нет места принципу достаточности». Как рассказывали на занятиях преподаватели, солдат, получивший команду остановиться, должен упасть (нет, и не отжаться — не угадали) и выкопать окоп для стрельбы лежа (пока пулеметчики ведут наблюдение за противником, а саперы устанавливают заграждения перед передним краем обороны). Затем окоп для стрельбы с колена. Для стрельбы стоя (стоя с верблюда, шутили преподаватели). Перекурить. А для этого прорыть траншею к соседу справа или слева (как ему будет указано командиром) и попросить у него этих сладких сигарет под названием «Чужие». Быстренько завершить оборудование взводного опорного пункта. Быстренько перекусить и только затем, после этой легкой землеройной разминки, приступить к основной работе.

Вы о блиндажах и окопах для БМП и танков? Бог с вами! Разумеется, вы их уже давным-давно выкопали! Конечно же, выкопали! А теперь приступим к оборудованию эскарпов и контрэскарпов, рытью противотанковых рвов, возведению бастионов и равелинов. Нам будет еще чем развлечься. Главное, не останавливаться на достигнутом. А места на земном шарике для этого вполне хватит.

И если не знаешь, с чего начинать и что тебе делать, — займись инженерным оборудованием взводного опорного пункта. Это была вторая истина, усвоенная Сергеем в училище.

К тому же еще в босоногом детстве бабушка часто говорила ему о том, что всякий человек состоит из души, разума и тела. Мысль о том, что когда солдаты заняты делом (в головах у них позитивные мысли, и на душе у них спокойно), тогда они совершают гораздо меньше глупостей, пришла к нему гораздо позже. Но он ее тоже твердо усвоил.

Поэтому следующий день он планировал начать с углубления окопов и усиления СПС, оборудования запасных огневых позиций. Днем провести плановые занятия по боевой подготовке (для ума), а вечером устроить небольшие посиделки с бойцами. Рассказать им последние новости, просто немного поболтать (для души). Он прекрасно понимал, что самым страшным на горных заставах был именно информационный голод. Обходиться месяцами без радио

и телевидения бойцам было действительно непросто. Даже газеты сюда доставляли нечасто. Так что беседы с любым новым человеком всегда ценились на вес золота.

Но это все для бойцов. Чтобы успокоить свою душу и наполнить свой разум светлыми, позитивными мыслями, Сергею нужно было совсем другое. Точнее, другая. Он подошел к своей старой подружке и ласково погладил ее по одному из стволов.

«Завтра нужно будет обязательно тебя пристрелять (привести к нормальному бою)», — с нежностью подумал он.

ЗУ-23-2 (23-миллиметровая двуствольная зенитная установка) на двадцать второй заставе была его давнишней любимицей. Сергей не верил в искренность пуштунов, но раз он обещал, что поможет им разобраться с грабителями, нужно было держать слово. И скорее всего, именно зенитная установка могла помочь ему в этом.

Сергей поднялся на вершину. Оценил возможности трех БМП, расположенных в окопах по периметру заставы (северная сторона заставы оставалась не защищенной огнем БМП, но она прикрывалась восьмой сторожевой заставой).

Нет, достать до лощины, по которой приходили к кочевникам грабители (если это, конечно, не было вымыслом), можно было только с ЗУ. БМП пришлось бы выгонять на открытые огневые позиции. Такой вариант его совсем не устраивал.

Сергей прошел на огневую позицию миномета. Нет, зря он все-таки наезжает на Корнилу! Вырыть в скальном грунте окоп такой глубины было по силам только титанам! И корнилиным бойцам, разумеется. Окоп у них удался на славу! Лишь одно немного омрачало общую картину. Это отсутствие на минометной позиции самого миномета. Но зато окоп был накрыт маскировочной сетью. И это придавало ему такой воинственный вид, что, видимо, должно было полностью компенсировать в глазах духов отсутствие миномета.

Незаметно подкрались сумерки. Наблюдатель доложил о «коробочке», вернувшейся на Тотахан. Кроме Корнилы теперь все «птенцы» шестой роты были на месте. Дежурный по заставе доложил о том, что ужин уже готов. И командиру его принесли в бочку.

Сергей усмехнулся. Да, не случайно позывной Корнилы в ротной сети был «Диоген». Так его прозвали в честь мудреца, живущего в бочке. Потому что и сам Корнила жил там же. Истины ради стоит отметить, что у Корнилы бочка была довольно вместительной. Метра два в высоту и метра четыре в длину (и как только такую штуковину затащили на горку, а самое главное — откуда?). Но ведь никто особенно не интересовался размерами

бочки самого Диогена. Вполне возможно, что ее размеры были еще более солидными.

Почти все пространство корнилиной бочки занимала шикарная плетеная кровать. Небольшой откидной столик, на котором красовалась тарелка с рисовой кашей, кружка с чаем и лепешка. Ящики с боеприпасами и какой-то хлам за маскировочной сеткой в глубине этой своеобразной комнаты дополняли ее скромное убранство. Два минометных ящика служили импровизированными стульями.

Сергей с удовольствием присел на один из них. Только сейчас он почувствовал, как проголодался. Через пару минут от ужина уже ничего не осталось. В этом не было ничего удивительного: Сергей всегда любил повеселиться, особенно поесть.

После ужина он принял доклад дежурных о смене. Расписался в журнале приема-сдачи дежурств по 22-й сторожевой заставе (там же была и постовая ведомость). Проинструктировал нового дежурного относительно сигнальных огней и дымов, которые могли использовать кочевники. И вместе с дежурными вышел на свежий воздух. Видимо, часовые заметили его силуэт и стали перекликаться с удвоенной энергией. А может быть, ему это лишь показалось?

На заставу спустилась ночь. Сергея всегда удивляло, как быстро она наступала в горах. И сколько звезд тогда вспыхивало на небосводе. К югу и западу от заставы, вдоль кабульской дороги, кишлаки располагались один за другим. Но только в редких домах по ночам зажигали свет. И не только из экономии. Просто вокруг было слишком много любителей выстрелить в светящееся окно.

Да, и на редких заставах был свет. Во втором батальоне электричество было только на КП батальона. И на Тотахане. Но на Тотахане стояла станция радиоперехвата. Свет был только на ней, да одна шестидесятиваттная лампочка висела в канцелярии роты. Увы, станция радиоперехвата была не на каждой заставе. Не было ее и на двадцать второй заставе. А были две керосиновые лампы (одна в казарме, вторая в бочке). По причине отсутствия керосина работающие на бензине. А чаще на обычном дизельном топливе. Дающие больше копоти, чем света.

Сергей частенько мечтал, что сможет со временем достать на заставы китайские лампы с керамической сеткой вместо фитиля. Вот они-то давали целое море света! Но это были только мечты. Лампы эти стоили в дуканах целое состояние и считались скорее элементом роскоши, чем чем-то необходимым для жизнеобеспечения заставы.

Сергей с грустью подумал о том, что роскошь эта

действительно недостижима. И что если бы у него была волшебная лампа Алладина и всего одно желание, он бы непременно попросил у джина дверки и печную арматуру (колосники и заслонки). Выложенная им из камня и подручных материалов на восьмой заставе печка постоянно норовила развалиться. И была довольно огнеопасной. После недавней зимы воспоминания об этом были еще слишком свежими. Хорошо еще, что Шафи через командира местного поста самообороны Хасана передал на заставу новый тандыр. Старый уже совсем развалился…

Сергей поймал себя на том, что мыслями все еще находится на Тотахане. Живет его жизнью и проблемами. В этом не было ничего удивительного. Полгода назад он принял под командование третий мотострелковый взвод и восьмую сторожевую заставу. Правда, командовал взводом меньше трех месяцев. Месяц провалялся в госпитале с тифом. Затем больше двух месяцев исполнял обязанности начальника разведки батальона, мотаясь с разведвзводом по рейдам и засадам. Но сержантов и многих солдат на Тотахане знал по имени-отчеству. И восьмая сторожевая застава все равно оставалась для него родным домом.

Теперь же на новой должности заместителя командира роты ему нужно было знакомиться с сержантами и солдатами всей роты.

«Завтра и начнем знакомиться», — подумал Сергей и вернулся в бочку.

Нужно было хотя бы немного поспать. Вроде бы ничего и не делал, а вымотался за день. К тому же ночью надо было хотя бы пару раз проверить посты. Он не стал расстилать кровать и раздеваться, а лег прямо поверх одеяла. Плетеная кровать оказалась на удивление мягкой и комфортной. Сергей с удовольствием потянулся и представил, как сладко он сейчас уснет.

Но сон не шел. На душе было неспокойно, и Сергей не мог понять причины этого беспокойства. Внутренний голос подсказывал, что уснуть этой ночью ему не удастся. Он попытался расслабиться. Досчитал до ста. Потом еще раз. Ничего не помогало. И тогда он вызвал дежурного по заставе…

Глава 6
Стрелка

Дежурный появился через мгновение, словно ждал неподалеку, когда его позовут. Вдвоем они вынесли кровать на минометную позицию. В изголовье, рядом с подушкой, Сергей положил свой автомат и лифчик с магазинами. Под подушку — подсумок с гранатами. «Ну, вот мы и дома», — подумал он.

Это было совсем другое дело! Едва ли проблема заключалась в самой бочке. На клаустрофобию Сергей никогда не жаловался. Возможно, новое место, новые люди и ожидание каких-то неведомых перемен не давали ему уснуть? А может быть, это был обычный страх? Странно… Ему частенько бывало страшно, но это никогда раньше не мешало ему крепко спать.

Вот и сейчас не помешает. Он вытянулся на кровати. Зевнул. И закрыл глаза.

Сон. Сейчас бы еще увидеть какой-нибудь замечательный сон, подумал он. Сергей любил смотреть по ночам сны (вместо телевизора). Правда, цветные в последнее время снились ему все реже и реже. Вы можете мне не верить, но сны на ночь он заказывал себе сам. Выбирал подходящий и смотрел его всю ночь.

Иногда это были сны о работе. Когда нужно было придумать нестандартный выход на засаду, решить какую-либо проблему, Сергей просто забирал эту задачу с собой в мир сновидений. Нет, не откладывал все на потом со словами: «Утро вечера мудренее», а именно забирал задачу в свои сны. И во сне к нему приходили нужные ответы и решения. Так уж он был устроен.

Но чаще эти сны, как и у всех мужчин, были о… Ну, вы сами догадались! Как и у всех мужчин на войне, его сны были о том, чтобы ему дали поспать еще хотя бы полчасика (насчет всех мужчин я, конечно же, погорячился — вполне возможно, что кому-то на войне снятся совсем другие сны). За последние полгода хронический недосып достал его уже до самых печенок! И в последнее время он все чаще и чаще просто проваливался в сон. Безо всяких фантазий. Уставший, измотанный, опустошенный. А через час-другой наступал рассвет нового дня. И все начиналось сначала.

К тому же его постель редко бывала такой удобной и комфортной, как сегодня. В такой постели можно было расслабиться. По полной!

«Интересно, а нашим мужикам снятся по ночам их жены? — спросил он сам себя. И сам же ответил: — Вряд ли».

И он был прав. Свои жены сниться им не могли. Почти все офицеры в роте были неженатые.

«А женщины им снятся?» — ответ на этот вопрос ему был неизвестен. Лично ему женщины не снились, и это было жутко несправедливо!

Сергей решил немедленно исправить эту несправедливость. И решил забрать с собой в сегодняшний сон какую-нибудь очаровательную блондинку. Это у него получилось. Но дальше дело застопорилось. И тогда он решил пригласить в свой сон еще одну девушку. Две девушки в одном сне — это должно было ему понравиться! Вот только что делать дальше с двумя девушками одновременно, он не знал. Это в жизни девушки могли взять инициативу на себя. Во сне же они могли делать только то, о чем Сергей имел хотя бы малейшее представление. Стыдно сказать, но к своим двадцати двум годам о том, что делать с двумя девушками дальше, Сергей действительно не знал. Разве что лишь теоретически.

Да, он уже целовался с девушками. Даже несколько раз! Но дальше этого дело у него не шло. А он и не спешил, помня совет своего отца: «Все приходит вовремя для тех, кто умеет ждать». Пока время девушек явно не пришло. Может быть, когда-нибудь потом? После Афганистана?

В училище он отдавал себя спорту и учебе. Теперь службе. Отдавал себя без остатка. По-другому жить он просто не умел. Но верил, что когда-нибудь он точно так же научится отдавать всего себя без остатка своей любимой девушке. Если, конечно, останется жив.

Так его мысли сами собой пришли к Светланке. Это была абсолютно запрещенная тема для снов. По крайней мере здесь, в Афганистане, Сергей старался не думать о ней. И уж тем более не брать ее в свои сны. Зная, что произойдет, если он это сделает.

Ведь даже во сне она была так реальна. Так близка! Он явственно чувствовал ее аромат. Ну вот! Как всегда, он начал шарить вокруг руками. Искренне удивляясь, что ее нет рядом.

Нет, так дело не пойдет! Это какое-то безобразие! Не стоило о ней даже думать! Как будто в первый раз он давал себе в этом зарок!

Ладно, если со сном ничего не получается, придется отложить его до лучших времен. «Поспим на гражданке или на пенсии», — подумал с грустной улыбкой Сергей. Дожить до гражданки или до пенсии он даже не мечтал, а значит, легко мог откладывать на то далекое время абсолютно любые несбыточные мечты и желания.

Разумно рассудив, что если сон не идет к Алитету, тогда

Алитет пойдет в горы (книга Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы» в детстве была его любимой), он встал с кровати, взял автомат. Положил в карман эфку (Ф-1) и пошел проверять посты. Ведь когда ты начинаешь страдать от безделья (и бессонницы), всегда лучше заняться делом, решил он.

Недалеко от бочки нес службу его старый знакомый, рядовой Филимонов Артур Владимирович. Несколько месяцев назад его перевели в роту из какого-то банно-прачечного подразделения дивизии. За употребление наркотиков. Место ссылки было выбрано на удивление удачно. Двадцать вторая застава с местными жителями контакта не имела, а значит, и возможности доставать «дурь» у Филимонова теоретически не было.

Командование надеялось, что свежий воздух и красивые горные пейзажи помогут ему забыть о пагубной привычке и исправиться. А лучшего способа, чем смена места службы, для этого отцы-командиры не видели. Вообще-то в Афганистане это был довольно распространенный способ укрепления воинской дисциплины, когда проштрафившегося офицера, прапорщика, сержанта или рядового переводили из одного подразделения в другое. Или пугали такой возможностью. Тех, кто служил в рейдовых батальонах, пугали службой на заставах (и беспросветной тоской). Сидящих на заставах — службой в рейдовых батальонах. Но еще больше — постоянными проверками и головомойками, строевыми смотрами и требованиями служить по уставу (всем тем, чем славились рейдовые подразделения, находящиеся между боевыми действиями в пунктах постоянной дислокации и крупных населенных пунктах по совместительству, куда так любили приезжать разные проверяющие). И тех и других пугали службой в Рухе (и других славных местах).

Увы, были офицеры, которых не раз переводили с одних застав на другие. С застав — в рейдовые батальоны. Затем на другие заставы. В такие дыры, что дальше посылать уже было некуда. Такие с легкой грустью в голосе говорили окружающим:

— А может, теперь в Сибирь сошлют? — И мечтательно добавляли: — Эх, пугайте. Пугайте нас… Родиной. Хотя бы попугайте.

Что делать дальше с такими нарушителями воинской дисциплины, командование не знало. Рядовой Филимонов стоял пока лишь у истоков этого длинного и славного пути. Сергей поговорил с ним несколько минут, затем проверил остальные посты и вернулся в бочку. Сидя за столом, при мерцающем свете керосиновой лампы он набросал в небольшом блокноте несколько четверостиший. Затем написал письма домой. И принялся

подбивать документацию командира заставы. Как всегда, с документацией был полный завал. Командиры застав относились к этой бумажной работе как к необходимому злу. Тревожить которое лишний раз считали неразумным. И лишь перед очередной проверкой пытались что-то изобразить в скоропалительно заведенных новых тетрадях.

Зная это, Сергей решил немного помочь Корниле в этой бесконечной войне с документацией. Так за бумажными делами и прошла его первая ночь на двадцать второй заставе.

А утром он обнаружил, что на заставе не проводится утренняя физическая зарядка. Это было настоящим ЧП! Утренняя физическая зарядка была придумана специально для сторожевых застав и выносных постов. Для того чтобы бойцы не сошли с ума от постоянных работ по совершенствованию инженерного оборудования и несения караульной службы. Это было небольшим развлечением в их однообразной жизни на заставе. К тому же им так просто было «объяснить», что на гражданке девушки очень любят бывших военных: «красивых, здоровенных». И что оставшиеся дни службы, кроме всего прочего (самой службы), должны быть посвящены превращению их хлипких и тщедушных тел в атлетические и накаченные фигуры. Почему Корнила не провел со своими бойцами должной работы, было непонятно. Сергею пришлось этим заняться.

После завтрака он провел плановые занятия по тактической подготовке, общевоинским уставам (точнее, по Дисциплинарному уставу) и по военно-медицинской подготовке. И только перед самым обедом наконец-то добрался до своей старой подружки. До надежной и безотказной ЗУ-23-2 (в отличие от ПКП, который постоянно давал осечки и перекосы патронов, зенитная установка была просто фантастически надежна и безотказна!). Это в умных книжках написано, что она предназначена для противовоздушной обороны подразделений воздушно-десантных войск. Но Сергей знал, что истинное ее предназначение — это согревать душу и радовать слух. Потому что ничто не может так порадовать настоящего солдата, как работа этой спаренной зенитной установки. Даже авиационная пушка, установленная на БМП-2, была, на его взгляд, менее эффективна в работе и не так прекрасна, как ЗУ.

Правда, на установке не было прицела (стрельба велась по стволу), но на дальности до двух километров это было не проблемой. Проблемой было другое. Без прицела проверить бой, и привести установку к нормальному бою было невозможно. Но это ни в коей мере не мешало Сергею просто немного повеселиться.

Он развернул установку в сторону степи Татарангзар, навел на парочку камней примерно метрах в восьмистах от заставы и нажал на педаль…

И всего-то две ленты по пятьдесят осколочно-фугасно-зажигательных снарядов, а сколько радости! Эх, давно он уже не получал такого удовольствия! Сергей присоединил две новые коробки с выстрелами. Развернул установку в сторону Лангара и навел ее на небольшую лощину, ведущую от кишлака к стоянке кочевников. Он был уверен, что если духи надумают их посетить еще раз, возвращаться они, скорее всего, будут именно по ней.

После обеда два штурмовика сбросили на Лангар несколько бомб. Чем это было вызвано, Сергей не знал. Что-то происходило вокруг, но у него было слишком мало информации, чтобы связать воедино происходящие события.

Два дня он проводил занятия по планам боевой подготовки. После обеда бойцы занимались инженерным оборудованием заставы. Углубляли траншеи, оборудовали запасные позиции. На второй день наблюдатель доложил о трех машинах «полосатых» (так обычно называли машины разведчиков), возвращающихся от кишлака Чашмайи-Харути.

Похоже, это машины разведчиков десантного полка. Когда они выходили на засаду, было неизвестно. Но то, что они работали в районе пересохшего русла реки Танги, говорило о том, что Франц Клинцевич прислушался к совету Сергея. Возможно, бомбардировка Лангара была как-то связана с их предыдущей беседой и этой засадой. Правда, результата засада, судя по всему, не дала. Слишком все было тихо. Разведчики могли работать с ПБС (приборами бесшумной стрельбы), но братья-моджахеды едва бы стали особенно миндальничать, попав в засаду.

Да и у Сергея с его кочевниками тоже была тишь да благодать. Два дня и две ночи пуштуны не подавали никаких сигналов. Весь его хитроумный план с огневым ударом с соседней заставы по их гостям летел коту под хвост. А ему так хотелось повыпендриваться перед местными духами. Показать им свой полководческий талант. Показать, что он не напрасно четыре года учился в военном училище. Ему было стыдно признаться даже самому себе, что кроме всего вышеперечисленного еще очень сильно хотелось опробовать в деле зенитную установку. И просто немного из нее пострелять. Поиграть в войнушку.

Увы, местным духам все его игры были абсолютно безразличны. В подавляющем большинстве они были пастухами или крестьянами, выращивающими скот или пшеницу. Привыкшими к тяжелому труду на земле. Причем не на самой

благодарной и отзывчивой к крестьянскому труду земле. На той земле, которая требовала постоянного орошения водой, потом, а иногда и кровью. Они и воевали так же обстоятельно и спокойно, с истинно крестьянской смекалкой и упорством.

Все эти ночи Сергей не смыкал глаз. Он пытался оправдать свою бессонницу предыдущей работой с батальонным разведвзводом. Тем, что разведчики, как известно, ночные птицы. Но на третью ночь перед самым рассветом его все-таки сморило. Кто-то из дежурных накрыл его бушлатом. В какое-то мгновение он проснулся и почувствовал это тепло и заботу. Ему было приятно ощущать это, и он снова уснул, улыбаясь чему-то во сне.

Проснулся он от шороха над головой. Что это было, понять он не мог. Но еще не проснувшись полностью, он дотянулся рукой до автомата. Снял его с предохранителя (патрон у него всегда был в патроннике, но автомат всегда стоял на предохранителе). В этот момент что-то упало с маскировочной сетки к нему на бушлат. Левой рукой он сбросил это что-то с бушлата на землю. Этим чем-то оказалась обычная стрелка. Небольшая змейка — примерно сорока сантиметров в длину и сантиметр-полтора в толщину. Упав на землю, она встала в стойку. И приготовилась к прыжку. Чтобы понять, что это за змейка, ему понадобилось почти тридцать патронов. Потому как, еще не сообразив окончательно, что произошло, он уже открыл огонь в ее сторону.

Он не думал, насколько она смертоносна. У него не было времени сравнивать стрелку с Марь Ивановной — старой и безобидной коброй, живущей на продовольственном складе восьмой сторожевой заставы на Тотахане. У него не было для этого времени! Он вел непрерывный огонь в ее сторону и просыпался. Он стрелял практически в упор с расстояния не более двух метров. И никак не мог в нее попасть. Пули рикошетили от камней и визжали на разные голоса.

Стрелять в каменистое основание минометного окопа мог только последний папуас (пусть простят меня братья-папуасы, но в этот момент Сергей был самым последним из них). Но он все никак не мог попасть в эту маленькую змейку, стоявшую перед ним.

Прошло около двух секунд с момента начала стрельбы. Выбитые пулями осколки камней поранили стрелку — и она свернулась в клубок. В этот клубок он и попал последними пулями. Разорвав его в клочья.

Несколько минут ему понадобилось, чтобы прийти в себя. Сменить магазин, передернуть затвор и немного успокоиться. Обычно он выпускал из автомата двадцать — двадцать пять патронов и менял магазин. Это освобождало его от

необходимости передергивать затвор. Но в этот раз он дострелял магазин «до железки».

Самое удивительное заключалось в том, что длинная очередь была на заставе сигналом тревоги. Вполне логичным сигналом. Но никто не спешил поднимать заставу «В ружье!». И никто не спешил к нему на помощь.

Сергей вышел из минометного окопа. Метрах в десяти от него находился второй пост. На посту стоял его старый знакомый — рядовой Филимонов. Стоял — это громко сказано. Артур Владимирович был в настоящем шоке.

В шоке была вся застава. Бойцов часто поднимали по тревоге. Но всегда длинная очередь была в пределах пяти-семи патронов. И никогда — целый магазин! Правда, и сам Сергей был от всего пережитого примерно в таком же состоянии.

Он не стал никому рассказывать о том, что произошло на минометной позиции. Сказал лишь, что это была обычная проверка боевой готовности заставы. И что застава эту проверку не прошла. А значит, бойцам еще многому предстоит научиться. И много тренироваться.

И лишь немного позднее он вспомнил о Филимонове. Его сменили с поста, напоили горячим чаем и дали немного отдохнуть.

Сергею уже приходилось видеть такую картину, когда молодые бойцы выстреливали весь боекомплект в белый свет как в копеечку. А потом опускались на колени и ждали, когда к ним подойдут бородатые дяди. И отрежут у них все выступающие и не очень выступающие части тела (многие суеверные люди считают, что если у врага что-нибудь отрезать, то в следующей жизни у него этого «чего-то» уже не будет). А затем перережут им горло.

Откуда в бойцах такая слабость, Сергею было непонятно. Почему нельзя было взять автомат и помахать им, как дубиной? Попробовать вести ножевой бой? Грызть, кусаться, царапаться? Хотя бы попробовать бороться за свою жизнь?

Сергей был старше многих из бойцов года на три-четыре. Некоторые сержанты (призванные в армию по окончании действия различных отсрочек) были его старше. Нигмат Хашимов, заместитель командира третьего взвода (и учитель русского языка средней школы в гражданской жизни), был старше его почти на пять лет. Заместитель командира батальонного разведвзвода Саша Хливный был практически его ровесником. Сержанты были взрослыми и толковыми ребятами. Бойцы — другое дело.

Еще со школьной скамьи и детских драк Сергей научился никогда не сдаваться. Драться из последних сил, даже если

противник был сильнее и старше. К такому поведению приучили его друзья-сверстники. Те, кто был слабее, но не сдавался, со временем могли войти на равных в любую кампанию. Те, кто ломался и сдавался, на долгие годы оставались для сверстников пустым местом. Но тогда вопрос не касался его жизни! Что изменилось теперь, ему было непонятно. Но то, что у многих нынешних солдат был полностью утрачен инстинкт самосохранения, стало для него неприятной неожиданностью.

Через две недели рядовой Филимонов устроит самострел. Выпустит из автомата две пули в мягкие ткани ноги. Сергей к этому времени уже вернется на Тотахан. И, узнав эту новость, будет долго гадать, отдадут ли Филимонова под трибунал. И чем все это закончится.

Закончится это как обычно. Дело замнут, а Филимонова переведут в рейдовый батальон. И еще через месяц Сергей, которого назначат начальником разведки этого батальона, встретит его там.

А пока дежурный принес в бочку радиостанцию Р-148. Сергея вызывал на связь командир батальона. Сегодня после обеда на заставу должны приехать два хадовца. У них назначена встреча с кем-то из банды Хайрулло-Хана. Сергей должен помочь организовать эту встречу и принять в ней участие. Возможно, для повышения уровня на переговорах требовался «свадебный генерал» (в лице старшего лейтенанта). Или представитель советского командования. Либо была еще какая-то причина, но посвящать в нее Сергея никто не стал.

Глава 7
Встреча

Ближе к вечеру под заставой действительно остановился старенький уазик. Подниматься в горку водитель, видимо, не решился. Из машины вылезли два человека и направились на заставу. Уазик развернулся и, поднимая пыльную завесу, направился в сторону Баграма. Это означало одно — гости останутся на ночлег. А еще то, что комбат не пошутил насчет этих переговоров. А когда это комбат шутил?!

Сергей пошел встречать гостей. Гости были в штатском, невысокого роста, вполне обычные афганцы. Но было в их глазах и поведении нечто такое, что сразу же выдавало в них сотрудников силовых служб. Скорее даже не в поведении, а в их взглядах — умных и оценивающих.

Первый, мужчина лет сорока, представился сам и представил своего более юного спутника:

— Рахматулло. Это Сафи. Пятое управление МГБ (Министерства госбезопасности). — И после короткой паузы добавил с легкой ноткой гордости: — Кабул.

После этого протянул руку и улыбнулся.

— Сергей. Вооруженные силы Советского Союза. Баграм.

Сергей пожал протянутую руку. Затем обменялся приветствием со вторым гостем.

Как радушный хозяин Сергей пригласил гостей в бочку. Он прекрасно помнил шутку фехтовальщиков и любителей ножевого боя о том, что кратчайший путь к сердцу любого мужчины лежит через его желудок. К тому же у него была привычка: перед тем, как идти в гости к духам, всегда есть заранее (и хотя на переговоры он никогда раньше не ходил, привычка поесть перед ними у него была). Нет, он никогда не сомневался в афганском гостеприимстве. Но душманы частенько встречали наших солдат и офицеров свинцом, а не пловом. А от свинца у Сергея в последнее время была легкая изжога. Рахматулло посмотрел на небо (Сергей поймал себя на мысли, что так обычно люди смотрят на часы). Видимо, до назначенного времени у них еще оставалась возможность насладиться легким ужином. А как настоящие солдаты они, видимо, тоже никогда не откладывали на завтра то, что можно было съесть сегодня.

Повар был уже предупрежден о том, что нужно будет быстренько что-нибудь сообразить на стол. Но, видимо, на двадцать второй заставе гости бывали нечасто, поэтому полдник

здесь выглядел более скромно, чем на Тотахане. Зато тушенки было больше.

Рахматулло и Сафи уселись за столом. Сафи протянул руку к банке с тушенкой. Сергей в последний момент заметил на ней этикетку с надписью «Свиная» и симпатичной хрюшкой.

— Нам свинину нельзя, — с улыбкой произнес Сафи. Сорвал этикетку, бросил ее в открытую печку и как ни в чем не бывало начал раскладывать тушенку по тарелкам.

— Так вам же вроде нельзя? — с сомнением спросил Сергей.

— Под крышей Аллах не видит, — вступился за своего сотрудника Рахматулло.

И они втроем принялись уминать тушенку с лепешками.

После того как гости немного утолили голод, уже за чаем, Сафи рассказал бородатый анекдот. — Встречаются два афганца. Первый спрашивает у второго: «Послушай, Али, почему у тебя впереди идет жена? Потом дети, потом любимый ишак. И только потом ты. Ведь по Корану положено, чтобы сначала шел мужчина, затем любимый ишак и только потом жена и дети!» Али с грустью в голосе отвечает: «Эх, дорогой Мирзо, когда писали Коран, еще не знали о русских противопехотных минах».

Сергей знал этот анекдот уже давно, но из вежливости улыбнулся. Это была скользкая тема. Афганцы могли шутить над своими обычаями и традициями, но легко могли обидеться, если бы над этим начал шутить чужестранец. И все-таки на душе у него стало немного легче. Он почувствовал рядом с собою родственные души, с которыми уже не так страшно было идти на опасное задание.

Возможно, все это было лишь «домашней заготовкой» хадовцев, но она помогла растопить лед недоверия, который почти всегда существует между малознакомыми людьми. А им вскоре предстояло идти на довольно опасную встречу. И, быть может, даже на смерть. В таких условиях взаимное доверие значило очень много!

Теперь можно было переходить к делу.

— А когда вы встречаетесь? И где?

— Как только стемнеет. Мы (Рахматулло сделал ударение на слове «мы» и многозначительно посмотрел на Сергея) договорились о встрече недалеко от заставы.

В двух словах хадовец рассказал о политике национального примирения, проводимой афганским правительством. Объяснил, что они должны встретиться с доверенным лицом Хайрулло-Хана — Карим Ухортом. И попытаться склонить Хайрулло-Хана на сторону народной власти.

Ко всей этой политике Сергей относился с большим

недоверием, но некоторые вопросы большой политики его, разумеется, интересовали. В частности, точное место встречи. Скрытые подходы к нему. Мертвые зоны — непростреливаемые и непросматриваемые участки местности. И ряд других чисто политических вопросов. Поэтому на несколько минут он оставил своих гостей. Поставил задачи заместителю командира взвода, расчету зенитной установки (пока еще было светло, собственноручно наведя ее на небольшую лощину, что пролегала недалеко от заставы). И приказал подготовить к выезду БМП. Он присмотрел позицию между заставой и местом встречи, где БМП со своей тридцатимиллиметровой автоматической пушкой сможет здорово украсить серый и однообразный местный ландшафт.

И только после этого Сергей вернулся к хадовцам. Сафи все так же шутил, Рахматулло стал еще более серьезным. Время встречи неминуемо приближалось. Сергей никогда раньше не ходил на переговоры, поэтому некоторые вопросы дипломатического церемониала были ему неясны. В частности, у хадовцев не было оружия. А Сергей всегда считал, что ходить в гости без оружия — признак дурного тона.

Он озвучил свой вопрос. Рахматулло молча распахнул свой костюм — на поясе в открытой кобуре ждал своего часа ПМ. У Сафи была осколочная граната Ф-1.

— Командир тоже может взять оружие. У нас безоружными на переговоры не ходят, — добавил Рахматулло.

Сергей облегченно вздохнул. С автоматом он чувствовал себя гораздо веселее. Подсумок с двумя гранатами Ф-1 (у одной из гранат вместо предохранительной чеки стояла обычная булавка, перед выходом он всегда доставал ее — и тогда только края подсумка удерживали предохранительную планку) на его настроение не влиял. Возможно, он родился с гранатным подсумком? По крайней мере с гранатами он не расставался никогда. Так что о них-то спрашивать он даже и не думал.

Хадовцы попросили Сергея взять с собой несколько сигнальных ракет и магазин с трассирующими патронами. Чтобы условленным сигналом оповестить людей Хайрулло-Хана о своем прибытии.

Перед самыми сумерками они спустились к подножию горы. Сергей не очень верил в успех предстоящих переговоров. Неделю назад Лангар прочесал дивизионный разведбат — бои там были нешуточными. Два дня назад кишлак бомбили наши штурмовики. Да и засада разведроты десантников тоже неспроста была нацелена на банду Хайрулло-Хана. Хотя, с другой стороны, может быть, именно это называлось методом кнута и пряника? И вполне

возможно, что афганское, да и наше командование втайне надеялось, что после всего этого местные духи станут немного посговорчивее. Может, и станут? Кто их знает, этих братьев-моджахедов.

По просьбе Рахматулло Сергей запустил в сторону Лангара сигнальную ракету, а затем сделал четыре выстрела трассирующими пулями в том же направлении. Через полчаса еще раз. И еще. Со стороны Лангара не было видно никакого движения. Сигнальных ракет у Сергея больше не было.

Они сидели в небольшой промоине на земле (сидеть на склоне на фоне ночного неба всегда считалось дурной привычкой) и разговаривали. Рахматулло оказался на удивление интересным собеседником. Знал он немало. И многое знал, как говорится, из первых уст. Он рассказывал о предстоящих Женевских переговорах. О школах и больницах в кишлаках, об университете в Кабуле. Сравнивал университет с нашими ПТУ (профессионально-техническими училищами). Говорил, что для получения хорошего образования нужно обязательно ехать учиться в Союз. Сам он около года учился в Москве. А Сафи учился в Минске.

Незаметно стемнело. Рахматулло попросил дать сигнал фарами БМП. Показал четыре пальца и направление в сторону Лангара. Механик четырежды просигналил фарами. Прошло еще около часа. Где-то рядом раздался чей-то негромкий возглас. Сергей совершенно не слышал, как этот кто-то подобрался к ним почти вплотную. От этого мурашки побежали по его спине.

Сафи крикнул что-то в ответ. Но прошло еще около часа, прежде чем в двух шагах от парламентеров поднялись две фигуры и молча направились к ним. Сухо поздоровались. Традиционные «салам алейкум» (здравствуйте) и «четоур хастид» (как вы себя чувствуете?) были лишь данью вежливости, не более. Впятером они подошли к БМП. И при свете фар Сергей впервые увидел тех, кого они так долго ждали.

Невысокого роста, худощавые. Обоим слегка за сорок. Одеты в национальные одежды. На плечах автоматы Калашникова со складывающимися прикладами. Похоже, китайского или арабского производства.

Рахматулло познакомил Сергея с одним из гостей. Это был Карим Ухорт, правая рука Хайрулло-Хана и его доверенное лицо. Второго звали Исмад. Кто он такой, Сергей так и не понял. Но внимание Сергея привлекли изуродованное лицо и свежая рана на месте отсутствующего глаза. При не очень ярком свете фар лицо его выглядело довольно зловеще. Мысленно Сергей назвал его Одноглазым, не догадываясь, что именно так Исмада и

называли за спиной в банде Хайрулло-Хана.

Афганцы присели у машины на корточки. И начали что-то обсуждать. Сидеть на корточках было неудобно, и Сергей сел рядом с ними на землю. Спиной к БМП. Он пытался прислушиваться к разговору хадовцев с духами, но разобрал немногое. Ну, во-первых, что караван, который планировали перехватить десантники, пришел в кишлак еще четыре дня назад. Он доставил боеприпасы, реактивные снаряды и два «Стингера» (зачем все это духи рассказывали хадовцам, ему было непонятно). А во-вторых, он догадывался, что разговор у хадовцев и духов идет довольно откровенный. Ни те, ни другие не пытались ничего скрыть друг от друга. Хотя, скорее всего, Сергею просто не хватало знаний языка для правильной оценки этой беседы. Вполне возможно, что эта искренность была показной, а на самом деле за нею стояла серьезная игра, которую вели хадовцы и духи. И каждый преследовал свои интересы.

А еще Сергей частенько ловил на себе острые, изучающие взгляды Одноглазого. И ему было не по себе от этого.

Ближе к полуночи они расстались. Душманы так же безмолвно растворились в ночи. Сергей с хадовцами на машине поднялся на заставу.

— О чем хоть договорились? — первым делом спросил Сергей у Рахматулло, как только они спрыгнули с БМП на землю.

Хадовец ответил не сразу.

— Пока не знаю. Будем ждать ответа от Хайрулло-Хана.

Рахматулло повернулся в сторону Сафи.

— Кто такой этот Исмад? Впервые о нем слышу. Карим Ухорт его, похоже, побаивается не на шутку!

Сафи пожал плечами и ничего не ответил. А Сергей понял, что у хадовцев что-то пошло не так, как они планировали. И виной этому, скорее всего, был этот одноглазый Исмад.

Где-то около часа ночи со стороны Лангара в небо взлетели один за другим пять трассеров. Это был ответ Хайрулло-Хана. Он не «поднимет знамя» (не сдастся) и не перейдет на сторону народной власти. Так безрезультатно закончились переговоры. Точнее, результат у них был, но о нем никто не догадывался. Этой ночью Сергей впервые встретил человека, с которым будет неразрывно связан тонкими нитями событий на протяжении многих месяцев. А Исмад впервые увидел своего кровного и ненавистного врага.

На следующее утро за хадовцами пришла машина. Они тепло попрощались с Сергеем, а Рахматулло даже оставил ему номер своего рабочего телефона. Но больше они не встречались ни разу.

Около полудня наблюдатель доложил о том, что кочевники

снялись и направились вдоль русла реки Барикав куда-то на север. Видимо, эту же новость доложил ротному и наблюдатель на Тотахане. Как бы то ни было, но вскоре с Тотахана вышли на связь. Ротный приказал Сергею на следующий день вернуться на Тотахан. А ему на смену пообещал выслать замполита роты Сергея Земцова.

Глава 8
Казнь

На следующее утро на заставу приехал Сергей Земцов. Замполит, в отличие от Сергея Карпова, предпочитал передвигаться между заставами на БМП. Он спрыгнул с машины, показал механику окоп, в который нужно было поставить БМП. И пошел к бочке. Сергей уже шел ему навстречу. Они поздоровались.

Замполиту оставались считанные дни до замены. В основном он находился на девятой заставе — в наиболее комфортном для заменщика месте. Приказ ротного перебраться на двадцать вторую его не слишком обрадовал, но замполит не подал и виду, что огорчен этим приказом. Он спокойно относился ко всем этим перемещениям. И чувствовал себя везде как дома. К тому же еще в начале службы в Афганистане ему уже приходилось несколько месяцев сидеть на двадцать второй заставе.

Два заместителя командира роты и два тезки, замполит и просто зам, никогда не испытывали друг к другу особо дружеских чувств. Но всегда относились с симпатией и уважением. Замполит окинул взглядом заставу. И только после этого обратился к Сергею Карпову.

— Ротный сказал, чтобы ты особо не задерживался. Говорит, на днях у нас начнется армейская операция. Ты ему нужен на Тотахане.

— Уже выхожу. Нищему собраться — только подпоясаться, — ответил Сергей замполиту.

Минут через пять он уже спускался с горки. Два километра до Тотахана никогда не были для него слишком большим расстоянием. Правда, он никогда не ходил по кратчайшему пути. Да и дороги особенно не придерживался. Многим было непонятно, почему он всегда ходил немного в стороне от нее. Но в этом была своя логика. Полгода назад Сергей договорился со старейшинами кишлака Кала-Шахи о том, что они будут отвечать за безопасность дороги между Тотаханом и девятой сторожевой заставой. С тех пор духи перестали минировать эту дорогу, разумно рассудив, что дорог много, а минирование конкретно этой дороги может обойтись им слишком дорого!

Но Сергей не заблуждался на этот счет, прекрасно понимая, что многие вещи в этом мире слишком непостоянны. И уж тем более — договоренности с местными старейшинами. К тому же дорога от Тотахана шла не только к девятой заставе. Безопасность

других дорог ему никто не гарантировал.

В роте не было саперов, поэтому по возможности он старался проверять эти дороги на наличие мин, фугасов и прочих сюрпризов. Помня, что нормальные герои всегда идут в обход, Сергей никогда не искал сами мины. Он ходил всегда чуть в стороне от дороги, внимательно высматривая следы тех, кто мог эти мины установить. Криминалисты часто говорят, что преступники всегда оставляют следы. Вполне возможно, хотя Сергей и не был в этом уверен. Но он прекрасно знал, что те, кто минируют дороги, могут этих следов не оставлять. На самой дороге. Заметая их, маскируя. Все это было не сложно сделать на небольшой площади. Но скрыть все следы и особенно следы выхода к месту минирования в степи Татарангзар было практически невозможно.

Поэтому основное внимание он уделял именно местам возможного выхода моджахедов к дороге, чем самой дороге. Миноискателя в роте тоже не было. Был только минный щуп. Но и минным щупом Сергей практически никогда не пользовался. Разве что в сентябре 1986 года, когда вернулся на заставу из баграмского инфекционного госпиталя после тифа. Но тогда он использовал щуп как трость, а не по прямому его назначению. Сейчас же у него на крайний случай был шомпол от автомата. Но Сергей все равно больше доверял своим глазам и рукам, чем шомполу. И немного своей голове.

Мин на дороге не оказалось, и Сергей поднялся на Тотахан безо всяких приключений. Его встретил дежурный по заставе (командир приданного роте танка) Игорь Минкин, доложил об отсутствии происшествий. И о том, что ротный с прапорщиком Томчиком (командиром станции радиоперехвата) полчаса назад ушли в Кала-Шахи. За старшего на заставе остался лейтенант Алескеров.

Сергей прошел в канцелярию. Командир третьего взвода Игорь Алескеров корпел над документацией заставы. Это было явной приметой намечающихся боевых действий. Тотахан словно самой природой был создан для организации на нем командного пункта. И Сергей прекрасно понимал: что бы там ни происходило внизу, в зеленке, на Тотахан непременно съедется какое-нибудь начальство. С желанием либо покомандовать теми, кто воюет внизу, либо сделать вид, что командуют. А вместо этого начнут копаться в документации, давать ценные (ЦУ) и совершенно бесценные указания (БЦУ). Другими словами, начнут изображать кипучую и совершенно бесполезную деятельность. Которая в лучшем случае не выйдет за пределы восьмой сторожевой заставы. Иначе она может обернуться лишними потерями для тех,

кто будет прочесывать зеленку. Интересно, какой кишлак в этот раз попадет под раздачу?

Сергей вышел к танку. Залез в башню. На всякий случай навел ствол на крепость Карим Ухорта, расположенную на окраине Лангара. Спасибо станции радиоперехвата: иногда она давала довольно полезную информацию. Если бы кто-нибудь спросил его, зачем он это сделал, едва ли Сергей смог бы ответить на этот вопрос. Многие называют это интуицией. Некоторые внутренним голосом. Сергей не пытался разбираться в этих тонкостях. Он просто делал то, что должен был делать. Работал на опережение…

Ротный с «Дедом» (Томчиком) вернулись только перед самым ужином. Оказывается, у Хасана, командира поста самообороны в Кала-Шахи, был какой-то юбилей. И он пригласил отметить его командира-шурави.

А еще через полчаса наблюдатель доложил о четырех «бородатых», поднимающихся на заставу со стороны Лангара. Это было что-то новенькое. Лангар был духовским кишлаком, мирных жителей в нем не было. И гостей оттуда никто не ждал.

Сергей поднялся на первый пост. В зенитную трубу ТЗК-20 было прекрасно видно трех вооруженных афганцев, которые неспешно поднимались к Зубам Дракона (небольшим скалам в седловине между Тотаханом и соседней горкой) со стороны итальянской колонии. У четвертого оружия не было. И у Сергея возникло подозрение, что руки у того связаны. За спиной.

У самых Зубов Дракона пленника усадили на землю. Двое остались с ним, а один из гостей продолжил свой путь на вершину. Сергей с трудом узнал в нем своего вчерашнего знакомого Исмада.

При свете дня в нем не было ничего слишком зловещего. Обычный дехканин. Таких, как он, сотни вокруг. Коричневые шальвары, длинная рубаха. Поверх рубахи надета жилетка. На голове чалма. На правом плече висел автомат. Изуродованное лицо? В зенитную трубу его было почти не видно. Сергей поспешил навстречу гостю. По пути попросив «Деда» прислать в канцелярию роты одного из его переводчиков-таджиков. Что понадобилось Исмаду на заставе? Почему его спутники остались внизу? И кто был их пленник? Множество вопросов крутилось в голове Сергея, но ответов на них пока не было.

Недалеко от казармы Сергей встретил своего таинственного гостя. Они поздоровались. Традиционно расспросив друг друга о делах и здоровье, они направились в сторону канцелярии роты. В голосе Исмада не было заискивающих нот, не было подобострастия, с которым обычно разговаривал Хасан (командир

поста самообороны). Исмад говорил ровно и спокойно, как человек, знающий себе цену. И только внимательно рассматривал обустройство заставы, позиций и СПС (стрелково-пулеметных сооружений), ничуть не стесняясь присутствия Сергея. А Сергею было не по себе от этого взгляда. И в голове крутилась мысль о том, что не стоило пускать этого моджахеда на заставу. Лучше было бы встретить его где-нибудь у Зубов Дракона. И там же провести переговоры. Но теперь уже поздно что-либо менять.

К тому же Володя Стародумов как истинный военачальник предпочитал вести переговоры в своем штабе. Несмотря на то что штабом он гордо называл небольшую постройку метра два на четыре, выложенную из камня. В которой, кроме трех кроватей, еще с трудом умещались небольшой стол, один стул и печка. Но на безрыбье, как говорится, и такая постройка казалась ротному более удобным местом для переговоров, чем самое уютное место на голых камнях. Разумеется, приводить духов на заставу было неправильно. Но из песни, как говорится, слов не выкинешь. Что было, то было.

Сергей с Исмадом прошли в канцелярию. Володя восседал во главе небольшого стола на своей кровати (места для стульев в канцелярии не было, кроме одного). Как гостеприимный хозяин он поздоровался и показал Исмаду место на соседней кровати. Сергей сел напротив. Солдатик-таджик со станции радиоперехвата присел на стул.

Из рассказа Исмада Сергей понял, что пока он находился на двадцать второй заставе, люди Анвара (главарь банды из кишлаков Джарчи и Петава) сбили наш вертолет МИ-8. Он упал недалеко от Лангара. Летчики погибли. И сейчас, по информации Исмада, шурави, скорее всего, готовят операцию возмездия. Он поспешил прийти к шурави, чтобы сказать, что люди Хайрулло-Хана в этом не замешаны. И что трупы летчиков они выдадут без дополнительных договоренностей.

Все это было похоже на национальную афганскую игру: нашкодить, получить удовольствие, а ответственность свалить на соседний кишлак. Так ли это было в этот раз или нет, Сергей не знал. Но почему-то в слова Исмада ему верилось с большим трудом. Хотя кто знает этого душмана! Возможно, он говорил правду.

А еще Исмад сказал, что трупы летчиков они принесут завтра утром к итальянской колонии. Это место все еще называли итальянской колонией! Хотя две или три семьи итальянских поселенцев покинули эти места еще до приезда сюда Сергея и уехали в Кабул. Остались только развалины трех домов и небольшой мельницы. Дорожки, выложенные камнем, и давно уже

пересохший фонтан.

Бывшая колония располагалась в километре южнее от Тотахана по направлению к Лангару. У самого подножия горы. Место было безопасным и неплохо просматривалось со стороны заставы.

После этого Исмад попрощался и встал. Ротный кивнул ему в ответ. Сергей вышел проводить Исмада. Ему не терпелось как можно скорее выпроводить непрошеного гостя с заставы. На улице уже смеркалось. Вершина горы все еще освещалась последними лучами солнца, но ближайшие кишлаки уже прятались в полосе пыли и сумрака. И даже отдельные дома были неразличимы. Сергей с гостем дошли до кухни. Неожиданно взгляд Исмада упал на танк, и он оживленно о чем-то заговорил. Сергей не мог разобрать его слов. Поэтому пришлось снова вызывать переводчика.

Исмад говорил о том, что душманы (какие душманы?!) могут ждать его возвращения и устроить на него засаду. Он просит командира выстрелить из танка по окраине Лангара. И тогда душманы испугаются, а Исмад спокойно вернется домой.

Все это попахивало полным бредом. И скорее всего, Исмад просто забыл о своей роли парламентера. Он снова стал тем, кем был на самом деле. Моджахедом! И теперь его уже меньше всего интересовали вопросы возможной операции возмездия. Ему был интересен наш танк. Интересно, может ли он вести прицельный огонь ночью? И на какую дальность?

Сергей сам был воином. Поэтому прекрасно его понял. Он согласно кивнул Исмаду в ответ. Пообещав сделать этот выстрел, как только Исмад подойдет к развалинам итальянской колонии. Исмада интересовала информация по нашему танку, а Сергей мог легко снабдить его нужной дезинформацией. Только сейчас он с удовольствием вспомнил о том, что танковый ствол наведен на крепость Карим Ухорта, расположенную на окраине Лангара. Стоит лишь довернуть ствол на несколько тысячных левее, произвести выстрел, и Исмад будет уверен, что танк и ночью может вести прицельный огонь.

На этом они попрощались. Исмад спустился к своим спутникам. Сергей только сейчас вспомнил о его пленнике. Интересно, кто это был? И зачем Исмад привел его к заставе? Словно отвечая на эти вопросы, Исмад подошел к пленнику. Что-то достал из своей жилетки и прислонил к голове сидящего на земле человека. Раздался выстрел. Человек дернулся и упал на бок. Исмад кивнул своим спутникам, и они направились к подножию горы.

Все случилось как гром среди ясного неба! Зачем он это

сделал? Ответа не было. Три силуэта растворились бесследно в спускающихся сумерках, унося с собой эту тайну. Сергей доложил о происшедшем ротному. Затем с двумя бойцами спустился к Зубам Дракона. Почему-то в голове у него крутилась мысль о сбитых летчиках, но убитый был явно местным. Даже при свете фонарика ошибиться было невозможно. До утра его решили не трогать, а утром вызвать Хасана, чтобы тот со своими людьми похоронил неизвестного.

За всей этой суетой Сергей чуть было не забыл о своем обещании. Но его взгляд сам упал на стоящий в окопе танк. Ротный не возражал помочь этому странному гостю. Сергей сам сел на место наводчика. Игорь Минкин, командир танкового экипажа, — на место заряжающего.

«Нужно довернуть ствол на пять тысячных левее», — крутилось в голове у Сергея. На полном автопилоте он начал разворачивать башню. Но перед его глазами стояла казнь неизвестного. И, совершенно не отдавая себе отчета в том, что он делает, Сергей вернул ствол в исходное положение.

— Осколочно-фугасный, — скомандовал он Минкину.

— Готово! — раздался ответ.

— Выстрел!

Танк содрогнулся от выстрела. Уже вылезая из башни, Сергей заметил вспышку разрыва. Он знал, куда попал этот снаряд. Но он даже и представить не мог, к каким последствиям это приведет.

Глава 9
Хошк

Через два дня Сергея Карпова вызвали в полк для проведения сборов с молодым пополнением. Но сразу же по прибытии в часть начальник штаба полка подполковник Аушев приказал ему принимать первый разведвзвод. На последних боевых под Чарикаром первый батальон понес большие потери. И самое удручающее положение с потерями было в батальонном разведвзводе.

При выдвижении на задачу разведчики попали в засаду. Судя по всему, главари местных банд приготовились встретить в этом месте колонну танков и БМП. Они установили вдоль дороги несколько безоткатных орудий и посадили в винограднике с десяток гранатометчиков. А за небольшим дувалом разместили пулеметчиков, стрелков и снайперов.

Но вместо колонны из-за поворота показались всего три БМП и около двух десятков разведчиков, сидящих на броне. Все было как всегда. Выстрел по головной и замыкающей машинам из гранатометов. Затем по остальным машинам («остальными» была одна единственная машина). И кинжальный огонь в упор из стрелкового оружия по уцелевшим бойцам. Необычным было другое. У духов оказалось слишком много гранатометов и безоткатных орудий для трех БМП. Их первый залп был ужасным!

Противотанковые гранаты попадали не только в машины, но и в разведчиков. Разрывая тела и броню.

Шансов уцелеть у разведчиков не было. Но на помощь им пришли главные силы батальона. Буквально через несколько минут машины первой и второй мотострелковых рот открыли огонь по винограднику. А третья рота вышла во фланг духам, создав угрозу окружения. Духи не стали рисковать. Подобрав автоматы убитых разведчиков, они растворились в системе кяризов. Даже не успев добить раненых бойцов.

Да, разведчики отстреливались. Но после ранения командира сопротивление их было неорганизованным и не могло продолжаться долго. К тому же от всего увиденного многие из бойцов были в шоке. Так что если бы помощь хотя бы чуть-чуть задержалась, судьба многих из них была бы предрешена. Да, им действительно повезло. Ведь это был лишь вопрос каких-то мгновений.

Разведвзвод, шедший в головном дозоре, принял на себя главный удар духов. И спас тем самым многих в рейдовом

батальоне. А офицеры и солдаты батальона, рискуя жизнью, пришли им на подмогу. Может быть, так и должно быть на войне? Ты спасаешь жизнь другу, который когда-то спас твою жизнь. Вот только цена этого спасения была слишком высока! Как обычно, просчеты и ошибки одних исправлялись героизмом и подвигами других.

Так что принимать Сергею пришлось не разведвзвод, а всего лишь трех бойцов, оставшихся в строю.

Руслан Султанович Аушев создал условия максимального благоприятствования для нового начальника разведки батальона. Разрешил отбирать во взвод любых солдат и сержантов как из молодого пополнения, так и из старослужащих других подразделений. А в ответ потребовал только одного: через неделю разведвзвод должен был быть готов к ведению боевых действий. Просто через неделю полк уходил в Алихейль. И времени для подготовки и боевого слаживания разведвзвода оставалось катастрофически мало…

Из Алихейля полк вернулся только через месяц. Боевые действия были тяжелыми. На соседей из 345-го десантного полка духи ходили в атаку среди белого дня. Досталось дивизионному разведбату и 181-му мотострелковому полку. Большие потери были и в 180-м. Правда, разведвзводу повезло. В этот раз обошлось без потерь. Среди личного состава. Если не считать, конечно, одного прикомандированного. Точнее, исполняющего обязанности начальника разведки первого батальона старшего лейтенанта Карпова, которого пуля снайпера настигла уже при возвращении с боевой задачи. Легкий бронежилет, который он изредка надевал (офицеры рейдовых подразделений, в отличие от него, ношение бронежилетов всегда считали пижонством), и небольшое движение, которое он интуитивно сделал перед тем, как в него попала пуля, спасли его от серьезных проблем. Все ограничилось лишь касательным ранением и разорванной мышцей спины.

Но в родной батальон Сергей вернулся только через месяц после окончания боевых действий. И только тогда он узнал о том, что его заменщик на должности начальника разведки первого батальона старший лейтенант Монастырев на первой же боевой операции был тяжело ранен. Очередью из крупнокалиберного пулемета ему оторвало руку. А в разведвзводе снова были большие потери. Да, ребятам из первого батальона всегда доставалась самая тяжелая солдатская ноша! И тяжелая солдатская доля.

За делами и заботами Сергей практически забыл о Исмаде. Из бесед с командиром местного отряда самообороны Хасана, а

больше от Шафи он получал лишь разрозненные кусочки информации об Одноглазом.

Пленный, которого расстрелял Исмад, был парламентером, посланным Хайрулло на Тотахан. Расстрел его недалеко от советской заставы Исмад, скорее всего, пытался свалить на шурави. Это по его замыслу должно было окончательно разорвать попытки нашего командования переманить Хайрулло-Хана на сторону народной власти. Да и самого Хайрулло настроить против этих попыток. А может быть, у Исмада были и какие-то личные мотивы для того, чтобы свести счеты с парламентером? Теперь узнать это было невозможно.

Для чего Исмад попросил командира-шурави сделать выстрел из танка по окраине кишлака, Сергей так и не узнал. Много лет спустя бывший советник (старший советник) спецотдела царандоя Кандагарской провинции Анатолий Яковлевич Воронин напишет Сергею по поводу этого выстрела:

«В этом плане духи были дюже изобретательны. Чего они только ни придумывали и какие комбинации ни прокручивали, и все ради того, чтобы прикончить неугодного человека или избавиться от кредитора, например. Поэтому прежде чем передавать координаты цели на ЦБУ, приходилось изучать ворох оперативных документов, взвешивать все “за” и “против”, чтобы не допустить необоснованного кровопролития.

Скорее всего, он хотел кому-то в кишлаке доказать свою значимость и тем выстрелом припугнуть какого-то человека. А возможно, он затеял банальную провокацию, чтобы у населения испортились отношения с шурави. Возможен и вариант с посещением кишлака корреспондентом западной газеты, или “денежным мешком”, и тот выстрел нужен был для того, чтобы показать агрессивность советских военных либо выбить лишнюю пайсу (деньги) у того казначея».

Это действительно было так: в изощренности с братьями-моджахедами состязаться было сложно. Возможно, у Исмада и был какой-то свой расчет на этот выстрел. Но то, что Сергей произвел его не по окраине кишлака, как просил Исмад, а по крепости, в которой находился Карим Ухорт, оказалось для Исмада большой неожиданностью. И это явно не входило в его планы.

Да и расстрел им парламентера Хайрулло-Хана списать на шурави не удалось. Его совершенно случайно увидели два охотника. Они вышли на ночную охоту на уток к одной из запруд на берегу небольшой речки Барикав, что текла под Тотаханом. И стали случайными свидетелями этой казни.

Охотники были родом из Баги-Загана. Этот кишлак

находился вне зоны влияния Хайрулло-Хана. Но, как известно, земля слухами полнится. Вскоре истинные обстоятельства гибели парламентера стали известны и в Лангаре.

Ни один главарь банды не простил бы такого вероломства. Для любого рядового моджахеда это было бы равнозначно смертному приговору. Для любого. Но Исмад не был любым. За последние месяцы влияние его и авторитет в банде заметно усилились. Многие его откровенно боялись. И даже Карим Ухорт, правая рука Хайрулло-Хана, не решался теперь на открытое противостояние Одноглазому.

Да и сам Хайрулло-Хан испытывал странные чувства при виде Исмада. Нет, это не было страхом. За последние годы он разучился бояться. Тем не менее открыто наказать Исмада за убийство парламентера и за попытку убрать руками шурави Карим Ухорта (а выстрел из танка по крепости Карим Ухорта был расценен им именно так) Хайрулло не смог. Он предложил Исмаду покинуть кишлак. Навсегда. К удивлению Хайрулло-Хана, Исмад легко согласился.

С ним ушло около десятка самых непримиримых сорвиголов. Столь легкое разрешение проблемы было неожиданным даже для Хайрулло-Хана. Но, видно, на это была воля Аллаха, и Хайрулло вздохнул с облегчением. Он ожидал открытого противостояния или выстрела в спину от Исмада. Но бывший дуканщик почему-то предпочел просто уйти.

Примерно через неделю его следы обнаружились в Петаве, одном из кишлаков, находящемся под контролем банды Анвара. И только тогда Сергей Карпов заинтересовался Одноглазым по-настоящему. И начал собирать о нем информацию.

До этого Одноглазый был для него лишь одним из многих. Да, казнь, совершенная Исмадом под нашей заставой, заставила Сергея обратить на него внимание. Но в банде Хайрулло-Хана ни у Сергея, ни у Шафи не было своих людей. И информация, которую они получали из этой банды, была отрывочной. К тому же поступала крайне редко.

Еще в марте Шафи смог переправить в банду Хайрулло-Хана своих доверенных людей. Для этого ему пришлось инспирировать покушение на себя. Несколько картечин в его руке остались напоминанием об этом представлении. С внедрением все прошло удачно. А вот с организацией постоянно действующего канала связи были большие проблемы. Информация, которую собирали люди Шафи, была довольно важной, но передать ее они не могли. Карим Ухорт, занимающийся в банде вопросами разведки и контрразведки, пристально следил за чужаками. Окружая их своими доверенными людьми. И не оставляя ни на мгновение без

внимания, чем они занимаются.

Именно поэтому более или менее полноценная информация о Исмаде стала поступать к Шафи, а значит и к Сергею только тогда, когда Одноглазый ушел из Лангара. В банде Анвара у Шафи были свои глаза и уши. Но самое главное, что там у Шафи были хорошо налаженные каналы связи.

В январе 1987 года на сторону народной власти перешла небольшая банда, возглавляемая девятнадцатилетним Сафиулло. Они убили своего бывшего главаря Суфи Ахматдина и, боясь гнева Анвара, попытались найти защиту у народной власти. Тогда Сергей посчитал это провалом в своей работе. Сафиулло был старшим братом маленького Абдула, помощника Сергея по лазарету, организованному им в Кала-Шахи. Сергей знал, что брат Абдула находится в одной из подчиненных Анвару банд. И планировал со временем наладить с ним контакт. Даже рисовал в уме радужные перспективы создания агентурной разведки в банде Анвара.

Увы, приход Сафиулло со своими бойцами на нашу заставу на корню погубил все эти надежды. По крайней мере так подумалось в начале. Но у Сафиулло в банде Анвара осталось слишком много друзей. В этом не было ничего удивительного. Сафи был молодым парнем, открытым и дружелюбным. У таких всегда много друзей.

И один из них стал для Шафи и Сергея настоящим сокровищем. Сергей никогда не видел этого человека. С ним работали Сафиулло и Шафи. Сергей знал только его псевдоним. Хошк. «Острый» на фарси.

И именно Хошк сообщил Шафи о появлении в банде Анвара Одноглазого. И о странном увлечении этого моджахеда. Исмад лично пытал пленных. В отличие от обычных дехкан, он был грамотным. И мог бы стать муллой, но знания, которыми он владел, были особого свойства.

На первой же встрече с Сергеем Шафи передал ему эту информацию.

По словам Шафи, моджахеды частенько пытали пленных. Пленных шурави. Особенно тех, кто не хотел принять истинную веру. Или отступников, забывших об Аллахе и служащих неверным: учителей, врачей. С особым пристрастием пытали захваченных в плен хадовцев. И часто тех, кто просто попадался под горячую руку.

Многие из афганцев искренне верили, что если врагу выколоть глаза, что-нибудь отрезать или сломать, то в следующей жизни этих частей тела у него не будет. Дехкане в повседневной жизни частенько разделывали баранов, и их «общение» с

пленными очень часто строилось по привычной схеме. Даже в этом они оставались крестьянами!

Исмад был не таким. Он был грамотным! И, видимо, когда-то увлекался чтением книг и историями о том, что делали самураи в далекой Японии со своими врагами. Много веков назад. То, что он проделывал с пленными, даже многое повидавшим в жизни моджахедам казалось излишне жестоким.

Его излюбленными развлечениями было две разновидности одной пытки. Он называл ее «делать свинью» (многих коробило от того, что он произносил вслух имя этого грязного животного). В первом случае он отрезал по кусочку или суставу разные части тела (при этом перетягивал эти места веревкой, чтобы пленный не истек преждевременно кровью), прокалывал шомполом автомата слуховые перепонки и выкалывал глаза. Отрезал нос, уши и все остальное. От человека оставался только обрубок тела, который еще несколько часов валялся посреди кишлака, извиваясь от боли.

Во втором случае он дробил суставы молотком. Один за другим. Были у него и другие развлечения, от которых многим моджахедам становилось не по себе.

Да, Анвар взял его в свой отряд. За Исмада замолвил слово Шер-шо, брат Анвара. Он говорил, что хорошие воины никогда не будут для них лишними. Насчет хороших воинов Анвар был согласен. Вот только он не был уверен, кем был Исмад. Воином или палачом? И эти сомнения вселяли тревогу в душу Анвара.

Глава 10
Черный список

До захода солнца оставались считанные минуты. Ночь в горах всегда наступала неожиданно. Казалось, вот только что на склоны спустились сумерки. Кишлаки окутывала легкая дымка. И вдруг словно кто-то выключал огромный рубильник: все вокруг тонуло во мраке.

У ребят на станции радиоперехвата снова были проблемы с движком. И, судя по всему, надежды на то, что сегодня на станции и в канцелярии роты будет свет, таяли словно прошлогодний снег. Именно поэтому Сергей так торопился записать в свою тетрадь последние данные, полученные от Шафи.

Он сидел перед канцелярией на большом валуне и торопился, пока окончательно не стемнеет, записать все, что узнал от него сегодня. Как на всякой приличной заставе, на Тотахане велось море различной документации. Журнал наблюдений, журнал учета боевых действий и даже журнал работы с доброжелателями. Журнал выдачи мыла и сигарет личному составу, журналы боевой и политической подготовки. И куча различных схем, карточек и ведомостей. Как говорил старик Бисмарк, когда армии не с кем воевать, она воюет с бумагами.

К счастью, заполнением всех этих столь важных документов занимался Сережа Багрий. А позднее его заменщик Димка Чеботарьков. Если бы не они, все эти журналы блистали бы первозданной чистотой.

Сергей Карпов с легкой грустью подумал о том, что вообще-то некоторые из этих журналов должен был заполнять он сам. Увы, лень родилась раньше него. И вместо того чтобы заниматься документацией роты, Сергей постоянно куда-то исчезал из роты. То часами пропадал в крепости своего друга Шафи, то на несколько месяцев вообще исчезал в неизвестном направлении.

То, что он два месяца командовал вторым разведвзводом вместо уехавшего в отпуск Толи Викторука, в роте знали. Как знали и о том, что после тяжелого ранения начальника разведки первого батальона Сергей два месяца командовал первым разведвзводом. О его прикомандировании к отдельной роте специального назначения в Кабуле его сослуживцы что-то слышали. О его работе проводником в газнийском батальоне спецназа на Тотахане знали самую малость. Но одно было ясно каждому в роте как божий день: Сергею было все равно, что делать, лишь бы ничего не делать! И это ни для кого не было

секретом. Потому что таких хитрованов, как он, в Афганистане было очень много. Таких, кто предпочитал серьезной работе по ведению ротной документации рейды да шастанье по горам и зеленке.

Хотя, с другой стороны, Сергей любил заниматься документацией. Любил бы. Если бы у него не было такой возможности: периодически прятаться от этой работы на боевых. Просто как и многим из нас, ему была хорошо знакома одна старая истина: если вам не нравится ваша работа, у вас есть три пути. Первый — сменить работу. Второй — полюбить ее (ну, хотя бы попытаться это сделать). И третий — оставить все как есть. Жаловаться окружающим (и себе самому) на то, что вы (по тем или иным причинам) вынуждены заниматься нелюбимым делом. Не получая при этом ни морального, ни материального удовлетворения… Третий путь вел в никуда. Вел к саморазрушению, разочарованиям и обидам на окружающий мир и саму жизнь.

Пойти по этому пути Сергей, разумеется, не мог. И если он не мог сменить работу (а у людей военных, как вы знаете, такой выбор есть не всегда), то он предпочитал просто влюбиться в нее. Так что если было бы нужно, он легко мог бы влюбиться и в штабную работу. Как и в любую другую работу. Если бы при этом его хорошо кормили и не заставляли работать.

Сергей тяжело вздохнул. Нет, с разведчиками работать все-таки куда веселее, чем с документацией. После общения с ними можно было полгода не ходить в цирк. И зоопарк. Сергей вспомнил, как в феврале 1987 года его бойцы из второго разведвзвода вместо засады устроили недалеко от горы Вершек (отм. 1626) небольшой футбольный матч. В те дни откуда-то сверху пришло распоряжение о проведении не ночных засад, как обычно, а о трехсуточных выходах. Кому могла прийти в голову такая мудрая мысль, сейчас сказать сложно. Но, видимо, где-то наверху кто-то отчитался в том, что перестройка в Вооруженных Силах проводится вполне успешно. И что благодаря перестройке разведчики в Афганистане будут давать в три раза больше результатов от проведения засадно-поисковых действий, чем было раньше.

Вполне возможно, что где-нибудь в малонаселенных районах такая тактика и могла дать положительный результат. Но эти районы должны быть очень малонаселенными. Как на Луне, к примеру. Однако в районе Баграма кишлак стоял на кишлаке, банда на банде. Просидеть трое суток в таких местах, оставаясь незамеченными, теоретически было вполне возможно. Думаю, что многие из вас приведут десятки таких примеров, но у Сергея это

получалось не всегда. Первые две засады прошли вполне успешно. Хотя и здесь многим его разведчикам не хватило терпения «просидеть» все это время неподвижно (казалось бы, какая ерунда — день пролежать под маскировочной сеткой!). На третьей засаде утром второго дня к разведчикам пришли три старика-афганца, принесли чай и лепешки. Они откровенно потешались, говорили, что сегодня каравана не будет. И завтра тоже не будет.

Все это означало только одно: рано или поздно духам надоест играть в благородство и потешаться над шурави. И тогда они накроют разведвзвод. Либо устроят ему такую взбучку, что мало не покажется! Именно поэтому Сергей вынужден был срочно менять планы проведения засадно-поисковых действий на месяц. И выбирать новые места проведения засад. Такие, в которых духи не могли бы устроить встречных засад на разведчиков. И брать с собой на засаду бронегруппу. Разумеется, ни о каких результатах в таком случае говорить уже не приходилось. Кроме одного — сохранности своих бойцов.

Вот и в этот раз недалеко от горы Вершек он выставил на окружающих возвышенностях боевое охранение. Скрытые подходы разведчики перекрыли минами МОН-50. А после этого немного расслабились. Немного — это мало сказано! Откуда-то у ребят нашелся мяч (вот обормоты!), четыре каски превратились в футбольные ворота, а разведвзвод — в две футбольные команды. Давно уже Сергей не видел такой радости на лицах своих бойцов!

Да, на КП батальона офицеры и бойцы иногда играли в волейбол. И довольно часто играли с афганцами с ближайших постов самообороны, а иногда даже и из ближайших банд (забавные были времена!). Но вот в футбол на заставе почему-то не играли. Возможно, для футбольного поля в крепости было слишком мало места. В предгорьях хребта Зингар места было вполне достаточно. Правда, играли разведчики в футбол не слишком долго. Быстро умотались.

А Сергей тогда поймал себя на мысли, что выдохлись его бойцы так быстро не только из-за того, что играли в условиях высокогорья. Что это за высокогорье — полторы тысячи метров над уровнем моря! Так небольшие холмы! Главная причина заключалась в том, что на заставах в зеленке бойцы находились практически в ограниченном пространстве, словно космонавты на космическом корабле.

У Сергея были знакомые со Звездного городка. Они рассказывали ему о том, какие злые шутки сыграли невесомость и отсутствие физических нагрузок с мышцами первых космонавтов. И о том, как их доставали из спускаемых аппаратов, потому что

сами выйти они просто не могли. Тогда Сергей относился к этим рассказам как к обычным байкам. Теперь же он сам наблюдал последствия малоподвижного образа жизни своих бойцов. А ведь его разведчики ходили в рейды, у них была хоть небольшая возможность подвигаться! Что же говорить о бойцах, которые оказывались в рейдовых подразделениях после службы на заставах! Это в Союзе можно было сколько угодно бегать с подчиненными кроссы и совершать учебные марш-броски. В Афганистане такой возможности часто не было. Утренняя физическая зарядка, проводимая в полку, больше походила на жалкую пародию, чем позволяла укрепить физическую выносливость солдат и офицеров. Проводить же зарядку за стенами крепостей на заставах вообще было невозможно. И уж тем более бегать кроссы.

Да, мышцы у бойцов на заставах атрофировались очень быстро. И одними лишь силовыми упражнениями проблему эту решить не получалось. С физической подготовкой в Афганистане действительно были серьезные проблемы. И даже в рейдовых подразделениях с ними сталкивались довольно часто.

Но в тот день проблемы эти Сергея не касались. У его подчиненных был совершенно необыкновенный день. Такие дни иногда случаются, даже на войне! Ближе к вечеру механик-водитель БРМ Коля Лопатенко принес из своей машины баян. С ума можно было сойти! Хорошо еще, что не фортепиано. Впрочем, Сергей не удивился бы и этому. С разведчиками быстро перестаешь чему-либо удивляться. Да, хорошо они тогда посидели. Замкомвзвода Саша Хливный так душевно играл на баяне. Ребята были в восторге.

Жаль только, что вертолетчики с баграмского аэродрома поделились с кем-то информацией об играющих в футбол разведчиках. Возвращались с задачи, вот и заметили. Сказали без задней мысли. Вряд ли хотели кого подставить. Просто не смогли удержаться. А Сереге потом от комбата здорово влетело за эту засаду. Ну, да что теперь вспоминать. Что было, то было. Сергей снова вздохнул. Да, с разведчиками действительно не соскучишься! Цирк и зоопарк просто отдыхают.

Он закрыл свою тетрадь. Обычную общую тетрадь с темно-синей обложкой, разрезанную пополам. Буквы уже сливались, и он решил закончить завтра. Наивно полагая, что эти записи могут еще кому-нибудь пригодиться. Рано или поздно, но пригодиться.

Да, я забыл вам сказать, что свою рабочую тетрадь он называл черной тетрадью. И в этой черной тетради Сергей вел свой черный список. Вел по установленной им же самим форме. Координаты, название кишлака, главари банд, расположенных в

этом кишлаке. Боевой и численный состав банды, характеристики главарей и прочая информация. Крупным бандам в его тетради выделялись отдельные странички. Как и их главарям. Источники информации он обозначал либо одной буквой (Ш — Шафи, С — Сафиулло, Р — станция радиоперехвата, Х — Хошк), либо позывными (если эта информация исходила от командиров застав или подразделений).

Но были и банды вне зоны ответственности их батальона, информация о которых едва ли могла ему пригодиться. Тем не менее и ее он аккуратно заносил в свою тетрадь.

Квадрат 6036, кишлак Джургати — старшим Ахмад Ажаб. 10 бородатых, 1 РПГ, 9 автоматов. Дом Ахмад Ажаба на восточной окраине кишлака, примыкает к кладбищу Шохомсабаба. А. А. приходит ночевать домой почти каждую ночь. Его сопровождают два телохранителя. Ш.

Квадрат 6340, кишлак Ахмедзаи — старшим Хабиб. Близкий друг Ахмад Ажаба. У него 10 человек. Ахмад Ажаб часто бывает у него в гостях, но ночевать остается крайне редко. Ш.

Квадрат 6241, кишлак Гафурхейль — Ахмад Ажаб и Хабиб иногда приходят со своими людьми. Грабят местных. Ш.

Квадрат 5938, кишлак Басихейль — иногда бывает Ахмад Ажаб. В кишлаке нет ни отряда самообороны, ни банды. Всех мужчин убили люди Ахмад Ажаба и Хабиба. Ш.

Квадрат 6443, кишлак Калайи-Джала — старшим Махмад Ясиб. Он брат Ахмад Ажаба. Но с братом отношения натянутые. В случае необходимости может прийти на помощь, но может и не прийти. У него 12 человек, 1 РПГ, 1 пулемет. Командир 5 мср.

Квадрат 6243, кишлак Насдара — Махмад Ясиб бывает через день. Командир 5 мср.

Квадрат 5434, кишлак Левани — постоянно находится Султан. У него 50 человек, 2 безоткатных орудия, ПЗРК, реактивные снаряды, 1 миномет, 7 пулеметов, много противотанковых гранатометов. Сам Султан и его люди пришли из Пакистана. Жесткая военная дисциплина. Кишлак хорошо укреплен. Есть минные поля. Исламский комитет. Х.

Квадрат 4937, кишлак Пачахак — старшим Мали Мофуз. У него около 150 человек. О вооружении точных данных нет. Подчиняется Султану. Отряд хорошо мобилен и в любое время может прийти под знамя к Султану. Х.

Квадрат 5439, кишлак Тирерай — старшим Махмад Авжал. Подчиняется Султану. У него 40 человек, одно безоткатное орудие, реактивные снаряды, 1 ДШК, 1 миномет, несколько пулеметов и противотанковых гранатометов. Командир 5 мср.

Квадрат 5744, кишлак Искандара — старшим Амиджан.

Отряд самообороны кишлака. С шурави боевых действий Амиджан не ведет по причине удаленности от дорог и пунктов постоянной дислокации советских войск. Или по каким-то своим причинам. Не подчиняется ни Ахмад Ажабу, ни Султану. Те его почему-то не трогают. У Амиджана около 20 человек. На вооружении только автоматы. Ш.

Квадрат 6841, кишлак Дингак (на другом берегу реки Панджшер) — старшим Ала Махмад. Около 50 человек. О вооружении точных данных нет. Командир 5 мср.

Квадрат 6739, кишлак Ниязи-Гираншах — старшим Мурага. Бывший мулла. Родственник Ала Махмада. У него около 25 человек, 1 пулемет, гранатометы, ПЗРК. Командир 5 мср.

Квадрат 3840, кишлак Хундур — старшим Атаджан. В банде более 300 человек. 5 января 1987 года к нему прибыл из Пакистана для проверки указаний контрреволюционного руководства об активизации подрывной деятельности представитель штаб-квартиры Абдул-Разак. До убытия Разака в Пакистан мятежники главаря Атаджана планируют обстрел электростанции (кв. 3828) и охраняемую дорогу Ахшуруб от 9 с.з. до баграмского поста Делани-Теша (кв. 3818). А также произвести подрыв опор электропередач. Р (установленным порядком сообщено в разведотдел дивизии).

Квадрат 6118. В кишлаках Джарчи и Петава находится банда Анвара. Сам Анвар сейчас в Пакистане. Бандой руководит его брат Шер-шо (Шершах). В банде около 50 человек, 180(!) РС, 3 ДШК, 2 безоткатных орудия, РПГ, пулеметы китайского и египетского производства. Около месяца назад караван из Пакистана доставил противопехотные мины. В районе Джарчи и Петавы душманами оборудуется укрепрайон. Работает исламский комитет. В «саду Алимджана» склад боеприпасов. Его координаты — кв. 61189. Возвращение Анвара ожидается в начале марта. В ближайшие дни готовится обстрел штаба соединения. Х. 20.01.1987.

Да, благодаря Хошку о банде Анвара у Сергея информации было гораздо больше, чем о любой другой банде. Банде Анвара, самому Анвару и его брату Шер-шо в тетрадке Сергея было посвящено несколько страниц. Одну из них он помнил почти наизусть:

«Вечером 18 сентября 1987 года прапорщик с бойцами на БТР и на “Камазе” решил объехать контрольный пункт. Куда-то спешил, а на контрольном пункте был приказ о запрещении передвижения одиночных машин. Прапорщик заблудился в незнакомой местности. В районе кишлака Джарчи нарвался на духов. БТР подбили первым же выстрелом из гранатомета, следом

подбили “Камаз”. Два солдата погибли сразу. Двое других, обожженные и раненые, ночью выползли на одну из наших застав. Еще двое попали в плен. Прапорщик отстреливался до последнего патрона. Когда закончились патроны, отложил ненужный ему больше автомат в сторону. Первого приблизившегося к нему моджахеда застрелил из сигнального пистолета СПШ. Следующим выстрелом застрелился сам.

Наш дивизионный разведбат двое суток готовился к прочесыванию кишлака Джарчи. Кишлак непрерывно обрабатывался дивизионной артиллерией и армейской авиацией. Брат Анвара Шер-шо (Шер-шах) собирался отправить пленных в Пакистан. Но на третий день выдал трупы всех пятерых. С разрезанными животами, выколотыми глазами, отрезанными ушами и… Изуродованные до неузнаваемости. Издевались душманы над пленными и даже над трупами. (Тогда еще Сергей не знал о том, что это была работа Исмада. Хошк сообщил об этом гораздо позднее. Исмад в очередной раз продемонстрировал свою “свинью”. Даже Шер-шо не смог досмотреть это представление до конца. Не смог смотреть на мучения нашего пленного бойца — он выстрелил ему в голову из автомата).

26 октября и 18 ноября 1987 года — засады на баграмской дороге в районе кишлака Нангихейль (кв. 6015). Обстрел советских колонн людьми Анвара. Старшим был Исмад. Х.

По данным Х, в конце декабря 1987 года Анвар назначил Исмада ответственным за безопасность интернациональной съемочной группы, состоящей из двух американцев и француза. Киношники должны были снять рекламный ролик об использовании “Стингера” против советских самолетов. В течение декабря 1987 года — января 1988 года люди Исмада на “кинопробах” сбили английскими ракетами “Блоупайп” два советских самолета и один вертолет. Правда, сбить ИЛ-76 “Стингером” у них не получилось.

29 февраля 1988 года из района кишлаков Джарчи и Петава переносным зенитно-ракетным комплексом сбит МИ-24. Вертолет при падении взорвался. Экипаж сгорел, от тел практически ничего не осталось…»

В тетради Сергея было еще много всякой информации (важной и не очень), но, уходя в канцелярию роты, он поймал себя на мысли, что в этих записях все чаще и чаще появляется имя Одноглазого. Вот и Шафи при последней встрече рассказал Сергею много нового о банде Анвара. И снова в разговоре прозвучало имя Исмада.

Глава 11
Последняя капля

Сергей никогда не задумывался о результатах политики национального примирения, которую объявило афганское правительство. Он знал только о том, что на Востоке стремление к переговорам очень часто расценивается противоположной стороной не как проявление доброй воли, а как обычная слабость. Возможно, он и ошибался в этом, но почему тогда количество диверсий и обстрелов, которые устраивали моджахеды, со времени объявления политики национального примирения только увеличилось? Нет, он был уверен, что с афганцами можно разговаривать если уж не с позиции силы, то по крайней мере очень четко определяя круг задач, которые ставятся перед ними. С конкретными условиями поощрения за успехи и наказания за неисполнительность. К примеру, если в Союзе ты пригласишь к себе в гости на плов старого друга-афганца, выставляй все на стол, не оставляй ничего в заначке, чтобы он сразу видел и представлял, что ждет его сегодня вечером. И смог объективно оценить свои силы и возможности. Будь гостеприимным и радушным. И не забудь сразу же предупредить его о том, что если вы что-то не доедите, вашему другу придется забирать это с собой. Если все будет объяснено четко, тогда проблем с гостем у тебя будет гораздо меньше.

Но это в Союзе. В Афганистане с афганцами на равных могли разговаривать только сами афганцы. Нам там делать было нечего. Ведь мы были для них чужестранцами, а в отличие от нас афганцы всегда относились к чужестранцам без особого почтения. Что бы те им ни говорили. Правда, по словам Шафи, к распоряжениям из соседнего Пакистана многие местные банды прислушивались с очень большим вниманием. И особенно охотно выполняли распоряжения, относящиеся именно к политике национального примирения.

Так, еще в январе 1987 года Абдул-Разак, прибывший из Пакистана для проверки боевой активности местных банд, потребовал от их главарей грамотно использовать новые перспективы, открывающиеся благодаря этой политике. Он передал указание своего руководства о выделении из состава некоторых наиболее активных банд небольших отрядов для их фиктивного перехода на сторону народной власти.

Это должно было польстить самолюбию местных властей. Переход пусть небольшой банды на сторону народной власти

позволял местной администрации отчитаться по проделанной работе перед вышестоящим руководством. Великая сила галочки! Ладно, в Союзе, но как быстро афганцы переняли от нас эту не самую лучшую привычку! Дурной пример очень часто бывает слишком заразительным!

В погоне за результатами местные власти не задумывались о том, кто переходит на их сторону. И с какими целями. Главное было отчитаться по проделанной работе. О том, что политика национального примирения уже приносит первые плоды. А значит, не за горами полный мир на многострадальной афганской земле.

Для моджахедов же для этого перехода была еще одна причина, которую аналитики пакистанских (а скорее всего, не только пакистанских) спецслужб посчитали довольно занимательной. Это была возможность снабжения банд оружием, боеприпасами и продовольствием за счет самого афганского правительства. Схема была довольно простой.

Из крупной и непримиримой банды выделялся небольшой отряд, который формально переходил на сторону народной власти. Имитировалась ссора или даже чье-то убийство в банде или этом отряде. Таким образом создавалась легенда для афганского правительства о том, что переход вызван вполне объективными причинами. И о том, что обратной дороги в банду для этого отряда уже нет. Под управление этого отряда переходил один из кишлаков. А отряд после переговоров с представителями местных властей превращался в отряд самообороны этого кишлака. Кишлак вносился в списки так называемых мирных кишлаков. Что автоматически означало запрет для советских постов и застав на его обстрел, даже если оттуда велась стрельба по нашим подразделениям! Политика — это всегда развлечение для политиков и очень часто кровопролитие для солдат. В Афганистане политика национального примирения нередко приобретала уродливые и извращенные формы.

После ее объявления наши подразделения получили приказ не поддаваться на провокации моджахедов. И даже при обстрелах лишь докладывать о них, но ответный огонь открывать только при получении соответствующих распоряжений сверху. Что означал запрет на немедленное открытие огня при нападении на заставу и необходимость ожидать команды (при нашей-то неповоротливости и нежелании многих старших командиров брать на себя ответственность), думаю, вы прекрасно знаете. Только лишние потери среди личного состава. Но я немного отвлекся. Отряд, перешедший на сторону народной власти, получал и другие, вполне материальные привилегии. Чтобы

показать преимущества перехода на сторону народной власти (и стимулировать другие банды), в этот кишлак, как правило, направлялся агитотряд с мукой, рисом и керосином. И каким-то ширпотребом. С учетом того, что по легенде бойцы этого отряда самообороны рисковали жизнью, переходя на сторону народной власти, а многие из них являются кровниками душманов из расположенной неподалеку крупной и хорошо вооруженной банды, командир отряда требовал от властей оружия и боеприпасов. Через какое-то время требовал их снова. Потому что отряду постоянно приходится вести жестокие и кровопролитные бои с душманами. Правда, ни убитых, ни раненых в этих боях, как ни странно, не было ни с одной, ни с другой стороны.

Нетрудно догадаться, что отказать командиру отряда самообороны не могли. Это был вопрос политики. И это в то время, когда для регулярной афганской армии и царандоя оружия, боеприпасов и продовольствия не хватало просто катастрофически. Пока же отряду помогали чем могли. И любая помощь принималась в кишлаках с распростертыми объятьями. Ей были рады и душманы, и мирные жители.

Думаю, не стоит вам объяснять, что на следующую ночь все эти мешки с продовольствием (или большая их часть), оружие и боеприпасы перекочевывали в основную банду. Проходило какое-то время (довольно быстро) — и агитотряды забывали дорогу в этот кишлак. Регулярных поставок продовольствия и боеприпасов в отряды самообороны, разумеется, не было (для отрядов, которые реально, а не фиктивно переходили на сторону народной власти (а были и такие), такая забывчивость очень часто оборачивалась смертельным приговором). Чаще все это было лишь показухой, но братья-моджахеды были рады и такой малости. Ведь действительно приятно, когда тебе не нужно рисковать жизнью, перегоняя караван с оружием горными тропами из Пакистана. Мимо враждующих племен и родов. А оружие и боеприпасы тебе приносят на блюдечке с голубой каемочкой твои заклятые враги.

Да, все это было бы очень весело, если бы не было так грустно. Выделение таких отрядов из состава банд приобретало все более массовый характер. При полном отсутствии хотя бы малейшей фактической, а не показной лояльности этих отрядов к местной власти. Офицеры царандоя и ХАД, работавшие с этими отрядами, рисковали своей жизнью ничуть не меньше, чем если бы они работали с обычными бандами.

Приказ о создании такого отряда получил от Абдул-Разака и Анвар. Месяц назад на охоте от несчастного случая погиб брат Анвара Шер-шо. По непонятной причине при выстреле

разорвалось его ружье. Взрыв был настолько мощным, что практически разорвал голову.

Чем брат прогневал Аллаха, Анвару было не ясно. Но то, что именно Аллах покарал его брата, Анвар даже не сомневался. Возможно, потому что Шер-шо в последнее время слишком сблизился с этим выскочкой Исмадом.

Нет, все-таки зря они с братом приютили у себя в кишлаке этого дуканщика. Слишком уж он был своенравным и непредсказуемым. Не было у Одноглазого почтения ни к старейшинам кишлака, ни к самому Анвару. И все он делал по своему усмотрению и желанию.

Его ненависть к шурави была такой сильной, что легко могла сжечь все вокруг. И всех тех, кто находился с ним рядом. Сколько раз Анвар говорил ему о том, что нельзя устраивать засады на шурави поблизости от кишлака! Это всегда приводило к излишним жертвам среди правоверных. Ведь после обстрелов советских застав и нападения на их колонны неминуемо следовала расплата. Ответные обстрелы, ракетные и бомбовые удары.

А ведь казалось, что проще: отойди к соседнему мирному кишлаку, обстреляй оттуда шурави и немедленно уходи. Так одним выстрелом можно было сразу убить двух зайцев! Но Исмад все делал по-своему. Он нападал на шурави когда хотел и где хотел. А чаще там, где встречал.

Но в чем ему нельзя было отказать, так это в изворотливости. Да, ответные удары шурави приносили много бед Анвару и его людям, но сам отряд Исмада всегда выходил сухим из воды. За все это время у него не было ни одного убитого. И даже раненого.

Да, этот дуканщик был совсем не прост. Кто помогал ему в его делах, Аллах или шайтан, сказать было трудно. Но одно было ясно с первого взгляда: его аскеры (воины) были неуязвимы; всем же тем, кто находился с ним рядом, приходилось нелегко. Им приходилось сполна расплачиваться за его ярость и непримиримость. Под ответными бомбами и снарядами шурави.

Может быть, именно поэтому Анвар и решил немного отдалить от себя бывшего дуканщика. И именно ему он предложил сформировать отряд самообороны и объявить о своем переходе на сторону народной власти.

В качестве пункта постоянной дислокации Анвар разрешил Исмаду с его отрядом разместиться в кишлаке Нари-Калан. Придумывать формальный повод для ухода Исмада из банды не пришлось. Все и так знали о его разногласиях с Анваром. И о неуживчивом характере бывшего дуканщика. К тому же у Исмада в прошлом были некоторые контакты с хадовцами. Краем уха

Анвар о них что-то слышал. Хотя вполне возможно, что это были только слухи.

Исмад отнесся к новому поручению со свойственным ему спокойствием. Он никогда не тратил лишних слов и эмоций на такие пустяки. Никто не мог запретить ему убивать шурави. Все остальное же было только словами, сотрясающими воздух. Исмад же всегда предпочитал словам дела.

Спорить с Анваром бывший дуканщик считал не только бесполезным, но и опасным занятием. В отличие от Хайрулло, Анвар был сильным и жестким главарем. И бесконечно испытывать его терпение не решался даже Исмад. Поэтому уже через две недели Исмад вышел на связь со своим старым знакомым, начальником ХАД провинции подполковником Вахидом. Чем несказанно удивил последнего.

Вахид прекрасно знал о «художествах» своего бывшего подопечного. И о его непримиримости. Но Исмад знал о том, что именно Вахид «сдал» его царандоевцам. Ситуация была запутанной, но оба сделали вид, что забыли о прошлом. Нужно было жить дальше, и если груз прошлых обид мешал, от него нужно было избавиться. Ко всему прочему Исмаду нужно было выполнять поручение Анвара. А Вахиду представилась возможность отчитаться перед своим руководством об «успешном завершении многоходовой комбинации, проведенной сотрудниками ХАД и им лично, по организации перехода одной из банд на сторону народной власти». Да, появление Исмада оказалось как нельзя кстати! К тому же Вахид искренне верил, что сможет и дальше управлять своим подопечным, как и раньше. Он ошибался.

Тем не менее уже через несколько дней в Нари-Калан пришел агитотряд с мукой, продовольствием и боеприпасами (оружия, правда, в этот раз Исмаду не привезли, а он особенно его и не просил). А всем советским заставам в этом районе передали информацию о том, что банда Исмада стала «договорной». Кишлак Нари-Калан стал «мирным». И открывать огонь в его направлении теперь категорически запрещено.

Для Сергея Карпова все происходящее стало большой новостью. Переход Исмада на сторону народной власти был слишком неожиданным. Тем более что кроме запрета на открытие огня в направлении этого кишлака больше ничего не изменилось. Люди Исмада все так же продолжали выходить на «баграмку» (дорогу Кабул — Баграмский перекресток) и обстреливать наши колонны. Для них мирный договор ничего не значил.

Двадцать первого февраля с командного пункта батальона предали приказ «семьсот двадцать первого» (комбата) об

усилении бдительности. Оказывается, на двадцать пятой заставе пропал Радик Махмудов, командир взвода с минометной батареи. Вышел после обеда в дукан и не вернулся. Труп Радика нашли только утром. Двадцать пятая застава находилась довольно далеко от Нари-Калана, но Сергей почему-то сразу же подумал об Исмаде. Тому были причины. Через три дня люди Исмада обстреляли бензовоз, шедший на девятую сторожевую заставу. Лишь чудом обошлось без жертв. На просьбу Сергея обработать виноградник, из которого велась стрельба, огнем из миномета комбат устроил ему настоящий разнос. Виноградник примыкал к теперь уже «мирному» кишлаку. А еще через два дня из Нари-Калана ракетой был сбит наш штурмовик Су-25. Летчик катапультировался. Прикинув в уме место его возможного приземления, Сергей поставил задачи танкистам и минометчикам по организации заградительного огня на случай, если там появятся духи. А сам на боевой машине пехоты с несколькими бойцами устремился на выручку летчику.

Можно было особенно не спешить. Летчика явно относило ветром к девятой сторожевой заставе. И в этот момент к нему потянулись тоненькие ниточки трассирующих пуль. Стреляли со всех сторон. Из духовских укрепрайонов и «мирных» кишлаков, из непримиримых банд и договорных отрядов. Казалось, что стреляли из каждого дома и каждой крепости. Стреляли из карабинов, автоматов, ручных пулеметов и даже из двух ДШК. И самый плотный огонь по летчику велся из Нари-Калана.

Этот кишлак находился ближе остальных к месту предполагаемого приземления летчика. И, видимо, поняв, что живым захватить его не получится, духи решили, что и жить летчику тогда совсем необязательно.

В первое мгновение Сергей просто растерялся от неожиданности. Никогда он не мог и подумать, что в кишлаках так много оружия. И о том, что духи настолько обнаглеют, что откроют огонь по летчику среди белого дня. Под дулом танка и угрозой минометного обстрела. При непременном возмездии со стороны дивизионной артиллерии и авиации. Но самое страшное заключалось в том, что Сергей не мог подавить все эти огневые точки. Их было слишком много. Слишком. И он ничем не мог помочь летчику. Не мог даже вызвать огонь на себя.

Он доложил по радиостанции о происходящем на КП батальона. Запросил огонь дивизионной артиллерии по нескольким квадратам. Но комбат ответил, чтобы он вытаскивал летчика. И что артиллерия по этому району работать не будет. Словно услышав это, парашют летчика безвольно обвис. Он сложился в длинное полотнище, и летчик камнем устремился к

земле. Видно, огонь с земли был настолько плотным, что парашют разорвало в клочья. И его купол больше не мог удерживать вес летчика.

Летчик упал буквально в нескольких метрах от девятой заставы. БМП Сергея остановилась в паре шагов от него. И закрыла его своим корпусом от ближайших домов Нари-Калана. Бойцы привычно заняли круговую оборону. Они ждали команды на открытие огня либо нападения духов. Но ни того, ни другого не последовало. Огонь, который вели духи, стих словно по мановению волшебной палочки.

Сергей спрыгнул с брони. Краем глаза он видел, как командир девятой заставы Валера Плахотский отдает необходимые указания наводчикам-операторам боевых машин пехоты своего взвода. А несколько человек от заставы бегут в его сторону. Но все это было как в тумане. Взгляд Сергея был прикован к тому, что еще несколько минут назад было живым человеком. К тому, что еще несколько минут тому назад любило, мечтало, надеялось.

То, что сейчас лежало рядом с Сергеем, практически ничем не напоминало тело человека. Нужно было давать команду бойцам, чтобы они собирали останки на плащ-палатку. И уезжать. Не стоило лишний раз дразнить духов. И маячить перед их стволами. Но Сергей стоял и молчал. Молчал целую вечность. Он ненавидел себя в эти минуты за то, что не смог спасти летчика. Но не мог сказать ни слова. Он сжимал кулаки. А по щекам у него текли слезы. Он плакал от бессилия.

Глава 12
Возмездие

Вы абсолютно правы. Для этих целей он мог бы использовать не два, а три или даже четыре осколочно-фугасных снаряда. И причиной тому не была его жадность. Жадным он не был никогда. Лишь иногда — домовитым. Точнее, бережливым. Но в этот раз причина заключалась в другом. Стрельба ночью на такую дальность без корректировки огня при более чем двух выстрелах могла дать слишком большой разброс попаданий. А в этот раз стрельба по площадям в его планы никак не входила. Его интересовала одна вполне конкретная цель. Крепость Калайи-Каримхана, что была расположена на южной окраине Нари-Калана.

Именно на нее еще с вечера навел он ствол танка. И радиопереговоры, ведущиеся именно из этой крепости, весь предыдущий день по его просьбе отслеживали разведчики со станции радиоперехвата. С минометом все было гораздо проще. Цинк из-под патронов, установленный на бруствере, с прорезанной штык-ножом полосой в днище и фонариком внутри служили выносной точкой прицеливания для минометчиков. Прицел и угломер на эту цель они помнили и так. Дальнобойные заряды были привязаны к хвостовому оперению мин заранее. Поэтому на минах Сергей не экономил.

Минометчики повесили на траекторию пять мин (только на первой мине был снят защитный колпачок с взрывателя — она должна была взорваться немедленно при контакте с любым предметом; остальные мины должны были взорваться уже внутри крепостных построек), когда раздался первый выстрел из танка. До второго выстрела они успели выпустить еще три мины. После этого танкисты и минометчики оставили на своих позициях по одному часовому. Остальные отправились спать в казарму. Ведь до общего подъема было еще около двух часов. Сергей же направился на станцию радиоперехвата. Командир станции прапорщик Саня уже ждал его. Они надеялись, что духи, как обычно, начнут засорять радиоэфир своими военными тайнами. Была у братьев-моджахедов такая привычка после обстрела поделиться новостями: попали ли в них шурави или промахнулись, есть ли у них потери и как поживает какой-нибудь их дальний родственник? Сергей частенько использовал эту информацию в своих личных (корыстных) целях. И корректировал стрельбу согласно полученной информации. После этого духи

несколько дней вообще не выходили в эфир, пользовались для передачи информации только посыльными. А прапорщик Саня плакался, что если об этих Серегиных играх узнают в разведотделе дивизии, то не сносить ему головы.

Интересно, а как они об этом узнают, задавал себе вопрос Сергей. И через мгновение сам же на него отвечал: «Не узнают». Хотя за такие шалости ему стоило бы дать по шапке! Но уже через несколько дней радиоэфир снова наполнялся голосами братьев-моджахедов. А Сергей удивлялся, что в некоторых вопросах память у них была на удивление короткой.

Однако в этот раз они напрасно просидели за радиоприемником больше часа. В эфир несколько раз выходил сам Анвар, интересовался тем, что произошло. Но из крепости Калайи-Каримхана ему никто не отвечал. Это было хорошим знаком. Пожав Сане руку на прощание, Сергей ушел в канцелярию роты досматривать свой любимый утренний сон. Стоило ему лишь прикоснуться головой к подушке, как он моментально уснул. Но сны ему сегодня не снились.

Да, эта подготовка заняла у него несколько дней, а само ночное приключение уложилось минут в десять. Не более. Да и то большая часть этого времени ушла неизвестно куда. Танк и миномет были подготовлены к стрельбе заранее. Больше времени ушло на то, чтобы разбудить бойцов. Танковый экипаж и минометный расчет. Но похоже, что сработали они на славу. Сергей повернулся на другой бок. Во сне он улыбался…

На следующий день никто не вспоминал о ночной стрельбе. Бойцам было по барабану, куда они стреляли. Танкисты выпустили два снаряда в белый свет как в копеечку. А куда вечером наводил ствол их танка замкомроты, их не интересовало. Минометчики тоже старались не вникать, куда они запустили свои восемь мин. Им приказали — они сделали. Самым удивительным было то, что и сам Сергей моментально забыл о происшедшем.

Словно бы он сделал какую-то важную и нужную работу. И сразу же забыл о ней. Потому что впереди стояли другие не менее важные задачи. И думать нужно было о них.

Даже когда через два дня наблюдатель доложил о двух «коробочках» (БМП), направляющихся от штаба дивизии к Тотахану, сердце его не екнуло от недоброго предчувствия. В зенитную трубу было прекрасно видно пятнистые борта боевых машин пехоты. Это были машины разведчиков (либо с батальонного разведвзвода, либо дивизионного разведбата). Это были свои. К тому же если бы это была какая проверка, «солдатский телефон» доложил бы о ней заранее.

Безо всякого приказа дежурный по заставе направился проверять порядок на территории заставы, а командир третьего взвода (и командир восьмой сторожевой заставы по совместительству) Игорь Алескеров отправился проверить порядок в казарме. Как говорится, береженого бог бережет. Сергей же пошел встречать гостей.

Одна из машин осталась под горкой. Вторая долго урчала на подъеме, но вскоре поднялась на заставу. С брони спрыгнул один-единственный пассажир. В альпинистской штормовке и с автоматом в руках. Без знаков различия. Но Сергей знал его в лицо. Это был начальник разведки дивизии.

— Заместитель командира шестой роты старший лейтенант Карпов, — представился ему Сергей.

Представился вполне официально, как того требовал устав. Но в ответ гость только протянул руку. И не сказал ни слова. Сергей пожал ее. Пауза затягивалась. Начальник разведки смотрел по сторонам, словно впервые был на Тотахане, и не спешил объяснять причину своего неожиданного появления.

Потом, словно смилостивившись, ответил вопросом на молчаливый вопрос Сергея.

— Ладно. Где тут у тебя можно поговорить?

Сергей растерянно оглянулся по сторонам. На Тотахане можно было говорить везде. Стен здесь не было (почти не было), а значит, лишних ушей тоже. Но на всякий случай он предложил начальнику разведки пройти в канцелярию роты. Ротный был в отпуске в Союзе, Игорь Алескеров прятался в казарме, вполне разумно рассудив, что от любого начальства лучше держаться подальше (а до кухни от казармы было гораздо ближе, чем от канцелярии). Так что в канцелярии никто не мог помешать им спокойно поговорить.

И первый вопрос прозвучал как гром среди ясного неба:

— Сергей, ты случайно на этой неделе никуда не стрелял из танка?

Сергей ответил, почти не задумываясь.

— На этой неделе? Здесь он сделал небольшую паузу, словно пытаясь что-то вспомнить. — Нет, товарищ майор. На этой неделе я был в печали. Не до стрельбы. Ротный уехал в отпуск, столько работы за него приходится делать.

Начальник разведки пропустил эти слова мимо ушей.

— А в прошедший четверг?

— Нет, товарищ майор. Ну, во вторник мог, конечно, случайно куда-нибудь выстрелить. Из танка. Во вторник мы чистили оружие. И танковую пушку тоже. Ну, случайный выстрел, то-се. Так что разик-другой могли, конечно, куда-нибудь

стрельнуть. В принципе, в среду тоже что-то чистили. Так что и в среду могли совершенно случайно. В субботу… Но в четверг точно не стреляли. В четверг — рыбный день. По четвергам стрелять большой грех!

Почему стрелять по четвергам было большим грехом, никто не знал. Не знал об этом и сам Сергей. Он замолчал на мгновение. Словно о чем-то задумался. Но только на мгновение.

— К тому же открывать огонь без команды комбата категорически запрещено! Вы же знаете! — произнес он после небольшой паузы.

Но и эти слова начальник разведки проигнорировал.

— В четверг около трех часов ночи?

Вопросы начинали плавно перетекать в допрос. Сергей и так уже начинал догадываться, что начальник разведки дивизии не ради праздного интереса приехал на заставу. И было похоже, что ответы на эти вопросы он получит тем или иным способом. Самое смешное заключалось в том, что Сергей все никак не мог понять, к чему клонит начальник разведки. Не то чтобы его ночная стрельба по крепости Калайи-Каримхана совсем уж вылетела у него из головы. Просто он не думал, что она может кого-то заинтересовать. Сергей был уверен, что эта стрельба была его частным делом. И абсолютно никого, кроме него, не касалась. Да, он дождался, когда ротный уедет в отпуск. Из обычной предосторожности. Просто не хотел его подставлять. Но то, что он заранее все продумал, сказать все равно было нельзя. Ничего он не продумывал! Он всего лишь сделал то, что должен был сделать.

— Около трех часов ночи? — переспросил он у начальника разведки. — Нет, товарищ майор! В полночь мог, конечно, куда-нибудь случайно выстрелить. После подъема, спросонья, знаете, иногда тоже на что-нибудь не то нажмешь. После завтрака… Но чтобы в три часа ночи? Исключено! В три часа ночи я обычно смотрю свой любимый романтический сон номер три.

Что это был за романтический сон номер три, начальник разведки уточнять не стал. Он молча достал из внутреннего кармана карту-сотку и ткнул пальцем в обведенный кружком квадрат.

— Вот по этой крепости. Кажется, она называется крепостью Калайи-Каримхана?

Было ясно, что отпираться дальше бессмысленно. Начальник разведки явно приехал не просто так. По всему было видно, что он прекрасно знал, откуда стреляли по этой крепости. И кто стрелял. Но Сергей прекрасно знал другое. Одна его знакомая девушка, работавшая народным судьей в Орехово-Горохово

(московский район Орехово-Борисово Сергей в шутку называл Орехово-Горохово), давным-давно просветила его на этот счет. О том, что чистосердечное признание смягчает вину. А еще о том, что если признаешься, меньше дадут. При этом с грустью в голосе его знакомая добавляла: «А не признаешься, совсем не дадут». Тогда он не задумывался над этими словами. Но с тех пор никогда ни в чем не признавался. Даже под гнетом столь неопровержимых доказательств. И не собирался признаваться. Поэтому продолжал выпендриваться.

— Нет, по соседней крепости мог, конечно, случайно пальнуть. Больно уж она мне не нравится. И стены у нее какие-то кривые. Но чтобы по крепости Калайи-Каримхана? Да у меня рука не поднимется стрелять по этой крепости! А, кстати, что произошло, товарищ майор?

Все это было обычной игрой. В которую играли заместитель командира мотострелковой роты старший лейтенант Карпов и начальник разведки дивизии майор Харламов. Вы скажете о субординации. О том, что этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Именно поэтому я и привел этот диалог практически дословно без сокращений и прикрас. Что было, то было. Правда, за восемь месяцев до этого разговора Сергей Карпов (исполнявший тогда обязанности начальника разведки батальона) со своими разведчиками на одной из операций помог выбраться из окружения начальнику разведки дивизии. И с тех пор отношения между ними были больше дружеские, чем служебные. И лишь при посторонних они старались их не показывать. Поэтому и состоялся такой разговор. И в этом разговоре Сергей мог рассказать обо всех своих выстрелах. Рассказать как на духу. Заведомо зная, что никуда дальше эта информация не пойдет (и что Сергей Филиппович никогда его не сдаст). Но никогда бы он не стал этого делать. Помня о том, что во многих знаниях — многие печали, он предпочитал не перегружать лишней информацией даже своих знакомых. И уж тем более друзей.

— Что произошло, ты спрашиваешь? Мы несколько месяцев работали с бандой. Помогали им чем могли. Пайсы (денег) ее главарю отвезли столько, что мало не покажется. Месяц назад они перешли на нашу сторону. А в прошедший четверг один папуас (при этих словах начальник разведки многозначительно посмотрел на Сергея) выстрелом из танка пустил всю нашу работу коту под хвост!

Это было уже интересно. Сергей заерзал от возбуждения.

— Не томите, товарищ майор! А этот папуас попал куда нужно?

Сергей Филиппович Харламов улыбнулся в ответ.

— Попал. В жилую часть крепости. Погибло пять или шесть телохранителей, сам главарь банды спал в соседней комнате. Его тяжело ранило. Но утром в крепость пришел Анвар со своими людьми. Посчитав, что возиться с раненым не стоит, они добили Исмада.

Начальник разведки на мгновение задумался. Взгляд его снова стал серьезным.

— Я все знаю, Сережа. О том, что он делал с нашими пленными, о летчике и о «свинье». Ты все сделал правильно. Но я тебе этого не говорил.

После короткой паузы Сергей Филиппович попросил проводить его к машине. Уже по дороге он произнес еще несколько слов. Почему-то Сергею показалось, что начальник разведки разговаривает сам с собой.

— В принципе, хороший дух — мертвый дух. Это не мною придумано.

Уже у самой машины он обернулся к Сергею.

— Думаю, что в эту крепость могли выстрелить откуда угодно. Шальной снаряд. И все такое (за весь разговор о минах, выпущенных из миномета, не было сказано ни слова, но Сергей на это не обижался). Правильно я думаю, старший лейтенант?

Спорить с начальником разведки было сложно. Выстрелить по крепости, действительно, могли откуда угодно. С луны, например. Другое дело, что попасть в нее можно было только с Тотахана. И любая баллистическая экспертиза без труда могла бы это подтвердить. Да кто ж ее будет проводить в духовском кишлаке!

Если бы вместо начальника разведки на заставу приехал особист полка и с пристрастием поговорил с бойцами, он бы мог узнать об этом происшествии гораздо больше, чем узнал начальник разведки. А полковому стоматологу Андрею Всеволодовичу Мамонову даже и спрашивать ничего бы не пришлось — бойцы рассказали бы ему все и так, если бы только он приехал на заставу со своими инквизиторскими инструментами. Но, видимо, у особиста полка майора Стяжкина Александра Петровича и своих дел было по горло. Не до какого-то бывшего дуканщика ему было. А ведь ему бы бойцы могли рассказать почти все. Правду. Одну только правду. Но, разумеется, не всю. Никому другому (кроме полкового стоматолога!) нет. А ему бы рассказали. Умел Александр Петрович находить общий язык с бойцами. Вот только едва ли Александр Петрович дал бы ход полученной информации. Он тоже пару раз ходил на боевые с Сергеем. А этого дорогого

стоило!

Хотя, если быть до конца откровенным, то не факт, что даже Александру Петровичу бойцы восьмой сторожевой заставы рассказали бы что-нибудь лишнее о своем замкомроты. Многие сослались бы на плохое знание русского языка. Благо почти половина солдат и сержантов заставы были родом из Средней Азии. И в первую очередь русский язык забыл бы заместитель командира третьего взвода сержант Нигмат Хашимов, работавший до Афганистана в школе учителем русского языка. Память — странная штука! Иногда люди забывают даже то, что, казалось бы, забыть просто невозможно. Другие сослались бы на то, что спали и ничего не знают. Для них особист полка был чужаком, а со своим замкомроты они съели не один пуд соли. А это на войне тоже дорогого стоит.

К тому же все вокруг прекрасно знали, что это был за дуканщик. И многие желали ему поскорее встретиться с Аллахом. А кое-кто готов был и сам ему в этом помочь. Просто у Сергея это получилось чуть раньше, чем у остальных. Но у кого-то же это должно было получиться!

Сергей привычно взял под козырек.

— Так точно, товарищ майор! В крепость могли выстрелить откуда угодно.

В словах его не было ни радости, ни особого торжества. Была усталость. Усталость человека, вернувшегося с работы. Сделавшего то, что он должен был сделать. И была благодарность к тем, кто смог его понять и поддержать в эту минуту. Начальник разведки кивнул ему в ответ. Затем махнул рукой механику-водителю — и боевая машина пехоты, выпустив клубы сизого дыма, покатилась под горку.

Что доложил начальник разведки по этому инциденту старшему командованию, Сергей так и не узнал. Но больше об этой стрельбе никто не вспоминал. И не приезжал на заставу с расспросами. Видимо, никому это особенно не было нужно.

Так закончилась история бывшего дуканщика Исмада. Бывшего осведомителя ХАД. Бывшего командира «договорной банды» или отряда самообороны кишлака Нари-Калан. Возможно, она могла закончиться иначе. Кто знает! Но, видимо, так было записано в его Книге судеб. Или так решили звезды. Звезды, которые светят всем нам откуда-то сверху. И помогают нам сделать свой выбор.

Эпилог

Раз в неделю комбат собирал на КП батальона всех ротных на совещание. Со списками БСЧ (боевой и численный состав роты), заявками на боеприпасы и прочими бумажками. В ближайшую среду вместо ротного, находящегося в отпуске, на совещание должен был поехать исполняющий его обязанности Сергей Карпов. Перед самым его выездом с «Диогена» (двадцать второй сторожевой заставы) на связь вышел замполит роты Андрей Иваницкий (выпускник Новосибирского училища, прибывший в роту вместо Сергея Земцова). Чего ему не сиделось на заставе, но он попросился на Тотахан. Отказать ему Сергей не мог, ведь формально Андрей был таким же заместителем командира роты, что и Сергей. Может быть, просто захотел послушать радиоприемник, который был на Тотахане? Или просто сменить обстановку?

В дела замполита Сергей старался не лезть. И он дал добро.

Уже через несколько минут с двадцать второй заставы спустилась БМП с замполитом. При подъеме на Тотахан машина подорвалась на фугасе. Мощный взрыв потряс все вокруг. Сергей с группой бойцов побежал вниз к машине. Но все обошлось.

Взрывом открыло кормовые двери и десантные люки. Разворотило днище машины в районе кормовых дверей. Замполит и экипаж отделались легкой контузией. На месте взрыва Сергей нашел самодельный замыкатель и батарейку «Панасоник». Да воронку приличных размеров.

Это было явным просчетом Сергея. Он уже не первый день служил в Афганистане и прекрасно понимал, что духи обязательно отомстят за гибель своих. Нужно было просчитать эту партию хотя бы на пару ходов вперед, но Сергей не смог своевременно это сделать.

Нетрудно было догадаться, что фугас устанавливался с расчетом на то, что БМП будет спускаться с горы, а не подниматься на нее. Тогда всем досталось бы куда больше. И без жертв не обошлось бы. Но все вышло иначе. Вместо Сергея и экипажа командирской машины удар на себя приняли замполит и экипаж его БМП.

Как ни странно, но духи больше не пытались отомстить за гибель Одноглазого и его людей. Видно, и им самим он не был слишком близок. И они недолго горевали об этой потере.

И этот фугас, установленный у подножия Тотахана, оказался последним напоминанием о бывшем дуканщике. Быть может, это был последний привет от самого Исмада?

Кое-что о ножах

Красноармеец Коля Белянин

Вскоре после моего выпуска из училища мой бывший ротный предложил мне съездить в гости к его отцу. Сказал, что перед поездкой в Афганистан мне будет интересно (и полезно) пообщаться с бывшим войсковым разведчиком.

Мы приехали перед обедом. Деревня была небольшой, домов двадцать, не более. Второй дом от околицы был конечной точкой нашего путешествия. Мы прошли за калитку. По двору бродили куры, в пруду плескались утки. На завалинке умывался большой серый кот. Видно, намывал гостей. То есть нас. Все это походило на сценку из какого-то детского фильма. Или сказки. Да, скорее сказки. Потому что в глубине двора открылись ворота, и великан двухметрового роста вынес на руках из хлева небольшого бычка. Поставил его на ноги и только после этого обратил на нас внимание.

— А, Гриша. Я сей минут. Хлев дочищу и приду. Ты пока веди гостя в дом. И скажи матери, пусть накрывает на стол, — великан приветливо кивнул головой в мою сторону.

Дом был непривычно большим. Под стать самому великану. С горницей и светелкой. С кладовыми и террасами. С разными мостками и переходами. С огромной русской печью. И множеством больших и маленьких комнат и комнатушек, в которых легко было заблудиться. Или ненароком наткнуться на какого-нибудь домового или лешего.

— Григорий Николаевич, а зачем ваш отец вынес бычка из хлева? Бычок что, сам не мог выйти? — не удержался я от вопроса.

Ротный удивленно пожал в ответ плечами.

— А кто его знает! Наверное, мог бы. Но там порожек высокий. И батя всегда его выносит…

Да, невольно подумалось мне, вполне возможно, что бычок немного подвернул ногу и, чтобы ее осмотреть, отец ротного вынес пострадавшего на свет. А что? В нем и весу-то кот наплакал. Правда, кота, лежащего на завалинке, не случайно называли Толстым. И, видимо, при необходимости плакать он умел от души — бычок явно весил не меньше центнера.

Григорий Николаевич познакомил меня со своей мамой — миниатюрной женщиной с добрыми глазами. Через полчаса мы уже сидели за накрытым столом. Уплетали за обе щеки вкуснейший борщ со сметаной. А дядя Коля, отец ротного, рассказывал нам о войне. О том, как он попал на фронт. И о своем боевом крещении.

— Призвали меня в начале сорок третьего. Был я тогда крепким, здоровым парнем. Не то что сейчас.

(Мне невольно подумалось о бычке, и я попытался представить, каким дядя Коля был в молодости.)

— Хотя и стукнуло мне всего семнадцать лет, выглядел я на все восемнадцать. Служить я попал в полковую разведроту. На фронте в эти дни стояло затишье. Шли так называемые бои местного значения.

В ближайшие дни намечалось большое наступление. И нашему командованию срочно потребовался «язык». Вот уже несколько дней над этой задачей ломал голову начальник разведки полка. Предыдущие поиски не увенчались успехом. Немцы не смыкали глаз. Служба у них была хорошо поставлена. Раз за разом возвращались наши разведгруппы несолоно хлебавши. Все это продолжалось до тех пор, пока наши наблюдатели не обратили внимание на пулеметную ячейку на правом фланге одной из немецких рот. Наблюдатели докладывали, что ночью пулеметчик в этой ячейке почему-то всегда оставался один. Без второго номера.

Этого пулеметчика и решено было захватить в плен. В состав разведгруппы включили и меня. Как новичку задачу мне поставили самую что ни на есть простую. После того как саперы проделают проходы в наших и немецких минных полях, вместе с одним из разведчиков (его звали Семеном) я должен был прикрывать группу захвата.

Так все и было, как планировалось. Перед рассветом саперы проделали проходы в минных полях. Мы с Семеном заняли свои позиции. А два разведчика из группы захвата сиганули в немецкий окоп.

Из окопа несколько минут слышалась какая-то возня. А затем все стихло. Пора уже было появляться нашим ребятам с пленным немцем. Но их все не было и не было. Что-то явно пошло не так. Семен приказал мне прикрывать его, а сам пополз в сторону окопа. Перевалился через бруствер и тоже исчез. Снова раздался шум борьбы, и снова все стихло. В голове не укладывалось: что могло там произойти?

Не укладывалось до тех пор, пока со стороны немецкого окопа не раздался какой-то шум. При тусклом свете взлетевшей ракеты я увидел, как над бруствером появилась голова немца, устанавливающего перед собой пулемет. Через секунду раздался его требовательный голос:

— Иван, иди сюда.

Он не мог меня видеть. Никак не мог! Хотя мне до сих пор кажется, что смотрел он мне прямо в глаза. Хотя это вряд ли.

Просто фашист понимал, что кроме группы захвата рядом должна была находиться группа прикрытия. К тому времени я уже догадался, что все мои товарищи погибли. А еще догадался, что и мне уйти не удастся. Пулеметчик не даст. И пулемет, установленный на бруствер, был тому подтверждением.

Отложил я тогда в сторону бесполезный теперь автомат. Достал из-за голенища сапога нож, поднялся на ноги и пошел к немецкому окопу. Догадывался я, что было нужно немцу. И не ошибся. Немцу хотелось крови. Вылез этот фашист из окопа и пошел мне навстречу. Такого здорового бугая мне встречать еще не приходилось.

Путь этот длился целую вечность. Успел я вспомнить всю свою жизнь за это время. Да, в деревне мы, бывало, дрались. Куда ж без этого? Сходились и стенка на стенку. Но никогда в жизни не приходилось мне использовать в драке нож. Правда, сегодня стоял передо мною враг. Тот, который только что убил моих товарищей. И сейчас идет убить меня самого. Все это было понятно. Но ударить его ножом я все равно не мог.

А потому переложил нож из правой руки в левую. И привычно, как в деревенской драке, ударил фашиста кулаком в лицо. Разве что чуть сильнее, чем обычно. Потому что кулак мой проломил немцу переносицу. И пулеметчик упал замертво.

До рассвета оставалось совсем мало времени. Наскоро обыскал я немца. Забрал его солдатскую книжку, какие-то документы и письма. Непонятно зачем забрал его штык. А затем вытащил из окопа наших ребят. Все они были зарезаны. Связал я двух своих товарищей поясными ремнями вместе, чтобы удобнее было нести. К Семену привязал оружие. И в два захода вынес их всех к нашим позициям.

Наш поиск так и не увенчался успехом. «Языка» взять не удалось. К тому же почти вся наша разведгруппа погибла. Это было провалом. Правда, в одном из писем немецкого пулеметчика нашли довольно забавную информацию. Оказывается, их командир полка был не только хорошим службистом, но и хорошим семьянином. Каждую неделю он отправлял посылки своей семье в Фатерлянд. С продуктами. В том числе с продуктами из солдатского пайка. А это было уже крысятничеством. Такая информация стоила дорого.

На следующий день из политотдела дивизии пришла к нам машина с громкоговорителем. Один из немецких антифашистов выступил с пламенной речью. Он говорил о необходимости одуматься, сдаваться в плен. И лишь вскользь обмолвился о продуктовых посылках командира полка. Но этого «упоминания» оказалось достаточно, чтобы немецкое командование вскоре

сняло того с должности и отдало под суд. Полк был отведен в тыл на переформирование. А ему на смену была поставлена какая-то румынская часть.

Возможно, румыны были хорошими солдатами. Но это был сорок третий год, а не сорок первый. В сорок третьем году они воевали уже немного иначе. Да и боевое охранение у них было организовано куда хуже, чем у немцев. Поэтому проблем с захватом румынского «языка» у нас уже не возникло. И вскоре наши войска перешли в решительное наступление.

За свое боевое крещение получил дядя Коля медаль «За отвагу». Штык немецкого пулеметчика он пронес через всю войну. И через сорок лет после окончания войны подарил его мне…

Возвращался я домой с тяжелым чувством. Меня мучил один вопрос: смогу ли я сам ударить ножом другого человека? Точнее, врага?

Моему крестному было двадцать семь лет, когда он заступился за девушку, к которой приставали хулиганы. Они пытались отнять у нее сумочку. В сумочке, как позднее выяснилось, лежало что-то около двух рублей мелочью. Крестный был хорошим спортсменом, мастером спорта по боксу. В этой ситуации для него не было ничего сложного. Он даже не собирался никого бить, лишь попросил парней оставить девушку в покое. Парни тоже не хотели драться. Просто ударили его ножом в спину. Он умер еще до приезда скорой помощи.

Да, вполне возможно, что для кого-то ударить другого ножом было легче, чем выкурить сигарету. Но только не для меня.

Я только что окончил военное училище. Успешно сдал выпускные экзамены. Меня научили высшей математике и сопромату, вождению боевых машин и меткой стрельбе по мишеням. Научили многому. Кроме двух вещей — ненавидеть и убивать врага. Смогу ли я сделать это в нужную минуту? Уверенности в этом у меня не было…

Коготь Тигра

Не знаю, под счастливой звездой я родился или нет. Эти звезды выбираем не мы. Но их свет освещает наш путь и определяет нашу судьбу. Мою звезду называли Главным разведывательным управлением. Через год после окончания Московского ВОКУ эта звезда привела меня в Афганистан.

Из последнего инструктажа я понял, что работа мне предстоит не самая героическая. В то время когда приличные люди будут ходить на засады и в рейды, совершать подвиги, проявлять мужество и героизм, мне придется заниматься всякой ерундой.

Приехав в окрестности Баграма, я должен был встретиться с неким Шафи (псевдоним «Кази» — судья). Обычным афганцем, окончившим в свое время Оксфорд и несколько лет проработавшим врачом в Японии и Китае. Позднее Шафи преподавал в Кабульском политехническом институте. Одним из его студентов, а позднее и лучшим другом был Ахмад Шах Масуд, будущий главарь крупнейшей группировки моджахедов по прозвищу Панджшерский Лев. На Ахмад Шаха в Москве были большие надежды. В связи с предстоящим выводом из Афганистана наших войск вставал вопрос не только о безопасности этого вывода, но и о дальнейшем политическом обустройстве Афганистана. Не секрет, что Ахмад Шах был не только отважным воином, но и мудрым политиком. Человеком, способным вывести свою страну из хаоса гражданской войны. Ему решено было помочь…

В этих грандиозных планах мне отводилась совершенно незначительная роль — почтальона Печкина. Я должен был обеспечить связь с Шафи (а через него и с Ахмад Шахом). А в качестве легенды мне предстояло стать учеником Шафи (следует отметить, что ГРУ всегда было уникальной организацией — собирало не только военные секреты, но и любые сведения, которые считало полезными). В управлении не учли одного: это у нас ученики считают, что учителя им что-то должны — должны их учить. А на Востоке стать учеником не так-то просто. Знание — слишком большое богатство, чтобы разбрасываться им. Это богатство принадлежит Роду. И, как правило, передается по наследству.

Правда, шанс у меня был. Жена Шафи погибла в автомобильной катастрофе. Наследников по мужской линии у него не было. Была только дочь. Очаровательная Лейла. Или Джуй («ручеек»), как называл ее Шафи.

Да, маленький шанс был. Не было лишь уверенности, что Шафи мне его предоставит. А потому пришлось пустить все на самотек. Заняться своими делами (помимо основной «почтальонской» работы в то время я был еще и командиром сторожевой заставы) в надежде на то, что время и обстоятельства помогут мне наладить контакт с этим человеком.

Я периодически встречался с ним — относил его шифровки на нашу станцию радиоперехвата и приносил ему ответы. С помощью Шафи открыл в кишлаке Кала-Шахи небольшой лазарет. Выполнял какие-то его задания и прекрасно понимал, что все это — обычная проверка. Шафи присматривался ко мне…

Одним из таких заданий было изготовление некого «боевого» ножа. Полоска латуни от гильзы танкового снаряда, деревяшка. Казалось бы, ничего сложного. Единственное — Шафи почему-то забыл рассказать мне, как должен выглядеть этот нож. А без его подсказки я довольно смутно представлял себе это. Да и руки, видимо, росли у меня не из того места, чтобы я мог успешно пройти это испытание (в отличие от моих двоюродных братьев, которые творили из дерева и железа настоящие чудеса).

Но я пытался. Старался как мог. Результатом моих стараний была дюжина испорченных заготовок…

В середине сентября с командного пункта батальона пришла радиограмма: духи обстреляли нашу водовозку. Было предложено пару дней обходиться своими силами. Возить воду с речки Барикав, что протекала у подножия нашей горки. Эта «пара дней» затянулась более чем на полторы недели…

Мы пытались кипятить речную воду, но сказывалось высокогорье, и закипала она плохо. В результате мы постоянно мучились животами. А еще через неделю меня отвезли в Баграмский инфекционный госпиталь. Оказалось, что кроме гепатита и малярии в Афганистане болеют и другими не менее экзотичными болезнями. Потому что в госпитале я услышал давно забытое слово — тиф.

С каждой минутой мне становилось все хуже и хуже. Сначала меня положили в палату для больных с фактором риска. Поставили капельницы, сделали уколы. Затем перевезли в реанимацию. Потом сделали еще несколько уколов. И еще. А потом я потерял сознание…

Когда я пришел в себя, в палате было многолюдно: врачи суетились у кровати какого-то больного. Делали уколы. Меняли капельницы. Рядом с ними стояли мои родители. Молчал отец. Мама не плакала. Было как-то тихо и очень торжественно. И очень светло. Потом появился мой куратор из разведуправления и сказал, что есть работа. Его сменил Шафи и начал что-то говорить

о ножах. В углу комнаты я увидел его дочь Лейлу. Она сжимала в руках мой подарок — маленького дракончика и что-то шептала.

Но самым удивительным было то, что в больном я узнал себя. Это было так странно! Словно я одновременно находился в двух разных местах. Человек, который лежал на кровати, был мною. Но одновременно я находился и над всеми. Сверху, в самом дальнем углу палаты.

Я прекрасно слышал, о чем говорили врачи. Они были очень реальны. Но остальные — появлялись и исчезали, словно во сне. Остальных я не слышал. Точнее, я не слышал их голосов. Но зато отчетливо слышал их мысли. И кажется, эти мысли жили какой-то своей отдельной жизнью.

Мне было интересно. То мое «Я», которое могло думать, совершенно ничего не чувствовало. Оно было Ничем. Ни воздухом, ни облаком, ни сгустком энергии. Оно было просто местом, которое могло мыслить и видеть то, что происходило вокруг. Это было так здорово! И так удивительно!

Мне нравилось это состояние. Но неожиданно что-то начало происходить с посетителями комнаты. Их образы стали размываться и исчезать. Один за другим. Постепенно стало исчезать и то удивительное сияние, которое создавало необыкновенно радостное чувство праздника. Потом все исчезло…

Позднее мне скажут, что прошло двое суток, прежде чем я снова пришел в себя. Ощущения праздника больше не было. Не было и моего второго «Я». Мое единственное «Я» лежало на кровати и рассматривало потолок. Рядом висела капельница. Кроме капельницы и потолка я больше ничего не видел. Но откуда-то издалека донесся голос:

— …Кажется, вернулся. Позовите врача.

Мне стало легче. Только не на душе, естественно. Через два дня меня перевели в палату для больных с фактором риска. Все так же каждые полтора часа мне кололи уколы. Ставили капельницы. Все так же по ночам мою палату посещали близкие мне люди. Мы разговаривали. Почти каждую ночь рядом со мной была моя любимая девушка. Иногда рядом оказывались мои друзья. Иногда — Шафи и Лейла. Но мои родители и сестра почему-то были в черном. А утром мне говорили, что я снова бредил. Я понимал, что разговаривал с призраками. Это было очень странным, ведь наяву я говорить еще не мог.

За стеной нашей палаты стоял телевизор. Показывали какие-то передачи. Конечно, мне хотелось их посмотреть, но пока я мог только слушать. Одна из передач запомнилась особенно. В ней рассказывалось о преподавателе физики и математики из

Донецка — Викторе Федоровиче Шаталове. У него оказалась интереснейшая система преподавания. Но в этот раз урок он вел не по физике или математике, а по истории. Рассказывал о Дмитрии Донском и Куликовской битве. О маршруте движения Дмитрия к Куликову полю. И как он выиграл сражение еще до его начала. Думаю, что Виктор Федорович рисовал на доске какие-то схемы. К сожалению, я их не видел (хотя и представлял довольно отчетливо). Но зато в этот вечер я снова начал говорить.

А ночью ко мне в палату пришли Шафи с Виктором Шаталовым. Они обсуждали между собой какие-то «короткие траектории». Спорили, соглашались. Это была последняя ночь в госпитале, когда меня посещали призраки. Но уже утром я знал, как должен выглядеть мой боевой нож. Теперь я отчетливо представлял, чего ожидал от меня Шафи.

Вскоре я вернулся на заставу. И через несколько дней сделал свое домашнее задание — боевой нож. Я не рисовал эскизов, не думал над его формой. Я вообще ни о чем не думал. Складывалось впечатление, что руки делали его сами собой. На ощупь. Под управлением каких-то потусторонних, неведомых мне сил. Нож действительно получился необычным. Небольшая аккуратная рукоятка и широкое пятисантиметровое обоюдоострое лезвие, чем-то отдаленно напоминающее коготь тигра. Небольшой ремешок для крепления ножа (на запястье руки). Совершенно не задумываясь (благо частенько в детстве наблюдал, как отбивают косу косари), я отбил молотком кромку лезвия. Получилась забавная игрушка — легкая, удобная, очень острая. Но внешне совершенно безобидная.

Конечно, нож, который я сделал, был далек от совершенства. Латунь — не самый лучший материал для клинка. Нож легко было точить. Но и тупился он быстро. Увы, другого материала у меня не было.

Речь о другом. Перед самой отправкой в Афганистан я как-то по случаю зашел в охотничий магазин. Полюбовался оружием, шикарными охотничьими ножами. Увы, для покупки даже охотничьего ножа нужен был охотничий билет. Но его у меня не было. И даже если бы и был, возможно, я смог бы провести нож в багажном отделении самолета до Ташкента. А вот таможню в Тузели прошел бы едва ли. Не только потому, что нашлись бы какие-нибудь запрещающие провоз ножей приказы. А просто потому, что нож понравился бы кому-то из таможенников.

Забавно, в Афганистане Родина доверяла мне стрелять из любого вида оружия. А вот привезти офицеру на войну удобный нож не доверяла. Вот и приходилось делать нож из подручных материалов.

Прошло еще несколько дней, прежде чем я смог похвастаться перед Шафи своей поделкой. Мы встретились с ним у развалин одной из крепостей. Место встречи было не совсем обычное. Мы ни от кого не прятались. Несколько минут бродили по развалинам, заброшенному винограднику, сидели в тени небольшой березовой рощи. Цель этой прогулки была мне не совсем понятна. Хотя не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что это какая-то очередная проверка.

— Дыши, — сказал Шафи. — Ты должен научиться дышать. Вдыхать запахи. Вбирать в себя тепло цветов и дуновение ветра. Учись слушать! Что говорят цветы и птицы, ветер и тишина, деревья и камни. Все они живые. Нужно только научиться понимать их язык. У каждого из них есть свое имя. Вот «Дерево, грустящее над арыком», вот «Камень, лежащий у обочины». А вот «Ветка виноградной лозы, любящая солнце». Когда ты познакомишься с ними поближе, ты никогда не спутаешь одно дерево с другим. На винограднике ты будешь знать каждую лозу. И по легкому дуновению сможешь распознавать настроение ветра, по прозрачности воды — мысли арыка. Тогда они станут твоими друзьями. И всегда предупредят об опасности. О засаде, спрятавшейся в роще. О враге, притаившемся за камнем. Всегда укроют тебя от них. И помогут… На прощание я протянул Шафи то, что уже долгое время жгло мои руки, — свой последний нож. Шафи не удивился. Он согласно кивнул: «Это то, что нужно».

Словно знал, что сегодня я принесу именно этот нож. И у меня в голове возникло совершенно безумное предположение, что форму ножа мне подсказали учитель Шаталов и Шафи. Когда навещали меня в инфекционном госпитале. Но их не могло быть там! Это были всего лишь галлюцинации. Или я все-таки ошибаюсь, и они там были?

На следующий день мы встретились в крепости Шафи. Там меня ожидал настоящий пир. Стол ломился от угощений. И хотя вместо стола в центре комнаты была постелена циновка, угощений было действительно много.

— Что празднуем? — не удержался я.

— Обедаем, — ответил Шафи с лукавой улыбкой. — Командиру надо набираться сил после болезни.

В этом Шафи, конечно же, был прав. После госпиталя я еще не совсем оправился. Кружилась голова, слабость во всем теле, каждый шаг давался с большим трудом. А еще — постоянный страх потерять сознание. Никогда не думал, что можно быть таким слабым. Таким слабым, как я. Мне постоянно слышались какие-то голоса (точнее, как бы странно это ни звучало, но скорее это были не голоса, а чьи-то мысли). Казалось, что тени необыкновенных бесформенных существ окружают меня. Они были похожи на сгустки энергии, мыслящую пустоту. Иногда они разговаривали со мной. Но в памяти не оставалось почти ничего из того, о чем они говорили. Чаще они разговаривали между собой. Я улавливал обрывки их слов (точнее, мыслей). И понимал, что они говорили обо мне. Говорили в третьем лице — «он, его, о нем». Говорили на незнакомом, но понятном мне языке. Возможно, это были какие-то местные призраки? Но, скорее всего, из-за слабости после тифа у меня были обычные галлюцинации.

После обеда началось что-то совершенно непонятное. Шафи достал из небольшого сундука все мои самодельные ножи. Включая последний, сделанный после госпиталя. Завязал мне глаза черным платком и разложил ножи передо мной.

— Сейчас ты должен выбрать свой нож, — в голосе Шафи послышались какие-то новые нотки.

— Как я его узнаю?

— Ты не ошибешься. У него будет теплая рукоятка. Не думай, что выбор только за тобой. Нож тоже выбирает. Если ты ему понравишься — он даст тебе об этом знать.

От этого попахивало какой-то мистикой. Нож не может выбирать себе хозяина! Да и насчет теплой рукоятки у меня были большие сомнения. Возможно, последний нож был сделан более качественно, чем остальные. И его рукоятка могла лучше лечь в

руку. Однако от одного из ножей действительно шло какое-то необыкновенное тепло или излучение. Мне показалось, что от него шло не тепло, а свет. Это было очень необычное ощущение.

Я снял повязку. В руке был мой последний нож. Коготь Тигра.

Как найти нож?

Шафи позвал Лейлу. Она появилась моментально — видно, ждала в соседней комнате. Шафи передал ей нож и сказал что-то на непонятном мне языке. Китайском либо японском. Лейла согласно кивнула в ответ. Улыбнулась мне и тут же убежала с моим ножом из комнаты.

Шафи объяснил мне то, к чему я шел так долго. Форму ножа. Он говорил очень медленно, и мне казалось, что я проваливаюсь в легкую полудрему. В этом не было ничего удивительного. Работали биологические часы. Наступал период «быстрого полусна». Возможно, Шафи хорошо знал мои биологические часы. Но, скорее всего, после госпиталя все мои часы были абсолютно неисправны. Последнее было более правдоподобно. Шафи тем временем продолжал рассказывать о рукопашном бое, фехтовании и моем ноже. Я уловил лишь окончание фразы:

— …такое лезвие не застрянет в теле врага. Очень важно, чтобы твой нож был твоим другом. Сегодня он признал тебя, отдал тебе частицу своего тепла. А теперь важно узнать, отдаст ли он тебе свои глаза. Сейчас Джуй отнесет его и положит в знакомом тебе месте. Твое сознание должно войти в нож, а нож должен стать твоими глазами. Тогда ты сможешь увидеть это место и описать его.

Слова Шафи приходили откуда-то издалека, из подсознания. Меня снова окружали какие-то существа и призраки. Все казалось нереальным. Происходящим не со мной. Я не видел, как в дверном проеме возникла Лейла, кивнула Шафи и исчезла. В моем мозгу пульсировала лишь одна мысль: «Я — нож. Обычный нож. Вокруг меня…»

Это не было вспышкой. Скорее, ощущением того, что нечто, подобное небольшому облаку, накрыло меня с головой. Я был ножом. Я лежал среди серых камней разрушенной крепости. Солнце уже не отражалось в моем лезвии. Меня закрывало от него дерево, склонившееся над арыком. Я узнал его. Это было «Дерево, грустящее над арыком». Справа от меня в трех шагах находился вход в крепость. Это давало точные координаты моего места нахождения.

Шафи проводил меня до крепости. Я подобрал свой нож. У меня уже не было сил удивляться. Или пытаться что-либо анализировать. Я вернулся на заставу смертельно уставшим. Почти трупом. После смерти мне необходимо было еще провести развод караула и дважды за ночь проверить посты.

Двадцать шесть месяцев светили над моей головой чужие

звезды. Через год после моего возвращения из Афганистана они напомнили о себе снова. В очередной командировке меня немного зацепило. И по совету врача мне пришлось заняться резьбой по дереву — нужно было разрабатывать руку. Я вырезал в мастерской на даче какую-то маску, когда ко мне подошел мой восьмилетний племянник. Чем-то Сережка был сильно расстроен. Как выяснилось, утром он ходил за грибами и потерял в лесу ножик. Обычный перочинный ножик ценой рубль с копейками. Но это был дедушкин ножик. Любимый. И как признаться деду в его потере, Сережка не знал.

А потому обратился ко мне. Больше было не к кому. Сережкин отец погиб еще три года назад. К тому же в семье ни для кого не было секретом, что в Афганистане я научился некоторым необычным вещам…

С этим ножом я и сам частенько ходил по грибы. Маленький, удобный, с «теплой» рукояткой… Так что попытаться вспомнить некоторые навыки, которым обучил меня Шафи, стоило. Или хотя бы попробовать…

Через несколько минут я рассказал Сережке, где лежит его пропажа. Мы сходили к горелой сече, забрали ножик. Всю обратную дорогу Сережка молчал. Было видно, что мои способности не произвели на него особого впечатления. Но какой-то вопрос явно не давал ему покоя. Он озвучил его у калитки.

— Крестный, а ты можешь вот так же находить клады? А лучше деньги.

Видимо, после нашей прогулки Сережка начал строить какие-то далеко идущие планы. Относительно своего светлого и безбедного будущего. Или просто, как и многим другим мальчишкам в возрасте восьми лет, ему были нужны карманные деньги?

— А много тебе нужно? — спросил я, мысленно прикидывая содержимое своего кошелька.

Похоже, ответ на этот вопрос был придуман заранее. И не заставил себя долго ждать.

— Миллион, — ответил племянник, совершенно не задумываясь о единицах измерения: долларах, фунтах, кронах или франках. Это прозвучало как «миллион денег». Но буквально через мгновение Сережка уточнил: — Нет, лучше два.

— А почему два? — мне уже стало интересно. В Сережкином взгляде было столько снисхождения. Вроде бы взрослый у него дядька, а простых вещей не понимает!

— Так два же миллиона легче разделить на двоих!

Это была очень разумная мысль — делиться. Но, к сожалению, миллионы находить я не умел.

Сережка погибнет через шестнадцать лет. Во время второй Чеченской. И я больше не смогу находить потерянные ножи…

Боевая задача

В мае 1987 года мне пришлось временно оставить свою «почтальонскую» работу. Под Чарикаром попал в засаду отдельный разведвзвод нашего 1-го мотострелкового батальона. Во взводе были большие потери. В результате перед армейской операцией под Алихейлем мне пришлось принять командование над разведвзводом и набирать новых разведчиков.

Афганская пограничная бригада должна была перекрыть участок границы с Пакистаном (в районе древнего Шелкового пути). И оборудовать укрепленный район. А пока они будут заниматься этим, задача нашей армейской группировки — поработать эдакой прокладкой между ними и духами. Дабы последние не мешали пограничникам самозабвенно заниматься инженерным самоистязанием.

В результате армейская операция превратилась в детскую игру «Царь горы». Наши подразделения заняли близлежащие высоты. А духи в течение месяца успешно и не очень пытались сбить нас с этих высот.

Мой разведвзвод тоже сидел на одной из горок (мы прикрывали командный пункт нашего полка). Саперные лопатки мы, как обычно, в горы не взяли. Но этот раз был не слишком обычным. Братья-моджахеды явно переживали кризис перепроизводства. И не знали, куда девать лишние реактивные снаряды. А раз не знали — пускали их в нашу сторону. И явно их не жалели. В первые два дня на нашу горку прилетало 13 реактивных снарядов за 4 минуты. Без перерыва на обед, с 6 часов утра до 6 вечера. А потому нам приходилось активно окапываться. Используя ножи, палки-копалки и прочие подручные средства.

На соседний десантный полк духи не ленились даже ходить в атаку. Средь бела дня. Снизу вверх. Нам было полегче. До тех пор, пока они не пристреляли по нашей горке миномет…

Утром меня вызвал командир полка. Приказал выделить двух снайперов. А им — подавить минометный расчет. Голос у подполковника Прудникова тихий и интеллигентный. Такой же, как и он сам. И такой же смертельно усталый. Задача была поставлена очень корректно. Уничтожить расчет, находящийся на закрытой огневой позиции, снайперы не могли. Подавить же означало воспрепятствовать ведению прицельной стрельбы. Это было возможно. Стоило лишь обнаружить корректировщика минометного огня. Проблема была в другом: оба моих снайпера прослужили в Афганистане меньше месяца. И были снайперами

лишь по должности, но никак не по призванию. Боевого опыта — ноль. И ни одной подтвержденной ликвидации. Ставить им задачу на свободную охоту значило посылать на верную гибель. Но приказ был приказ. Если бы мы не убрали этих духов, они убрали бы нас. Ибо в горах зверя страшнее, чем миномет, нет! Ну разве что пара-тройка пулеметов на расстоянии кинжального огня.

В любом приказе скрыта небольшая свобода выбора. Выбора способа выполнения поставленной задачи. Некоторые не понимают этого. Не понимают, что командир должен уметь брать на себя ответственность в этом выборе. Слова о том, что ты солдат и выполнял приказ, достойны солдата. Но не командира.

Передо мной была поставлена задача. Вот только способ ее решения был выбран, на мой взгляд, немного неправильно. Точнее, неправильно были выбраны исполнители. Это была работа не для снайперов. И я уже начинал догадываться, для кого.

Ну почему все лучшее в этом мире достается детям? А старикам все остальное. Ну почему именно я должен делать самую грязную работу? Я был стар для нее. Я был слишком стар для этой работы. Стар. Просто Super Star. Что это означает по-английски вы, конечно же, знаете. Я начинал чувствовать себя суперзвездой. Явная мания величия! Созрел очередной клиент для психушки. Конечно же, я не был героем. Никогда не был. Просто был подготовлен немного лучше, чем мои бойцы. И не мог перекладывать на них свою работу.

Вечером мне пришлось немного пошаманить. Вместе со своими пулеметчиками. Я рассматривал окружающий мир в прорезь прицелов, втыкал в брустверы окопов небольшие колышки. Это была защита от шайтана! Все шаманы используют для этого колышки. Осиновые. У меня под рукой были только сосновые. Но это было несущественно. Я обозначал сектора для ночной стрельбы. Готовил огневые мешки для тех, у кого могло появиться желание побегать ночью по горам. За мною. И коридор для своего выхода.

Со снайперами проверил ночные прицелы (батарейки для НСПУ давно уже сели, пришлось разбирать АКБ для радиостанции и запитывать НСПУ от них). Они должны были им пригодиться следующей ночью. Ночью, когда я должен был возвращаться из самовольной отлучки. Я готовил группу прикрытия отхода. Ставил задачи своему заместителю, саперам и связистам.

Моя же подготовка заняла гораздо меньше времени. Ровно столько, сколько было необходимо, чтобы справиться с суточным горно-летним сухим пайком. Я хорошенько поужинал. Супом

«Особым с черносливом» (на самом деле он больше напоминал компот с черносливом и рисом), смолотил 400-граммовую банку овощей. Расправился со стограммовыми банками тушенки и сосисочного фарша. Умял печеночный паштет и стограммовую банку сгущенного молока. Вволю напился чаю с галетами. К чему лукавить: я всегда любил повеселиться, особенно поесть. Врачи-диетологи не рекомендуют много есть на ужин. Но я же практически ничего и не съел! Так, слегка размялся! К тому же весь следующий день я собирался поститься.

Во время ужина в нескольких метрах от моего окопа упал реактивный снаряд. И не разорвался. Странно! Скорее всего, это была хорошая примета. Ведь если хороших примет не хватает, их всегда приходится придумывать. Разве не так? А еще в нашей шаманской работе очень важны амулеты. От злых духов помогают самые разнообразные. Но я взял с собой только проверенные: АКМС с накрученным на ствол прибором бесшумной, беспламенной стрельбы, магазин с тридцатью патронами с ослабленным пороховым зарядом (плюс четыре магазина с обычными патронами в лифчике). Сто пятьдесят патронов на одну ночь — это очень много! Надеюсь, что мне столько не понадобится. И очень мало! На полторы минуты боя. Правда, в бою любого количества патронов будет мало.

Взял радиостанцию Р-255, подсумок с двумя осколочными гранатами Ф-1 (еще четыре лежали в лифчике). И два ножа. Это были мои главные амулеты! Один сделал еще на заставе. Из латунной гильзы танкового снаряда. Деревянная рукоятка, лезвие обоюдоострое, широкое. Сантиметров пять в длину. Детская игрушка! Было бы побольше времени, сделал бы и вторую такую игрушку. Двумя одинаковыми ножами работать легче. Ведь бог дал человеку две руки.

Но времени не хватило. Второй сделать так и не успел. Пришлось взять с собою обычный армейский штык-нож. Он выглядел гораздо солиднее. Но, как известно, не все то золото, что блестит. В применении он был не слишком удобен.

С полчаса ушло на то, чтобы закрепить поверх брезентовой куртки-штормовки маскировочную сетку, несколько веток и пучков сухой травы. Я оставил свои документы и офицерский жетон с личным номером Виталику Жердеву, который «завис» у меня на двое суток в ожидании попутного борта (вертолета) до своего взвода.

Ближе к полуночи луна спряталась за облаками, начал моросить дождь. Пришло мое время. Я передвигался всю ночь (совсем немного пешком, а большую часть пути по-пластунски). Сначала на юг. Потом на восток, потом на север. Духи находились

на востоке. Но, как известно, нормальные герои всегда идут в обход.

Перед самым рассветом я заполз в какую-то небольшую промоину. Засыпал себя ветками и старой пожухлой травой. Впереди был долгий, долгий день.

Запах крови

Мне повезло. Повезло трижды. Во-первых, ночью я не наткнулся на духов. Во-вторых, я вышел на батарею пусковых реактивных установок. И в-третьих, я не оглох за день. Третье было самым удивительным.

Пока все складывалось как нельзя лучше. Меня не заметили. В мою сторону вообще никто не смотрел. Каждый был занят своим делом. За что я так люблю артиллеристов! Рядом с ними никогда не бывает праздношатающихся бездельников. Тяжелая физическая работа, постоянный грохот приводят к тому, что после смены артиллеристы валятся с ног от усталости. И моментально засыпают мертвецким сном. Милое дело для диверсантов находиться в это время рядом с ними!

Все складывалось хорошо. За одним маленьким исключением. Я никак не мог обнаружить огневую позицию минометчиков. Это попахивало какой-то мистикой! Позиция находилась не более чем в пятидесяти метрах от меня. Я прекрасно видел корректировщика огня, лежащего на небольшом коврике под поваленной сосной. Точнее, его спину. Видел бинокль и крошечную японскую радиостанцию в левой руке. Я прекрасно слышал каждый выстрел миномета, ощущал вибрацию воздуха и земли. Но сам миномет не видел!

Чтобы его обнаружить, необходимо было сменить место. Моя промоина оказалась прекрасным укрытием, но никудышным наблюдательным пунктом. Такое тоже иногда случается. Для смены места требовалось дождаться темноты — и потерять еще одни сутки! Это в мои планы не входило. Но, как известно, человек предполагает, а Аллах располагает. Я понимал, что придется ждать ночи, менять позицию и следующий день вести наблюдение. Пока не обнаружу минометную позицию, дальнейшие действия просто бессмысленны.

И тут мне в очередной раз улыбнулась удача! В виде старенького разбитого грузовика. Он отделился от колонны машин, перевозивших снаряды. И остановился в нескольких метрах от меня. К нему подошли пятеро афганцев и начали деловито выгружать мины. И относить их на огневую позицию. Кто бы мог подумать, что она находилась у меня под самым носом! И лишь небольшой куст не позволил мне обнаружить ее раньше. Он рос в паре метров от моего лежбища и закрывал от наблюдения совсем крохотный пятачок земли.

Я продолжал наблюдать за корректировщиком огня, но до сих пор не видел ни одного минометчика. Это было странно. По

логике они должны были помогать в разгрузке машины. Ну, предположим, что они не вылезали из воронки, потому что укладывали мины. Но после окончания работы, когда подносчики сели пить чай, они снова не появились. Это могло означать только одно…

В этот момент корректировщик повернулся в мою сторону. Ну конечно, минометчики держались в стороне от афганцев по одной простой причине: они считали их людьми второго сорта. Корректировщик огня был арабом. Как я не догадался сразу! Ведь по почерку за версту было видно, что это не совсем обычный минометный расчет. Стрельба по выносной точке прицеливания как днем, так и ночью не была характерна для афганцев. Как не была характерна и такая виртуозная меткость. Она требовала не только определенных навыков владения оружием, но и знания таблиц ведения огня. И наличия минометного прицела. Афганцы же прицелом, как правило, не пользовались.

Все встало на свои места. Я прикрыл глаза и позволил себе немного расслабиться. До начала сумерек оставалось еще более часа. Спешить было некуда. Да и рабочий день мой уже практически подходил к концу. Оставалось совсем немного: убрать корректировщика, сходить в гости к минометчикам и вернуться домой. К своим. Сущие пустяки!

Корректировщика разумнее всего было убрать из автомата. Тем более что у меня был прибор бесшумной беспламенной стрельбы. Это здорово упрощало задачу. Минометчиков я легко достал бы и гранатой. Тридцать метров дальности, большая площадь цели — задача не сложная. Вполне возможно, что во время пуска реактивных снарядов никто бы не обратил внимания на разрыв гранаты.

Но в данных условиях такой способ был не самым лучшим. Ведь помимо ликвидации необходимо было получить подтверждение успешности ее проведения. Неподтвержденная ликвидация сродни недоделанной работе. А она, как известно, всегда является началом следующей, более трудоемкой работы. Ее всегда приходится доводить до конца. Но второй раз это сделать всегда сложнее.

Сумерки подкрались, как всегда, незаметно. Над позициями соседнего полка появился санитарный вертолет. Видимо, у ребят снова потери. И сразу же оживились расчеты пусковых установок. Батарея открыла огонь по месту предполагаемой посадки вертолета. Всю поляну накрыло облаком пыли и ревом реактивных снарядов. Зашевелился и мой корректировщик. Соседний полк не был его целью, но что-то заинтересовало его на позициях нашего полка. Он буквально прилип к биноклю. В этот

момент я и выстрелил. Нас учили стрелять короткими очередями из двух-трех патронов. Но у меня был установлен прибор бесшумной, беспламенной стрельбы. Патроны были с ослабленным зарядом, стрелять я мог только одиночными. Расстояние было слишком маленьким, поэтому я дважды выстрелил ему в голову. Выбрался из укрытия, повесил автомат за спину и, пригнувшись, побежал к позиции минометчиков.

По моим расчетам минометчиков было не более двух-трех человек. По крайней мере я на это надеялся. В тот момент, когда прыгал в воронку. С ножами в обеих руках.

Их действительно было только двое. Заряжающий оказался ближе ко мне. И на него ушла пара секунд. Хуже дело обстояло с наводчиком. Он прильнул к прицелу, и мой штык-нож, находившийся в правой руке, нашел только его спину. Точнее, позвоночник. Лезвие застряло где-то между четвертым и пятым грудными позвонками и сломалось. Мне здорово повезло, что их было только двое! Я смог добить минометчика обломком штык-ножа и своим самодельным ножом. Эх, мама-мамочка, ведь учила ты меня в детстве никогда не бить лежачих. И не бить в спину. Говорила, что кратчайший путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Жалко, что путь к желудку моего минометчика оказался мне недоступен.

Я наскоро осмотрел огневую позицию. Небольшой китайский фонарик в цинке из-под патронов на бруствере служил выносной точкой прицеливания. Прицельные таблицы на арабском языке. Аккуратные штабеля осколочных мин. На небольшом коврике сложены два автомата Калашникова китайского производства, рюкзаки с магазинами и каким-то хламом, большое блюдо с остатками плова. Несколько лепешек, красивый арабский нож в кожаных ножнах и две гранаты Ф-1 лежат рядом.

Рукояткой штык-ножа разбиваю водяные уровни на прицеле. Можно наклонить ствол миномета и опустить в него мину. Предварительно проведя с ней несколько несложных манипуляций. При небольшом угле наклона выстрела не произойдет. Затем миномет ставится в исходное положение. Когда в него опустят вторую мину, будет очень весело. Очень смешно. Окружающие просто умрут. От смеха. Миномет разорвет на множество маленьких-маленьких минометиков.

Правда, для этой ситуации такая шутка не подходит. Едва ли кто будет стрелять из этого миномета. С этой позиции. А при смене огневой позиции первая мина, скорее всего, будет обнаружена. И коэффициент полезного действия ее станет равным нулю. Ограничиваюсь тем, что под одну из мин в штабеле подкладываю духовскую гранату Ф-1. На разгрузку. Вторую

укладываю под наводчика. Сюрприз! Кольца забираю с собой. Вся операция заняла не более пяти минут. И не привлекла ничьего внимания. Теперь пора домой. Переваливаю через бруствер воронки и растворяюсь в ночи…

Дорога обратно заняла гораздо меньше времени. Примерно через час я был уже на своей горке. Меня никто не преследовал, и мои бойцы не подстрелили меня по ошибке. Можно сказать, жизнь удалась. Меня встретил Виталик Жердев. Дружески похлопал по плечу, внимательно посмотрел в глаза. И до утра никого ко мне не подпускал. Всю оставшуюся ночь мне казалось, что от меня пахнет кровью…

Возвращение из Афгана

Последний год моего пребывания в Афганистане мне вспоминать не хочется. Стыдно. Теперь я знаю, что родился под счастливой звездой: за двадцать шесть месяцев моего пребывания в Афганистане среди моих подчиненных не было не только убитых, но даже раненых. Но самому мне везло чуть меньше. На одной из засад мне перебило осколками ноги. Врачи настаивали на ампутации. Пришлось сбежать из медсанбата. Ноги долго не заживали. И угроза их ампутации все равно оставалась. Даже несмотря на все заботы Шафи и его «волшебные» мази. В результате этой неопределенности я пару месяцев не писал писем домой. Мог бы написать хоть что-то. Но, видимо, слишком жалел себя и совсем не думал о других. Возможно, я был и неплохим командиром, а вот сыном оказался никудышным. За эти два месяца моя мама поседела…

По словам моих родителей, этот год был для них самым тяжелым (хотя какие года были для них легкими — годом раньше погиб их зять). В стране в это время были перебои с продуктами. А потому, чтобы достойно отметить мое возвращение и как-то скрасить ожидание, они купили поросенка. Видимо, в это время поросенок больше всего ассоциировался в сознании моих родителей с их непутевым сыном.

По милости моего заменщика мне пришлось задержаться в Афгане на пару месяцев. А потому, когда я приехал домой, поросенок превратился в настоящего свина. По крайней мере весил он куда больше моего.

Но дни его были сочтены. Теперь оставалось лишь превратить эту груду мяса в свиные котлетки, вырезку, грудинку и прочие деликатесы. Проблема возникла на ровном месте. Отец сказал, что не может зарезать Борьку. Это заявление было подобно грому средь ясного неба. Потому что кроме отца больше свина резать было не кому.

Отец родился в деревне. И зарезать свинью для него не было проблемой. Но, похоже, с этим Борькой было связано слишком много переживаний, надежд и ожиданий и он перестал быть обычной свиньей. А стал чуть ли не членом семьи. Зарезать «члена семьи» отец не мог. А потому сделать это предложено было мне. Можно подумать, это я заводил этого поросенка!

Отец купил бутылку водки. Сказал, что это традиция. Выпил почти целый стакан. И после этого начал рассказывать мне, как и что я должен делать. На мое шутливое замечание, что водку должен пить тот, кто «режет», последовал вполне резонный ответ:

— Но ты же не пьешь. Зачем переводить хороший продукт?

Затем отец начал объяснять мне, куда я должен попасть ножом.

— Пап, да не суетись. Я все сделаю…

Я взял штык от немецкой винтовки, что подарил мне бывший войсковой разведчик Коля Белянин. И направился к сараю. Отцу предложил подождать меня у дома. Не хотел, чтобы он смотрел. Но отец не согласился.

— Я должен… попрощаться. И должен… присутствовать.

Что еще он должен и зачем, мне было непонятно. Но когда он попрощался с поросенком, я зашел в загон к Борьке. И сделал то, что должен был сделать…

Потом отец не разговаривал со мной два дня. Я не мог понять почему. Пока на третий день его не прорвало.

— Так нельзя! Ты его… Как человека. Так нельзя…

Что я мог ему ответить? Что он считает меня убийцей? И думает, что убивать людей и свиней для меня — плевое дело?

В первый же вечер мама устроила отцу настоящий скандал.

— Ты что, совсем с ума сбрендил? Сын только что вернулся… Вернулся из ада. А ты его заставляешь снова…

Отец только сутулился. И виновато улыбался. Что он мог сказать ей в ответ? Когда-то он и сам был солдатом. И прекрасно понимал, что это была работа, которую кто-то должен был сделать. И какая разница, когда и откуда ты вернулся?

Рассказы

Тандыр

В августе 1986-го молодым лейтенантом довелось мне принимать мотострелковый взвод и сторожевую заставу на горе Тотахан в окрестностях Баграма. Личным составом, вооружением и техникой взвод был укомплектован по штату. Всего хватало. И продовольствия, и боеприпасов. А чего-то даже было в излишке. Так, в башне командирской боевой машины пехоты имелось характерное отверстие для проветривания, явно не предусмотренное техническими характеристиками. Это был след от кумулятивной гранаты, которой местные душманы недавно пометили машину. На стрельбу и передвижение машины это отверстие никак не влияло. А при отсутствии кондиционера воспринималось экипажем вполне себе положительно. Хотя и служило постоянным поводом для шуток и насмешек других экипажей.

А чего не пошутить, когда если есть повод! Это когда душманы обстреляли батальонную водовозку, было не до шуток. Вообще-то старенький ЗИЛ с пятитонной цистерной, в которой боец из взвода обеспечения раз в неделю привозил на заставу воду с фильтровальной станции, душманы обстреливали довольно часто. Водитель водовозки раз за разом ставил деревянные заглушки в пулевые отверстия, вешал свой бронежилет на дверцу машины и продолжал возить воду по заставам. Но в этот раз серьезно был поврежден двигатель. И две недели нам приходилось обходиться своими силами — возить воду из речки Барикав, что протекала у самого подножия Тотахана. Вода была мутная. Никаких фильтров у нас, разумеется, не было. Из-за высокогорья вода кипятилась плохо. Бойцы мучились животами. А сам я вскоре очутился в баграмском инфекционном госпитале с тифом. Через неделю с гепатитом туда же привезли нашего ротного. По его настоятельной просьбе мне пришлось покинуть инфекционку. Комбат, конечно же, поругал меня для приличия за то, что я сбежал из госпиталя. Но он и сам прекрасно понимал, что кому-то нужно командовать заставой. И кажется, втайне даже был рад, что проблема с поиском временной замены командира восьмой сторожевой заставы разрешилась сама собой.

На Тотахане меня ждала неприятная новость. При недавнем обстреле заставы душманами один из эрэсов (реактивных снарядов) угодил в самое ее сердце. В тандыр — большую печь кувшинообразной формы, в которой повар выпекал лепешки. Продовольствие завозилось на заставу раз в месяц. Вместо хлеба

привозили муку. И лепешки были не просто альтернативой хлебу, но еще и излюбленным лакомством многих из нас.

Ведь не было для нас в Афгане ничего вкуснее, чем эти небольшие пшеничные лепешки! Горячие, с золотистой корочкой и ароматной сердцевиной. На завтрак, обед или ужин. А если приезжали нежданные гости (разведчики с дивизионного разведбата или на заставу поднимался замкомандира 345-го парашютно-десантного полка по спецпропаганде Франц Клинцевич с офицерами из полковой разведроты), то лучшим угощением для них всегда были горячий чай, несколько лепешек и пара банок тушенки с порезанными кольцами лука.

Разбитый тандыр выглядел довольно печально. Еще печальнее выглядели мои бойцы. Да, повар пытался выпекать хлеб в полевой армейской кухне, которая для этого не предназначена. И даже пробовал выпекать хлеб на костре. Вопрос с формами для выпечки решился быстро. Цинк из-под 30-миллиметровых снарядов для автоматической пушки БМП-2 оказался немного велик. Цинк из-под патронов вроде бы подходил по размеру. Но тесто в нем подгорало снаружи, оставаясь сырым внутри. Да и с блинами, которыми повар пытался заменить хлеб, тоже ничего не получалось.

Срочно нужен был новый тандыр! Да где же его возьмешь? В военторге не купишь, в ближайшем универмаге тоже. Тем более что до ближайшего универмага лететь на самолете почти тысячу километров. А самолета на заставе, к сожалению, не было.

Одно радовало: на днях мне исполнилось двадцать два года. То есть был я уже вполне взрослым, серьезным мужиком, который должен был сам уметь решать свои проблемы. Без посторонней помощи.

А еще был у меня заместитель командира взвода — сержант Нигмат Хашимов, на гражданке работавший учителем русского языка в средней школе. Нигмат был старше меня на пять лет. И, конечно же, гораздо опытнее в таких вопросах. Когда я вызвал его на военный совет, он произнес всего два слова: «Хасан» и «бакшиш».

Хасан был командиром поста самообороны из кишлака Калашахи, что располагался в километре от нашей заставы. Да, вызвать его было вполне логично. Ведь Хасан без особых проблем мог заказать тандыр у местных гончаров.

Похоже, Нигмат умел просчитывать ситуацию на пару ходов вперед. К товарно-денежным отношениям с дехканами я был явно не готов. Чтобы получить зарплату за время, проведенное в Афгане, мне нужно было смотаться полк. В Кабул. А это 60 километров от Баграма. Плюс еще десять километров от заставы.

Разумеется, ни за какой зарплатой комбат меня в полк бы не отпустил. Так что вместо товарно-денежных отношений нужно было решать вопрос по старинке. С помощью натурального обмена. И здесь на первое место выходил тот самый бакшиш («подарок» на фарси).

Вопрос был только в том, за какой бакшиш местный гончар согласился бы сделать нам тандыр. И где взять этот самый бакшиш?

Разумеется, первым делом мы направились с Нигматом на продсклад. На заставе с бакшишем всегда было небогато. Если и можно было что-то найти подходящее, то только там! К тому же с продуктами на заставе проблем не было. Проблема была с Марь Иванной — старой коброй, которая жила на продскладе. И которая охраняла наши продукты от крыс и мышей. Когда повар открыл дверь на склад, пошипеть на нас она, конечно же, пошипела. Но больше для приличия. Поздоровалась, так сказать. А затем неспешно уползла за коробки с тушенкой и рыбными консервами. И оттуда не показывалась. Хотя и хвост свой особо не прятала.

Мы прошли в дальний угол. Там лежали остатки с прошлого месяца — рыбные консервы. Кое-что по мелочи. Но самое главное — там лежала коробка с офицерским доппайком.

Обычно наш офицерский доппаек шел в общий котел. Но пока я лежал в госпитале, повар почему-то сохранил мой доппаек в целости и сохранности. Это оказалось более чем кстати! Сгущенку я сразу же отложил в сторону. Она была непременным атрибутом наших самодельных тортов для именинников, а потому ни в каких товарно-тандырных операциях участвовать не могла. В коробке осталось десять банок рыбных консервов, несколько банок сыра, сахар. Бакшиш получался довольно хиленький.

И тут неожиданно взгляд мой упал на гильзу танкового снаряда, что стояла у входа в землянку, гордо именуемую казармой. И использовавшуюся в качестве урны. Это могло быть спасением! Другая такая же гильза стояла у канцелярии.

Но эти две гильзы были сделаны из латуни! Каким чудом они оказались на заставе, сказать сложно, но сейчас они могли здорово всех нас выручить. Ведь местные умельцы делали из латуни красивые тарелки, кувшины и украшения. А потому среди ремесленников латунь ценилась довольно высоко.

В голове моей уже выстраивалась цепочка натурального обмена: гильзы — ремесленникам. Ремесленники — нечто — гончарам. Гончары — нам — тандыр! Но без Хасана в этой сложной схеме было не обойтись!

На молчаливый вопрос своего зама я ответил кивком. Нигмат подошел к углу нашей столовой. От нее вся чарикарская зеленка была как на ладони. Снял с плеча автомат и четырежды выстрелил в небо над постом Хасана. Это был сигнал выхода на связь. Красивые звездочки трассирующих пуль словно в замедленной съемке перелетели над кишлаком Калашахи и упали на поле перед Джарчи и Петавой.

Хасан поднялся на Тотахан ближе к вечеру. Я встретил его традиционным афганским приветствием.

— Салам алейкум! Шаб бахайр (добрый вечер), Хасан. Хуб хастид (как себя чувствуешь)? Сехатэ шома четоураст (как здоровье)?

А после этого отвел к нашему разбитому тандыру. Рядом с тандыром лежал бакшиш — две латунные гильзы и пакет с консервными банками. Для сложных переговоров моего афганского словарного запаса явно не хватало. Можно было позвать переводчиков со станции радиоперехвата, но они были заняты на дежурстве.

Поэтому мне пришлось ограничиться жестами и всего лишь несколькими словами, понятными любому афганцу. Я показал рукой на тандыр, затем на гильзы. Спросил:

— Фахмидид (понятно)?

Хасан согласно кивнул в ответ.

— Фахмидид!

Затем показал ему на сверток с консервами. И перевел свой указательный палец на Хасана.

— Бакшиш (подарок) Хасану. Фахмидид?

Хасан довольно улыбнулся в ответ. Видно, представил, как обрадуются его бойцы этому подарку — на посту самообороны с продовольствием было не богато.

Через три дня Хасан снова пришел на заставу. Сказал, что новый тандыр готов. И стоит у него на посту. Это была хорошая новость! Если честно, то все эти три дня я сильно сомневался в успехе нашего товарно-тандырного обмена. Ведь я же никогда раньше не менял танковые гильзы на тандыры. И совершенно не представлял, что из них и сколько стоит. Оказалось, что для афганцев глина, из которой делались тандыры, была «под ногами». А значит, ничего не стоила. Труд гончара стоил недорого. А вот латунь под ногами не валялась…

Уже через полчаса на моей командирской боевой машине пехоты мы были в Калашахи. Механик-водитель бережно расстилал брезент на броне. Наводчик-оператор доставал веревки. Я неспешно прогуливался у входа в крепость Хасана. И ждал, когда его сарбозы (бойцы) вынесут тандыр.

Вскоре два афганца бережно вынесли большой глиняный кувшин (почти в метр высотой). И аккуратно подняли его на боевую машину пехоты. Механик-водитель и наводчик-оператор сразу же засуетились — помогли поставить тандыр на брезент. И начали крепить его веревками.

Тем временем из крепости Хасана вышли еще два сарбоза. И вынесли второй тандыр. Следом за ними шел Хасан. Это было неожиданно. О втором тандыре я даже мечтать не мог. Но я не подал и виду. Большому командиру-шурави двадцати двух лет от роду, командиру целой сторожевой заставы в чине ни много ни мало лейтенанта не подобает удивляться!

Хасан подошел ко мне.

— Ду пучак (две гильзы) — ду тандыр (два тандыра). Хуб (хорошо)?

Я почти равнодушно кивнул головой в ответ. Показывать, как радостно забилось в этот момент мое сердце, было как-то не солидно.

— Хуб, Хасан. Бисер хуб (очень хорошо).

И не удержался, обнял Хасана за плечи.

— Ташакор (спасибо), Хасан.

Хасан радостно заулыбался. Ему было приятно, что большой командир не только поблагодарил его за работу на глазах у его солдат и всех жителей кишлака (которые, конечно же, наблюдали за всем происходящим), но и обнял как брата. Это дорогого стоило!

Никогда в жизни не видел я, чтобы механик-водитель так нежно вел боевую машину пехоты по горной дороге. Никогда не выглядели мы так смешно с наводчиком-оператором, как в этот раз, когда руками и ногами придерживали тандыры на броне. Никогда я так не радовался тому, что плохо знаю афганский язык. Ведь если бы я знал его лучше, у нас был бы всего один тандыр! И никогда раньше у нас на заставе не было такого большого праздника, как в этот раз, когда мы привезли новые тандыры!

Тандыры оказались сделаны на совесть (я до сих пор вспоминаю добрым словом того неизвестного гончара). И прослужили нам до самого вывода войск из Афганистана. А потом еще много лет служили афганцам. Правда, мне уже редко приходилось пробовать лепешки из этих тандыров. Вскоре меня перевели на должность начальника разведки батальона — командира отдельного разведвзвода. И тихая, размеренная жизнь командира заставы закончилась.

Двадцать шесть месяцев прослужил я в Афганистане. Когда выдавались короткие минуты отдыха между засадами и рейдами, я брал в руки блокнот. Снова и снова рисовал в нем чертежи

дома, который мечтал построить, вернувшись на Родину. И рядом с этим домом, под красивым навесом, всегда рисовал тандыр. В память о том, что забыть уже никогда не смогу.

Да, все эти годы я мечтал построить дом. И встречать в нем своих друзей. Угощать их вкуснейшими лепешками из тандыра. И вспоминать былое за чашкой чая. К сожалению, уже через несколько лет делегаты 1-го Съезда народных депутатов назвали всех нас, воинов-интернационалистов, «политической ошибкой». А другие депутаты годы спустя отменили закон о выделении земельных участков ветеранам труда, военной службы и участникам боевых действий. Накопить денег на покупку земли за двадцать пять лет службы у меня не получилось. И мечта моя о доме и тандыре так и не исполнилась.

P. S. Из воспоминаний Сергея Андреевича Егорова, командира гранатометного взвода 2-го МСБ 180-го МСП (служил в Афганистане в 1984–1986 гг.):

«Пролог к твоему рассказу, как все начиналось. Летом 85-го я переехал на Тотахан с 11-А заставы, где в крепости в полу комнаты был стационарный тандыр. Продукты на канал попадали только вертушками, частенько с перебоями. Тандыр здорово выручал. Ну и, конечно, шелковица — дикобразам иногда не везло.

На Тотахан в то время хлеб завозили раз в пять дней. После лепешек — пятидневный хлеб? Только не это. С Хасаном вопрос был решен продовольственным бартером: по полмешка муки и риса. Тандыр забирали шишариком минометчиков, в кузове четыре бойца держали его на весу на руках. Глину для обмазки добывали у подножия горки. С замполитылу дивизии пришлось пободаться, но вопрос о замене хлеба на муку был решен.

С 345-м я не пересекался. А вот как-то раз внезапно прибывшие разведбатовцы во главе с начальником разведки натурально чумели от восторга, когда привезенное с собой угощение закусывали пловом и свежими лепешками в нашей столовой-ленинской комнате, да еще при свете электрической лампочки.

Комиссовали, значит, нашего кормильца…

Саша, тандыр же стоял ниже хребта, по восточному склону. Каким макаром в него мог угодить РС? Разве что только с юга вдоль хребта прилетел?»

Первый, второй

Когда лейтенант прилетел в Афганистан отдавать свой неведомо откуда взявшийся интернациональный долг, он с удивлением узнал, что вместо эскадрона летучих гусар ему предстоит принимать какую-то сторожевую заставу. Располагалась эта застава на горе Тотахан (отм. 1641 м) под Баграмом. И состояла из обычного мотострелкового взвода. А также приданных взводу: танкового экипажа, минометного расчета, расчета пехотного крупнокалиберного пулемета Владимирова и станции радиоперехвата (с 4-й роты баграмского разведбата). А ведь он с раннего детства мечтал командовать гусарами! Ходить в лихие кавалерийские атаки! Гоняться по степям и ущельям за басмачами. Или, как их сейчас называли, душманами!

Увы, не все наши мечты сбываются. Стоит отметить, что мысли лейтенанта о гусарах и эскадронах были далеко не случайны. Потому как училище, которое он окончил год назад, в народе называлось конно-балетным. «Балетным» Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР называли за участие его курсантов практически во всех военных парадах, проводимых на Красной площади (за исключением ноябрьского парада 1941 года, когда курсантский полк героически воевал под Москвой). И соответственно, за образцовую строевую выучку. А «конным» — за отменную огневую и спортивную подготовку его выпускников. Ибо стреляли курсанты-кремлевцы не хуже киношных ковбоев. А бегали не хуже ковбойских лошадей. И не меньше их. Так что понятно, почему к кавалерии выпускники училища всегда испытывали теплые и практически родственные чувства.

Все четыре года в училище курсантам внушали: «Будешь жить по уставу — завоюешь честь и славу». И всячески давали понять, что уставы написаны кровью. И написаны не просто так! Однако в Афганистане служба заметно отличалась от того, чему его учили. И к чему он привык в Союзе. Даже караульная служба здесь была организована как-то не так! Ведь согласно Уставу гарнизонной и караульной службы часовым на постах категорически запрещалось не только есть, пить, курить, но и разговаривать. На заставе же часовые изредка что-то жевали, иногда пили воду из фляжек. Единственное, на постах не курили (дабы не искушать без нужды духовских снайперов). Но самое забавное заключалось в том, что часовые на Тотахане постоянно проводили перекличку.

— Первый, — раздавалось с наблюдательного поста,

оборудованного у канцелярии роты.

— Второй, — во весь голос кричал минометчик с минометной позиции.

— Третий, — откликался танкист, несущий службу у танка.

— Четвертый, — эхом доносилось от Зубов Дракона — небольших скал на южном склоне Тотахана.

Сначала лейтенанту казалось, что все это как-то неправильно. И караульную службу необходимо организовать в строгом соответствии с требованиями устава гарнизонной и караульной службы. Но вскоре он понял, что устав — не догма, а руководство к действию. И что лучше все оставить как есть. Потому что когда караульную службу несет бессменно один и тот же взвод, ослаблять бдительность все равно нельзя, но можно организовать ее с учетом «местных условий». Подобная перекличка и была разновидностью этих самых «местных условий». Днем на заставе службу несли два наблюдателя, выставленные на первом посту и у Зубов Дракона. Ночью выставлялись четыре, а при необходимости и пять постов. Днем перекличка не велась, только ночью. И стоило ей затихнуть, часовой, который не услышал продолжения переклички, должен был сделать одиночный выстрел (сигнал вызова дежурного по заставе). Но до этого дело обычно не доходило. Потому что когда над Тотаханом раздавалась перекличка, вся застава (за исключением часовых на постах и дежурного по заставе) спала спокойно. Сладко посапывая и видя самые яркие в мире разноцветные сны. Но стоило перекличке затихнуть, тишина будила всех не хуже длинной автоматной очереди (сигнал тревоги). И тогда из канцелярии роты немедленно появлялся заспанный командир заставы, а из казармы — недовольный сержант, дежурный по заставе. Следом шел разбор полетов с провинившимися. И над Тотаханом снова раздавалось:

— Первый.

— Второй.

— Третий.

— Четвертый…

Главарь местной банды Анвар привычно обходил свои владения. Его сопровождали три телохранителя с трофейными АКС-74У. 5,45-миллиметровые автоматы Калашникова, складные укороченные, в то время были писком моды у афганских телохранителей. Но даже эти новенькие автоматы, захваченные недавно на «баграмке» (дорога от Кабула на Хайратон), когда их отряд напал на небольшую колонну шурави, как-то не особо радовали телохранителей. Моджахеды были явно не в настроении. «Куда подевались их шутки и веселый нрав?» —

думал Анвар, глядя на своих аскеров («героев» на фарси).

Под старой чинарой его зоркий глаз разглядел серого кота. Кота звали Пищак («кот» на фарси). Дневная жара уже спала, и Пищак мог бы спокойно валяться в теньке и видеть свои кошачьи сны. Но ему было не до сна. Кот явно нервничал. И шерсть у него на загривке стояла дыбом.

Неужели причиной кошачьей тревоги был Сак (собака по имени «собака» — на фарси), устало бредущий по дороге? Нет, едва ли! Сак явно не был расположен бегать за какими бы то ни было котами. Во взгляде пса сквозили немыслимая тоска и вселенская усталость.

Анвар подошел к своей крепости. У входа в нее были привязаны два его верблюда и корова. Глаза у них были печальные. Он привычно погладил корову по голове.

«Беда с ней. Почти совсем перестала давать молоко, — подумал с тоской моджахед. — Да и верблюды валятся с ног от усталости. Сколько они еще продержатся? Недолго».

Навстречу Анвару вышла жена. Неумытая, взъерошенная, сердитая.

«Похоже, у нее снова подгорел ужин. Вот она и не в духе», — поймал себя на мысли Анвар. И на всякий случай сделал вид, что не заметил ее. Ведь даже сил проучить жену у него не было.

Потому как он и сам давно уже был не в духе. Вот уже какой год все валилось у него из рук. У его людей и у его жены. Даже сын не выдержал, ушел в соседнюю банду. Главарем в ней был Исмад, злобный одноглазый старикан. Тем не менее сын променял родного отца на этого старикана! Не захотел воевать под рукой отца! А может быть, все было гораздо проще? Банда Исмада располагалась в зеленке, километрах в двух от Тотахана. И у него в банде можно было спокойно выспаться. А тут попробуй усни, когда каждую ночь с Тотахана раздаются истошные крики этих проклятых кяфиров-шурави (неверных шурави).

— Евры!

— Торо!

— Рети!

— Тверты!

Да, было бы интересно узнать, то означают эти крики. На счет это было не похоже. Считать по-русски Анвар умел и сам: «один, два, три, четыре»… Любой бача (мальчишка) умеет считать по-русски! Этих же слов Анвар не знал. Но догадывался, что это какая-то хитрость коварных шурави, чтобы не давать спать его верным воинам, ему самому и его жене. И даже его верблюдам, корове, собаке и коту. Проклятые кяфиры придумали эту пытку, чтобы свести их всех с ума! Сумерки начинали окутывать

окрестные горы. «Скоро начнется эта еженощная пытка», — с тоской подумал Анвар. Перенести еще одну ночь подобных издевательств он был не в силах. А потому не удержался, встал с кровати и вышел на улицу. Решил сходить к мулле, спросить совета. Благо мулла жил неподалеку. Три телохранителя неохотно поднялись с циновок. И как тени последовали за ним. Муллу они встретили у арыка.

— Салам аллейкум, мохтарам Мирзо (здравствуйте, уважаемый Мирзо), — поприветствовал Анвар муллу.

— Аллейкум ассалам, азиз Анвар (здравствуй, дорогой Анвар), — ответил мулла и приложил ладони к груди.

— Кар барэтан четоураст (как дела)? Сехатэ шома четоураст (как ваше здоровье)? — поинтересовался Анвар у старика.

— Ташакор, хубаст (спасибо, хорошо). Кар барэтан четоураст (как твои дела)? Сехатэ шома четоураст (как твое здоровье)?

С удивлением и легкой завистью Анвар заметил, что мулла выглядит свежим и отдохнувшим. Это было довольно странно. И лишь кивнул в ответ на традиционные вопросы приветствия. «Видно, Великий Аллах помогает мулле так стойко переносить эти еженощные пытки проклятых кяфиров!» — подумал главарь.

Разговорились. Анвар рассказал мулле о своей проблеме, что вот уже несколько лет он и его люди страдают от бессонницы. И что силы их на исходе.

— Бисми-Ллахи-Р-Рахмани-Р-рахим… (Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного), — ответил ему мулла. — Я знаю, как помочь тебе и твоим людям, мой сын. На днях мне было видение, что скоро все изменится. А вчера ко мне в гости приходили торговцы из Кабула. Просили благословения перед дальним путешествием. Я пожаловался им на нашу нелегкую жизнь и на этих орущих по ночам шурави, детей мула и ослицы. Торговцы посмеялись в ответ. Сказали: «Им бы наши проблемы!» И показали мне, как делаются «бирюши» (искаженно от «беруши»). А еще в благодарность за благословение оставили мне мешок ваты. С тех пор я сплю как младенец!

— Бирюши? — с удивлением и с проснувшейся надеждой переспросил его Анвар. — А что это такое, уважаемый?

Мулла объяснил. Показал, как их делать. И подарил Анвару половину мешка ваты. Это был поистине царский подарок!

Весь следующий вечер аскеры Анвара занимались изготовлением этих самых загадочных «бирюш». Вставляли их себе в уши, шутили, кривлялись…

А утром Анвар проснулся отдохнувшим. Впервые за много лет он наконец-то выспался. Главарь сладко потянулся и вышел во двор. Через весь двор важно шел кот Пищак. Видно,

представлял себя царем зверей. Ну и что с того, что он не слышал бегущего за ним следом Сака? Неважно, что Сак не понимал больше ничьих команд. Но как он резвился! Как играл со своей тенью! Телохранители тоже не слышали друг друга. Зато улыбались и строили друг другу смешные рожицы. Тем временем довольная корова щипала редкую траву под чинарой. И игриво поглядывала на верблюдов, что пили воду из арыка.

Сегодня утром жена приготовила самый вкусный завтрак из тех, которые Анвару когда-либо приходилось пробовать. А как она улыбалась! Анвар снова с интересом посмотрел на ее тонкий девичий стан и подумал… Ну, в общем, вам необязательно знать, о чем подумал тогда Анвар.

Главное, что он и все его люди, жена, кот, собака, коровы и верблюды были счастливы. У всех у них торчали кусочки ваты из ушей, но это было такой мелочью. Ведь главное, что все они выспались!

«Спасибо Аллаху и мудрому мулле, — подумал с гордостью Анвар. — Мы смогли перехитрить этих коварных шурави. И Аллах не оставил нас в трудную минуту!»

С тех пор прошло более двадцати лет. Давно уже покинули страну шурави. На их место приехали американцы, немцы, итальянцы. Но не было покоя Афганистану! Столько лет воевал Анвар за мирную жизнь, а она все не приходила на его израненную землю.

Не любил Анвар новых гостей: ни немцев, ни итальянцев, ни американцев. А американцев почему-то не любил больше всех. Если бы кто спросил его, почему именно американцев, едва бы он ответил что-то вразумительное. Просто не любил их и все!

Все эти годы он так и не смог нормально выспаться. Другие отряды моджахедов воевали с итальянцами, очень шумными ребятами. Рядом с итальянцами можно было спать спокойно. Тем более что итальянцы регулярно платили отступные, чтобы моджахеды не нападали на их посты и конвои. Те моджахеды, что находились по соседству с немцами, тоже могли спать спокойно. И с немцами можно было договориться! К тому же когда немцы выпьют шароба (шнапса, водки), они тоже становились довольно шумными. Когда враг пьет шароб, можно спать спокойно!

И только у американцев на Тотахане все было тихо. От этой тишины можно было сойти с ума. Это когда шурави кричали по ночам, можно было сделать «бирюши». И спать спокойно. А попробуй-ка усни, когда за всю ночь с Тотахана не раздается ни одного звука! Да что это за пытка такая! Проклятые американцы!

Нет, не любил Анвар американцев. Устраивал со своими людьми на них засады. Специально выслеживая конвои с

полосатыми флажками на машинах. Американцы догадывались, что охотятся именно за их конвоями. И что узнают их конвои по флажкам. Но ставить на свои машины флажки своих союзников как-то стеснялись. А когда умышленно «забывали» их поставить, моджахеды сразу же догадывались, чьи это машины. И обрушивали на них всю свою огневую мощь. И гнев Аллаха!

Увы, военные победы уже не так радовали Анвара, как раньше. И не давали душевного покоя. От хронической бессонницы он снова стал нервным и раздражительным. Как когда-то давным-давно. Его постаревшие аскеры смотрели на него с тоской. Старый кот куда-то пропал. Новая собака уже которую ночь где-то пряталась. А глаза у коровы и верблюдов снова были полны вселенской грусти. И жена…

«Кстати, куда она подевалась? — немного раздраженно подумал Анвар. — Опять где-то болтает со своими подружками!»

А его новая молодая жена тем временем ушла к мулле за советом. Женщинам обращаться к мулле было не принято. Но Лейла (жена Анвара) была сиротой. А мулла приходился ей каким-то дальним родственником. Поэтому, ничего не скрывая, она рассказала старику о проблемах своего мужа.

Мулла долго вздыхал и смотрел в бескрайнее небо. Словно вспоминал что-то давно забытое. Затем внимательно посмотрел на девушку.

— Знаешь, дочка, когда-то давным-давно, когда тебя еще не было на свете, мы воевали с шурави. Они были хорошими воинами. И воевать с ними было почетно. Так вот, эти шурави считали, что кроме Аллаха есть и другие боги. И что когда люди воюют за своих богов, к добру это не приводит. А вот когда боги объединяются, чтобы помочь простым людям, тогда они могут совершить самые великие дела и поступки. Я научу тебя, Лейла, одной молитве, которой сам научился у шурави. Но прежде чем прочитать ее, сначала ты должна будешь приготовить самый вкусный ужин своему мужу. Спеть ему красивую песню. Исполнить красивый танец. А потом… Запоминай внимательно, дочка!

Вечером того же дня девушка сделала все, чему научил ее мулла. Во время самого вкусного на свете ужина она спела мужу красивую шуточную песню о маленьком ослике и бестолковом шурави, который безуспешно пытался его приручить. Затем станцевала страстный танец. После танца она уложила мужа в кровать и стала нежно гладить его голову, плечи, руки. Приговаривая неведомые, но, видимо, по-настоящему волшебные заклинания.

— Ервы. Торо. Рети. Тверты.

Она произносила эти слова раз за разом, усердно коверкая слова. Но очень старательно. И — о чудо! Вскоре ее муж уснул…

Наутро Анвар проснулся в небывало хорошем настроении. Потянулся в кровати. Посмотрел на спящую рядом молодую жену. Во сне она сладко улыбалась.

«Кажется, перед рассветом он пару раз… Ай да шайтан. И откуда только у него столько сил взялось! Как у молодого, — с нескрываемым удовлетворением подумал он. — Нет, рано ему еще на покой. Он еще ого-го!»

Анвар вышел из дома. Поднял голову. Над Тотаханом вставало солнце. Анвар не знал, что вскоре у него родится еще один сын. Но на душе у него было светло и радостно. Жизнь продолжалась! И все самое лучшее у него еще было впереди!

Давно уже поседевший, но еще довольно крепкий мужчина лет пятидесяти на мгновение отодвинул ноутбук. Откинулся на спинку кресла. Взгляд его невольно зацепился за старую чернобелую фотографию на столе. На фотографии посреди сторожевой заставы стоял молоденький лейтенант. Сделан этот снимок был давно, более четверти века назад. На Тотахане под Баграмом. В Афганистане. Он любил смотреть на эту фотографию. Вспоминать свою боевую молодость.

Тем временем дверь в его кабинет приоткрылась, и в появившуюся щель вбежала его младшая внучка Настя. Посмотрела по сторонам и, недолго думая, полезла к нему на колени обниматься. Следом забежал Сережка, средний. Старшие — Саша и Марина — вошли неспешно, солидно. По утрам они всегда приходили сказать ему: «Доброе утро!»

Когда они входили в кабинет, мужчина непроизвольно, по старой привычке, всегда мысленно считал их.

— Первый. Второй. Третий. Четвертый… — он улыбнулся. — Все! Доброе утро!

Пищак, Марь Иванна и другие

В августе 1986 года я принял под командование восьмую сторожевую заставу 180-го мотострелкового полка, что располагалась в десяти километрах южнее Баграма на небольшой горке с красивым названием Тотахан (отм. 1641 м). Через несколько дней к нам на заставу поднялся Хасан, командир отряда самообороны из кишлака Калашахи. Пришел познакомиться с новым командиром. Хасан принес бакшиш (подарок) — маленький, попискивающий, серый комочек — недавно родившегося котенка.

В местных кишлаках довольно часто встречались собаки. Иногда бездомные. При виде советских солдат они начинали сходить с ума от злости. Жили собаки и на наших сторожевых заставах. Иногда на заставы приходили бродячие псы. Их подкармливали наши солдаты. А потом они уходили. Такой же лютой ненавистью эти собаки встречали афганцев (но почему-то не всех, чаще незнакомых им или вооруженных). Люди относились друг к другу куда более терпимо.

Самое забавное, мне казалось, что это были одни и те же собаки. Только каждый раз они ненавидели разных людей: афганцев либо наших солдат. Все зависело от того места, где эти собаки находились в данный момент. Кто их только что покормил. И кому они пытались продемонстрировать свое «служебное» рвение. Словно они участвовали в каком-то спектакле. В театре абсурда. Кошки же встречались в кишлаках крайне редко. Летом под Баграмом было довольно жарко. У кошек было мало молока. И когда появлялись котята, кошка-мама могла накормить их только раз-другой. Затем молоко заканчивалось, котята больно кусали соски. И тогда кошка их бросала. Выживали немногие.

Подарок был немного неожиданный, но очень приятный. Не мудрствуя лукаво, я назвал котенка простым афганским именем Кот («пищак» на фарси). Кажется, это имя ему даже понравилось. Но еще больше ему понравилось, когда я его покормил разведенной в воде сгущенкой. Позднее он ел все то же самое, что и наши ребята, — кашу, рыбный суп «Ух», тушенку и даже кусочки обычных лепешек из тандыра.

После недавно перенесеннго тифа, ходить в первые дни мне было тяжело, слабость была неимоверная. Особенно тяжело давались походы в мой лазарет в Калашахи, встречи с агентурой и возвращение на заставу — каждый подъем на Тотахан отнимал последние силы. Выручало только одно — мой наставник и

агентурный контакт Шафи презентовал мне на это время своего ослика с удивительно неприличным именем Хуай Су. Оказывается, давным-давно жил на свете китайский монах Хуай Су из Чанша. Он был искусным каллиграфом. Однажды, когда Хуай Су достиг совершенства в скорописи, он собрал все свои кисти и закопал их в землю. Назвав это место «Могилой кистей».

Ослик, видимо, в шутку получил свое имя в знак того, что когда-то темной ночью он закопал свой разум под каким-то холмом. А место забыл.

Шафи предупредил меня, что он бестолковый и плохо слушается команд. Но в голосе у Шафи слышались ласковые нотки. На самом деле ослик выглядел смышленым и очень милым. Я понял, что плохо он мог слушаться только моих команд.

Шафи объяснил мне, что ослик хорошо знает дорогу на заставу. Он отвезет меня туда при условии, что я не буду ему мешать. И сам вернется домой. Мешать ему я не собирался.

В первый раз ехать на ослике было очень забавно. Ноги мои постоянно цеплялись за землю. Приходилось их постоянно приподнимать. Надолго меня не хватало. И они снова начинали считать все кочки и буераки. Но впечатления были просто потрясающие! Я впервые катался на ослике.

И по новому для меня маршруту. Вместо того чтобы подниматься по кратчайшему пути, Хуай Су повернул к седловине между вершиной горы и выносным постом. А потом по тропинке, протоптанной нашими бойцами, поднялся на заставу. И он назывался бестолковым осликом?! Хорошо еще, что я не пытался им командовать и управлять. Просто доверился. В благодарность за это Хуай Су показал мне самый легкий и простой путь к вершине.

В этот момент я почувствовал себя последним ослом. Мой кратчайший путь на заставу оказался путем отъявленного мазохиста. Самым трудным и бестолковым. Даже маленький ослик это прекрасно понимал.

Я дал ему кусочек лепешки на прощание. И отпустил.

— Ташакор, Хуай Су. Сафар ба хайр (спасибо, Хуай Су. Счастливого пути)!

Ослик налегке резво убежал обратно. Забавно перебирая своими маленькими копытцами. Убежал домой. А я долго смотрел ему вслед. Пока он не добрался до крепости Шафи.

— Спасибо, дорогой ослик. Спасибо, Шафи!

Потом Хуай Су еще несколько раз здорово выручал меня. И когда мне доводилось на нем кататься, я всегда мысленно пел песню «Мы красные кавалеристы и про нас…». Это выглядело

действительно забавно — красный командир с медицинской сумкой на плече верхом на ослике со смешным именем Хуай Су.

Хорошее было время — я катался на маленьком забавном ослике. А на заставе меня ждал Пищак, который рос не по дням, а по часам. Неподалеку от нашей заставы регулярно проводились дивизионные операции, работали баграмский разведбат и полковая разведрота 345-го парашютно-десантного полка. В этом не было ничего удивительного: наша горка была не только прекрасным наблюдательным, но и командным пунктом. Да и наши танк с минометом позволяли работать очень точечно, эффективно и на довольно большую дальность. Поэтому без нас обходились редко. Но мне почему-то казалось, что война эта какая-то ненастоящая. Ведь за два месяца пребывания в Афганистане я принял участие только в одной войсковой операции. Стрельба же из танка и миномета на дальность более двух километров, когда ты не видишь реальных результатов своей работы, казалась мне больше похожей на какую-то игру. Редкие обстрелы духами заставы были делом привычным. Раненых и убитых на заставе не было.

Но вскоре уехал в отпуск начальник разведки нашего батальона Толя Викторук. И мне пришлось два месяца командовать его разведвзводом. Там война была уже настоящей. Близкой, протяни только руку… Когда я вернулся на Тотахан, кота на заставе уже не было. Наш Пищак погиб во время одного из обстрелов…

Все это время у нас на продовольственном складе (в небольшом помещении, сложенном из камней и глины, примерно 2 на 4 метра) жила старая-старая кобра — Марь Иванна. Обычно она лежала в самом дальнем углу. И сторожила коробки с куриными яйцами. Это было ее любимое занятие. За свою службу она никогда не требовала вознаграждения. Но когда приходило время, она готовила свое любимое блюдо — яичницу из трех яиц.

Мне казались забавными ее привычки. Но каждый раз, когда проголодается, она проглатывала именно три яйца. Со стороны было хорошо видно, как она широко раскрывала рот, затем просто натягивала свою кожу на куриные яйца. А потом несколько дней переваривала их. Мечтательно закрыв глаза, словно вспоминая что-то далекое и очень приятное. Наверное, свою молодость?

Когда на складе появлялся повар и начинал набирать в свою коробку банки консервов, крупу или сахар, она немного приподнимала голову и предупреждала его о том, что она еще здесь.

— Ш-ш-ш. Кы-ш-ш.

Она действительно говорила: «Кыш-ш-ш». Ошибиться в этом было невозможно. И повар понимал ее с полуслова. Это было предупреждение: консервы, крупы и сахар — твои. Яйца — мои. Иногда повар пытался проявить характер и подходил ближе. Тогда Марь Иванна удивленно приоткрывала глаза и приподнимала свое тело выше. А иногда даже била его своей головой с закрытым ртом. Пытаясь отпугнуть и одновременно оберегая свои зубы от поломки. Хотя, скорее всего, зубов у нее уже не было.

Повар обиженно уходил со склада и целый день вынашивал в голове план страшной мести. Иногда жаловался на Марь Иванну мне. Говорил, что ее нужно прогнать. Но потом прощал ее, потому что сам был виноват. Ведь Марь Иванна просто выполняла свою работу.

К тому же повар и сам прекрасно понимал, что не было бы Марь Иванны, не избежать нам нашествия мышей и крыс. А это было куда страшнее. И не только в плане сохранности продуктов. Ведь мыши и крысы — разносчики болезней. А болезни, особенно инфекционные, были настоящей бедой для наших солдат и офицеров. Так что Марь Иванна была нашим ангелом-хранителем от всяких разных болезней. И хранителем наших продуктов. Правда, не всех.

Мы старались об этом помнить. Не обижать Марь Иванну. И закрывать глаза на недостачу куриных яиц на продскладе. Потому что яйца она ела не часто, а вот мышей ловила с удивительным мастерством.

Хотя стоит отметить, что ничуть не хуже Марь Иванны ловили мышей и два наших дикобраза, живущие под первым постом. Они регулярно подъедали пищевые отходы в мусорной яме неподалеку от кухни. И всех тех, кто покушался на эти самые отходы.

Марь Иванна погибла в начале 1987 года. При проведении дивизионной операции в нашем районе. На заставе у нас заночевал замкомандира батальона. Ночью, выходя проверять посты, он случайно наткнулся на нее. Около самой канцелярии. Марь Иванна встала в стойку (откуда только у старушки взялись силы!). Замкомбата с испугу выстрелил в ее сторону. И Марь Иванна сделала то, что делала лучше всех. И делала всю свою жизнь. Она бросила свое тело навстречу этому незнакомому для нее и стремительному «насекомому». И поймала пулю.

По весне погиб и один из наших дикобразов. Ночью, как обычно, дикобразы полезли к яме с пищевыми отходами. Чем-то там зашумели. Часовой дал короткую очередь на звук…

Да, в Афганистане нас окружали не только горы и пустыни,

дехкане и моджахеды. Рядом с нами всегда были и братья наши меньшие — кошки и собаки, ежики и дикобразы, маленькие обезьянки и забавные ослики. Они делили вместе с нами все тяготы и лишения нашей службы. И делали наш военный быт более уютным, а всех нас — чуточку добрее. Многие из нас, кто служил в Афганистане, могут рассказать множество интересных и увлекательных историй, иногда веселых, иногда грустных, о своих верных четвероногих друзьях. У всех у них были разные судьбы — кто-то из них погибал. Кто-то спасал нам жизни. Кого-то, возвращаясь в Союз, мы вынуждены были оставлять. Война была у нас общая, одна на всех.

Но, в отличие от людей, животные не могли ничего изменить в своей жизни. Не могли остановить войну. Могли только верить в нас. Верить и любить.

Чабан и солдаты

В январе 1986 года, перед самой отправкой в Афганистан, довелось мне стажироваться в должности начальника разведки танкового полка. В нескольких километрах к северу от Бахардена в Каракумах развертывалась 154-я мотострелковая дивизия кадра. В составе этой дивизии был и мой полк. На месячные сборы с гражданки призывались офицеры, сержанты и рядовые запаса. С ними проводились занятия по боевому слаживанию и боевой подготовке, изучались новые образцы вооружения и техники. Итогом сборов должны были стать тактические учения с боевой стрельбой.

Вот с ними-то и вышла маленькая накладка. На вторые сутки учений, когда наша полковая разведрота успешно выполняла учебные и учебно-боевые задачи, вызвал меня к себе командир полка. Войдя в командирскую палатку, я доложил о прибытии. После яркого туркменского солнца я не сразу заметил, что командир был не один. Перед ним стоял незнакомый мне старший лейтенант лет сорока. Явно из «пиджаков», выпускников одного из гражданских вузов. Выглядел он довольно живописно. Всем своим видом напоминая то ли француза со старой Смоленской дороги в 1812 году, то ли немецкого военнопленного после окончания Сталинградской битвы. Мятая полевая форма, потерянный взгляд совершенно невоенного человека. В голосе его слышались виноватые нотки. И кажется, он был чем-то сильно огорчен.

При виде меня командир кивнул.

— Заходи, лейтенант.

И жестом дал понять, чтобы я подождал, когда он закончит допрос «военнопленного».

— Покажите, где вы их выставили? — командир пригласил его подойти к карте.

Вид карты не прибавил уверенности старшему лейтенанту. Он начал медленно водить пальцем по карте, близоруко щурясь. И что-то выискивать в районе Ашхабада и Бикровы… Прочитал несколько знакомых названий, немного оживился. Но после этого окончательно сник — стало понятно, что в топографических картах он явно не силен.

— Там барханы были. И кусты саксаула. Я точно не знаю где… Где-то там, — старший лейтенант махнул рукой в сторону выхода. Выглядело это более чем неопределенно.

Интересно, что они там искали? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что вызвал меня командир к себе не

просто так. Возможно, это что-то, потерянное старшим лейтенантом, вскоре придется искать и мне. Хотя, может быть, никакой он не старший лейтенант, подумал я, а вражеский шпион, который не хочет признаваться, где спрятаны его шифры и явки. Или паникер, оставивший свои позиции без приказа. И забывший, где эти позиции находятся. Мысли эти показались мне довольно забавными. Ведь если он шпион или паникер, то согласно жанру военного кино командир сейчас прикажет мне его расстрелять. К сожалению, оружия у меня при себе не было. Даже любимого в детстве игрушечного пистолета с пистонами. И логика подсказывала мне, что ради расстрела командир едва бы стал вызывать своего начальника разведки.

Да, я ошибся. Передо мной стоял никакой не шпион и не паникер. А всего лишь начальник оцепления, выставляемого на время проведения боевых стрельб. Вчера утром он выставил оцепление, а когда вечером поехал его снимать, не нашел своих бойцов. Как, впрочем, и место, где их выставлял. Да еще и застрял в песках. На всю ночь. Благо водитель оказался опытным — к утру они смогли выбраться из плена «черных песков».

— Ну, чего смотришь? — обратился ко мне командир полка. — Искать бойцов надо. Вот только где он их выставил, ума не приложу!

— Товарищ полковник, может быть, к вертолетчикам за помощью обратиться? — решил поумничать я.

В ответ кэп только замахал руками.

— Если об этом узнает кто-то из командования, то не сносить нам ни погон, ни головы. Так что пока никто никому ничего не рассказывает! Ищем. Ищем сами!

— Ну ты же разведчик! Ты должен их найти, — закончил он свою тираду.

Последняя фраза командира напомнила мне слова замполита из известного анекдота о пулеметчике, у которого закончились патроны. Мысленно я поискал вокруг свой пулемет. Пулемета не было.

— Все, идите! Оба. И найдите мне всех. Целыми и невредимыми!

— Есть! — я взял под козырек, развернулся и вышел из палатки.

Старший лейтенант последовал за мной. Спиной я почувствовал его вздох облегчения — старшим в поиске его подчиненных был назначен я. И ему теперь не нужно было никем командовать и принимать решения. Выполнять приказы ему было явно легче.

Вскоре мы были у машины оцепления. Обычный армейский

ГАЗ-66 не слишком-то приспособлен для поездки в кабине для трех человек. Если не сказать большего! Совсем не приспособлен! Проще было не брать с собой старшего лейтенанта. Помощник из него был никакой. Но мысль о том, что без него его бойцы едва ли будут выполнять приказы какого-то незнакомого лейтенанта, не давала мне покоя. А еще по субординации старший лейтенант был старшим для меня по званию — так что ему полагалось ехать в кабине, а мне в кузове. Но я был назначен старшим по поиску пропавших. И значит формально был старшим по должности.

Проблема разрешилась сама собой.

— Вы садитесь в кабину, товарищ лейтенант, — обратился он ко мне по званию. — Мне в кузове будет удобнее.

Да, решения теперь приходилось принимать мне. Выезжать на одной машине в пустыню было запрещено. Только на двух. Старший лейтенант вчера вечером уже нарушил этот приказ. И лишь чудом да благодаря опыту своего водителя остался жив. Пустыня безалаберности не прощает! Но второй машины у меня не было. Приходилось надеяться на русское «авось».

Мы подъехали к расположению разведроты. Загрузили 40-литровый металлический термос с водой. Я взял свою командирскую сумку с рабочей картой. И начал что-то в ней внимательно рассматривать. Словно пытался найти на карте наших потерявшихся бойцов. Найти их на карте было совсем не сложно. Оставалось только найти их в пустыне.

Через пару километров мы подъехали к небольшой развилке. Старший лейтенант постучал по крыше машины. Скажу честно, я не ожидал от него такой настойчивости. Но он вдруг вспомнил, что вчера утром поворачивал на этой развилке налево. Это он хорошо помнил. Единственное, что помнил. Потому что дальше начинались барханы. Похожие один на другой. Но мы повернули направо. Потому что старший лейтенант искал своих пропавших бойцов. А я искал того, кто знает, где их искать! Еще перед выездом на карте я обнаружил в трех километрах к северу от нашего лагеря зимник, в котором обычно останавливаются на ночевку пастухи с отарами овец. И мы ехали к этому зимнику.

Я не ошибся в своих предположениях. Вскоре мы подъехали к отаре овец, которые паслись вокруг небольшой глинобитной постройки. На шум нашей машины вышел старик-чабан. Белобородый, с опаленным солнцем и ветрами лицом и с удивительно мудрыми глазами. Мы поздоровались.

— Салам алейкум, аксакал!

— Алейкум ассалам, командир!

— Скажите, уважаемый, вы не встречали неподалеку наших солдат?

Старик улыбнулся в ответ. Легкая смешинка, как маленькая искорка, блеснула в его глазах. Но ответил он вопросом на вопрос.

— Почему неподалеку? Здесь они, — и пригласил меня пройти за собой.

В зимнике на полу сидели несколько бойцов. Они пили зеленый чай с ароматными пшеничными лепешками. И похоже, не очень-то обрадовались, что их нашли так быстро. Призванные из запаса, они не очень-то торопились служить. И хорошо помнили несколько главных армейских заповедей. Во-первых, о том, что солдат спит — служба идет. А во-вторых, что нужно держаться подальше от начальства и поближе к кухне. В полумраке зимника не было видно моих погон. Однако они сразу же догадались, что я и есть то самое начальство, от которого нужно держаться подальше.

Я не стал их разубеждать. Произнеся лишь два слова:

— Выходи строиться!

Бойцы неохотно стали подниматься с пола. И побрели к выходу. Там их уже обнимал их командир. Радуясь тому, что увидел живыми и невредимыми. Словно они только что вернулись с того света.

— Все? — спросил я его.

— Все. Все! — радостно ответил мне старший лейтенант. — Можем возвращаться!

— Все — это сколько? — уточнил я.

Старший лейтенант радостно принялся считать своих подчиненных. Сначала один раз. Потом второй. Лицо его менялось прямо на глазах. Трех бойцов не хватало.

Старый аксакал стоял в сторонке. И посмеивался в бороду. Все происходящее его явно веселило. В этом не было ничего удивительного. Ведь, как известно, кто в армии служил, тот в цирке не смеется. Похоже, что и дедушка когда-то давным-давно служил в армии. Вот и веселился, вспоминая свою далекую юность.

— Вы не знаете, где они могут быть? — обратился я к нему.

— Карта есть, командир? — снова ответил он мне вопросом на вопрос.

Я молча достал из своей командирской сумки карту и протянул ее старику. Из последних сил стараясь делать вид, что умею ничему не удивляться. Чабан раскрыл карту. Привычно развернувшись на север, он показал на карте точку в полутора километрах к западу.

— Здесь колодец с плохой водой (на карте было отмечено, что вода в колодце соленая). Они рядом. Я звал их перебраться

сюда. Но они не захотели, — и протянул мне карту. Чтобы я мог рассмотреть, где этот колодец находится.

А потом снова улыбнулся. И показал рукой на чуть приметную дорогу.

— Если поедете по ней, не ошибетесь. Она ведет к колодцу.

Всем своим видом старый чабан давал нам понять, что для него военные с картой — это те, кто не просто спросит дорогу, но еще и непременно попросит показать рукой, куда идти. Старик откровенно веселился.

Я улыбнулся ему в ответ. В пустыне мне пришлось работать впервые. И я действительно был не против, чтобы мне показали рукой, куда ехать.

— Спасибо, уважаемый!

Бойцы уже сидели в кузове. И можно было уезжать, но одна мысль неожиданно заставила меня остановиться. Чабаны ведь не носят с собой запас продуктов на целый взвод. И воды столько не носят!

Старик не просто приютил попавших в беду солдат. Но и отдал им все свои продукты. И всю свою воду!

Я приказал спустить из кузова 40-литровый термос и перелить воду, куда скажет старик. Чабан не стал противиться. А молча принес большой пятилитровый чайник. Когда-то давным-давно он был не только чабаном, но и солдатом. И знал не на словах, а на деле, что такое войсковое братство и взаимовыручка. А еще он слишком хорошо знал, что такое глоток воды в пустыне. Глаза старика вмиг изменились. Что-то родное и близкое мелькнуло в них.

— Спасибо, командир.

— Это вам спасибо, — я не удержался и обнял старика. — Спасибо, отец!

И направился к машине. Но старик задержал меня еще на мгновение. Тихо, чтобы никто не слышал, он произнес еще несколько слов:

— Не бросай своих солдат, командир. Это очень плохо. Никогда не бросай!

— Не брошу, отец, — сказал я ему в ответ. Даже не задумываясь о том, что все последующие двадцать шесть месяцев в Афганистане я буду помнить эти слова старого чабана. И может быть, именно благодаря его наказу за все это время среди моих подчиненных не будет ни одного раненого и убитого. За все эти 26 месяцев и 25 лет моей службы.

Вскоре машина тронулась. Я взмахнул рукой на прощание. Чабан помахал мне в ответ.

Как и говорил старик, в полутора километрах от зимника мы

увидели колодец. И трех бойцов, расположившихся вокруг него. Вид их напоминал картину из какого-то научно-популярного или учебного киножурнала. Один из бойцов вел наблюдение. И заметил нас сразу! Второй на небольшом костре кипятил воду в котелке. Над котелком была закреплена какая-то сложная конструкция из крышек от котелков, на которой пар превращался в капли воды. И эти капли стекали в обычную армейскую кружку.

Неподалеку в небольшой ямке были сложены ветки саксаула. Над ними натянут большой кусок целлофана. Сверху которого точно по центру лежал небольшой камушек. А снизу стояла еще одна кружка. Которая и собирала конденсат, образовавшийся от растений. За этой кружкой наблюдал третий боец.

В общей сложности за прошедшие сутки бойцы насобирали таким образом около 200 граммов воды. Это было немного, но им хватило, чтобы продержаться это время. На мой вопрос, почему они не ушли с остальными, бойцы сильно удивились.

— Командир сказал нам быть здесь. Вот мы и были.

Слова их напомнили мне известный детский рассказ о честном слове.

— Так там же вода была. И еда, — продолжал допытываться я.

— А что вода и еда! — ответил мне старший. — Поесть и попить мы можем и дома. А вот проверить себя — только здесь!

С той поры прошло уже много лет. Но я до сих пор вспоминаю старика чабана, который отдал нашим солдатам все свои лепешки и всю свою воду. Все, что у него было! И вспоминаю тех трех бойцов, которые учились выживать. Учились выполнять боевой приказ и учились быть настоящими мужчинами.

Новый год и душманы

До Нового года оставалось менее пяти часов. Приходилось спешить. Подарки уже были разложены. Но пока не стемнело, нужно было навести их на аэродром шурави.

Хайрулло, старший в группе, деловито осматривал небольшие горки камней, что складывали его юные помощники Мирзо и Бахтияр. Кажется, горки получились достаточной высоты. Или камней нужно еще немного добавить? Здесь важно было не ошибиться. Рядом с горками лежали реактивные снаряды, которые еще днем они перенесли из небольшой пещеры, что располагалась буквально в сотне метров от их позиции. Реактивные снаряды Хайрулло устанавливал сам. Ответственное это было дело и непростое — запускать реактивные снаряды с камней. Нужно было не только правильно выбрать направление, но что гораздо важнее — установить правильный угол наклона снарядов. Понятно, что большой точности здесь добиться было сложно. Но рядом с баграмским аэродромом располагался большой штаб шурави со множеством складов и различных подразделений — промахнуться по ним было сложно. К тому же неслучайно Хайрулло считался в банде лучшим специалистом по запуску реактивных снарядов. Не в первый раз он это делал. Но каждый раз делал это старательно и очень тщательно. Он подходил к каждому снаряду, аккуратно поправлял его. Прицеливался, мысленно представляя, как и куда он полетит. И у каждого снаряда чуть слышно шептал как заклинание одно слово: «Иншалла» (иншааллах — если пожелает Аллах). Да, на все воля Всевышнего. Но еще в далеком детстве отец не раз говорил ему, что Аллах чаще помогает тем, кто сам усердно выполняет свою работу и делает шаги к своей мечте. С тех пор в трудные минуты Хайрулло мысленно обращался за помощью к Аллаху. Но прежде старался сам все сделать на совесть и сам решить свои проблемы. Чтобы в будущем Аллаху было легче ему помогать!

Хайрулло установил последний снаряд. Посмотрел на часы. Все было в порядке. Они управились! Конечно, можно было запустить снаряды и сейчас. Но это было неинтересно. Куда интереснее запустить их ровно в полночь, когда шурави начнут отмечать свой странный праздник — Новый год. Хотя какой новый год может начинаться в ночь на одиннадцатое джедди (1 января), было непонятно. Ведь все правоверные знают, что Новый год начинается с первого хамаля (21 марта). Да, неслучайно шурави называют кяфирами (неверными), все у них не так, как у нормальных людей. Хотя если им нравится отмечать свой

праздник, будут им на праздник от него подарки…

— Будут вам подарки и будет праздник. Самый яркий, самый запоминающийся, — Хайрулло с улыбкой посмотрел на разложенные вокруг снаряды.

Все было готово. И можно было немного передохнуть. Он присел на землю. Достал из котомки лепешку и немного кишмиша. Разломил лепешку на три равные части и позвал своих помощников. Предложил им немного перекусить. Мирзо и Бахтияр весело откликнулись. Что-что, а повеселиться они любили. Особенно поесть.

Нравилось им работать с Хайрулло. Мечтали они со временем и сами научиться всем его премудростям. Научиться запускать голюли (снаряды) по шурави. Нравилось, как улетали в небо голюли. Но еще больше нравилось, что старший никогда не забывает их покормить. А Бахтияру нравилось, что Хайруллло разрешает иногда пострелять по шурави из его автомата. Своего у Бахтияра не было. Но он очень надеялся, что скоро будет. Неслучайно ведь его имя означало «счастливый»!

Перекусив, парни заметно повеселели. Они стали представлять, как шурави начнут отмечать свой праздник. И как с неба на них будут падать их огненные подарки. Бахтияр подошел к небольшой сосне. И начал изображать шурави хануму (русскую женщину), которая сначала неприлично танцевала вокруг дерева, а затем испуганно пряталась за ним от разрывов снарядов. Мирзо отложил свой автомат в сторону и начал плясать рядом с Бахтияром. Сначала изображал шурави, пристающего к хануме. А затем скакал вокруг своего товарища как горный козел и радостно изображал разрывы снарядов. Это было так смешно, что даже Хайрулло не мог сдержать смеха. Хотя и очень старался.

Парни начали петь какие-то индийские песни. Сначала чуть слышно, а затем все громче и громче. Танцы их становились все смешнее и смешнее…

Из-за этих песен, из-за слез, навернувшихся на глаза от смеха, Хайрулло не сразу услышал хеликуптар (вертолет) шурави, который неожиданно появился из-за горного склона. А когда заметил, делать что-то было уже поздно.

— Нафахмидам (не понял), — произнес он чуть слышно.

Хеликуптар шурави, хищно ощетинившийся блоками с неуправляемыми авиационными ракетами, остановился как вкопанный. И завис метрах в двадцати от них. Пыль, поднимаемая винтами хеликуптара, мешала смотреть. Но Хайрулло прекрасно понимал, что слепит она только его. И его товарищей. А вот пилоту эта пыль ничуть не мешает все видеть. И держать их на прицеле своих пулеметов. Мирзо и Бахтияр

застыли в немой сцене. Они вопросительно смотрели на своего старшего товарища. Но Хайрулло было не до них. Сидя на корточках, он незаметно достал из своего пиджака какую-то бумажку и порвал ее на мелкие кусочки. Не нужно было шурави знать, что там написано! А затем раскрыл свои ладони. И обрывки его удостоверения, выданного исламским комитетом, немедленно унесло куда-то потоками ветра.

Как только хеликуптар опустился на землю, из него выпрыгнули семеро шурави. Один из них деловито залег в паре метров от хеликуптара с пулеметом и взял моджахедов на прицел. Двое стали собирать реактивные снаряды, подготовленные к запуску. И складывать их в небольшой ложбине. Еще двое молча подошли к Хайрулло и его помощникам, забрали их автоматы. Ловко обыскали моджахедов и отвели их немного подальше от сосны. И, казалось бы, сразу же потеряли к ним малейший интерес. Хотя на всякий случай свои автоматы держали направленными в их сторону.

Тем временем еще один шурави стал крепить что-то к стволу сосны. А второй — разматывать трос у хеликуптара. Командир-шурави стоял в сторонке, внимательно отслеживая все происходящее. Неожиданно он немного приподнял руку, плавно опустил ее и присел на колено. Шурави, охранявшие моджахедов, дали им знак немного пригнуться.

В то же мгновение раздались два негромких взрыва. Один в том месте, куда шурави относили снаряды. Второй у сосны. Сосна, как подрубленная, упала на землю.

Командир сделал чуть заметное круговое движение рукой перед собой. И его бойцы, подхватив сосну, устремились к хеликуптару. Подвязали ее к тросу и запрыгнули в свою летающую арбу. Командир на прощание улыбнулся моджахедам, шутливо отдал им честь и, чуть пригнувшись, побежал к хеликуптару. Последним уходил пулеметчик. Вскоре все шурави были внутри своей шайтан-арбы. И хеликуптар взмыл в небо. Унося под собой главный трофей этого года — пятиметровую сосну. Вся эта операция заняла не более трех минут.

Моджахеды непонимающе смотрели друг на друга. Потом на небо. Потом снова друг на друга. Что это было? Откуда шурави узнали о том, что они устанавливают здесь реактивные снаряды? Почему они забрали с собой дерево? Вопросов было больше, чем ответов.

Мирзо и Бахтияр выглядели совершенно потерянными. Хайрулло тоже был в шоке. Но еще он был старшим. А потому в шоке находился недолго. И его интересовали совершенно другие вопросы. Как рассказать об этом главарю их отряда? Ведь он ни за

что не поверит, что шурави оставили их живыми просто так. И стоит ли рассказывать? А если не рассказывать, то как объяснить исчезновение их автоматов? И как отчитаться в пусках снарядов? Ведь если они их запустили, снаряды должны были куда-нибудь попасть…

«Ничего, что-нибудь придумаю», — решил про себя Хайрулло. А своим помощникам под страхом смерти приказал никому и никогда не рассказывать о произошедшем. Но даже он понимал, что только что у него на глазах произошло настоящее чудо. Видимо, было в этом празднике шурави какое-то волшебство, раз они подарили Хайрулло и его товарищам такой бесценный подарок — оставили их живыми.

Одного не ведали моджахеды. В Новый год шурави не нужны были их неуправляемые реактивные снаряды. И не нужны были их жизни. А вот эту сосну они приметили еще осенью, когда выходили на очередную засаду. Потому что уже тогда понимали, что на Новый год им нужна будет елка. Когда не было елки, то вполне могла сгодиться и сосна. А если бы не было сосны, сгодилась бы и пальма.

P.S. Когда вертолет с разведчиками третьей разведывательно-десантной роты баграмского разведбата приземлился на аэродроме, его уже ждали. За несколько минут сосну разобрали на веточки. Так в Новый 1987 год почти в каждом подразделении в окрестностях Баграма появилась своя маленькая новогодняя «елка». А значит, появилась частичка настоящего праздника. И дома. Откуда взялись эти сосновые веточки, знали немногие. Но никогда и никому об этом не рассказывали.

О чем не пишут в боевых уставах

12 мая 1987 года под Чарикаром при выходе на задачу попал в засаду отдельный разведвзвод первого батальона нашего полка. Тяжело ранен был мой друг, командир взвода Женя Шапко (почти через три месяца, 6 августа, командир отдельного разведвзвода 1-го мсб 180-го мсп лейтенант Евгений Валентинович Шапко скончается в Кабульском госпитале, так и не приходя в сознание). Четверо разведчиков погибли (командир разведотделения Курочкин Владимир Александрович из Рязанской области, наводчик-оператор Сасин Василий Михайлович из Закарпатья, пулеметчик Голдыщук Иван Иванович из Ивано-Франковской области и разведчик Азизов Хусен Ятимович из Таджикистана). Остальные почти все были легко или тяжело ранены. В строю осталось только трое.

Я в это время проводил в полку сборы с молодым пополнением по альпинизму. Начальник штаба полка Герой Советского Союза подполковник Руслан Султанович Аушев приказал мне принять Женькин взвод. И готовить его к очередной войсковой операции. Где она будет проходить, мы тогда не знали. Но то, что операция будет серьезная, догадывались. Уже по тому, что руководить этой операцией должен был лично командующий 40-й армией генерал Громов.

Времени, чтобы набрать новый взвод и хотя бы мало-мальски его подготовить, у меня было мало. Всего одна неделя. Хорошо еще, что замкомвзвода у меня был толковый и грамотный сержант Тарыгин Валерий Андреевич. Без его помощи мне не справиться. Но практически весь взвод пришлось набирать из молодого пополнения. Ребята прослужили в Афганистане меньше месяца. Боевого опыта — ноль. И это меня очень беспокоило.

Уже через неделю в составе армейской группировки мы выехали из Кабула под Гардез. И далее за Алихейль. Поначалу задача казалась нам совсем несложной. Всего-то нужно было выйти на пакистанскую границу в районе древнего Шелкового пути. Занять близлежащие горки и просидеть на них почти месяц. Тем временем за нашими спинами афганская пограничная бригада должна была оборудовать укрепрайон. И надежно перекрыть один из основных маршрутов доставки братьям-моджахедам оружия и боеприпасов.

Действительно, ничего сложного. Красивые места, сосновые леса на склонах гор, родники и множество небольших озер повсюду, чистейший горный воздух и небольшие дожди после обеда — курорт, да и только. Проблема заключалась в том, что

братья-моджахеды прекрасно понимали, чем будет чревато для них взятие под контроль Шелкового пути афганскими пограничниками. А потому всячески мешали нам наслаждаться местными пейзажами.

Сначала были обычные обстрелы. В первые дни на позиции моего взвода прилетало по 13 реактивных снарядов каждые 4 минуты, с 6 часов утра до 6 вечера. Затем интенсивность обстрелов РС заметно снизилась, но стал доставать духовский миномет. А потом и горная пушка.

На позиции соседнего 345-го гвардейского парашютно-десантного полка духи ходили в атаку. Средь бела дня.

Нам было немного полегче. Но и моим разведчикам доставалось — регулярно приходилось выносить раненых, сопровождать группы «водоносов» и бойцов из комендантского взвода, которые спускались к вертолетной площадке за боеприпасами и продовольствием, выполнять другие боевые задачи.

Не секрет, что командир разведвзвода должен командовать командирами отделений, организовывать взаимодействие с приданными и огневыми средствами, управление и обеспечение боевых действий — одним словом, заниматься командирской работой. Я же довольно часто вынужден был брать в руки снайперскую винтовку или автомат. И выполнять задачи, более свойственные рядовым разведчикам, чем командиру. Это было неправильно! Но я прекрасно понимал, что мои ребята еще не совсем готовы к реальной боевой работе и что им нужно дать хотя бы немного времени освоиться. У меня же за плечами были четыре года военного училища, год переподготовки, почти год в Афганистане, несколько месяцев командования отдельным разведвзводом во втором мотострелковом батальоне. К тому же оба моих дедушки погибли в годы Великой Отечественной войны, и для себя я решил, что все мои бойцы обязательно вернутся домой живыми — чего бы мне это ни стоило!

Проблема заключалась в том, что между моим желанием и реальностью всегда стояло одно небольшое «но» — выполнение поставленной боевой задачи. И меня постоянно преследовала мысль о том, что я что-то делаю неправильно. Ведь командир должен командовать, а не воевать как обычный солдат. Ведь именно этому меня учили и для этого готовили.

Все в жизни заканчивается. Закончилась и наша операция под Алихейлем. Вскоре мы вернулись в полк. Я передал разведвзвод Алексею Монастыреву, который прибыл из Союза на замену Жене Шапко. А сам вернулся в свой батальон.

Через полгода после Алихейля, вечером 15 января 1988-го,

при обстреле духами седьмой сторожевой заставы нашего батальона был тяжело ранен рядовой Ахтемов Рустем Измаилович. Командир роты, выпускник Бакинского ВОКУ Игорь Фраерман со своего командного пункта на БМП рванул его эвакуировать.

Дороги вокруг наших застав духи регулярно минировали. И без их проверки саперами любые перемещения были категорически запрещены. Но ждать саперов Игорь не мог. Были уже сумерки. Он сел на место механика-водителя и примчался на заставу. До медсанбата довез своего бойца живым. Снес шлагбаум на въезде, чтобы как можно быстрее подъехать к операционной. Но Рустем скончался на операционном столе…

Позднее я спросил у Игоря, почему он сделал это — сам сел на место механика-водителя. Почему не стал ждать саперов? Да, я сделал бы то же самое. Даже понимая, как эффективно и изощренно душманы уничтожают всех тех, кто пытается эвакуировать наших раненых. Но мне был интересен его ответ.

— Мне бы совесть не позволила сделать по-другому, — ответил Игорь.

Совесть. Совесть не позволила бы Игорю не сделать всего того, что он мог, для спасения своего бойца. Даже рискуя своей жизнью. Оказывается, есть такая тонкая материя, которая не упоминается в боевых уставах, как совесть командира.

Я всегда был уверен, что моя главная задача как командира — передумать врага, а не перевоевать. Всегда знал, что мои просчеты в планировании засад и боевых действий — это не только возможный героизм моих подчиненных, но и возможные потери. Мне повезло: за все 25 лет моей военной службы и все последующие «командировки» среди моих подчиненных не было ни одного погибшего и даже раненого. Теперь я понимаю, что помогали мне в этом не только мои военные знания и опыт, но и та тонкая материя, которую подарили мне мои родители и мои учителя, мои близкие и мои друзья, — совесть командира.

Будет ли востребована эта материя в подготовке современных командиров? Или уйдет в небытие за ненадобностью? И снова на первом месте будет выполнение поставленной боевой задачи любой ценой? А командиров будут учить любить Родину за деньги? И защищать не родную землю и свой народ, а чьи-то финансово-экономические интересы?

Когда он плакал

Они гуляли по парку. Шуршали сухими листьями и ловили руками солнечные лучики. Это было так весело! И все-таки мысль о том, что скоро наступит зима, не покидала их.

— Знаешь, — сказала она, — я иногда плачу по ночам. Когда никто не видит. А ты когда-нибудь плакал?

Мужчина задумался. Плакал ли он? Наверное, в детстве. Потом — вряд ли. Ведь все знают, что мужчины не плачут. Хотя нет! Все-таки плакал. Еще там, в Афгане. Неподалеку от сторожевой заставы, которой он командовал, душманы сбили наш самолет. К счастью, летчик успел катапультироваться. Ветром его относило к нашим позициям.

Помнится, тогда он обрадовался, что летчик останется жив. Когда душманы поняли это, то открыли огонь. Сначала по спускавшемуся летчику стреляли из кишлаков «непримиримых» — из Карабагкареза и Миандjая. Вскоре из Лангара начал работать ДШК (12,7-мм пулемет Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный). Затем огонь открыли и из «мирных» кишлаков. «Ниточки» трассирующих пуль потянулись к парашютисту. Стреляли из всего, что было: из автоматов, пулеметов, карабинов. Это был настоящий шквал огня. Пришлось дать команду открыть огонь по духовским кишлакам, чтобы вызвать их огонь на себя и помешать им вести прицельный огонь по летчику. Это мало помогло, но больше он ничего не мог сделать. И потому готов был выть от бессилия от невозможности спасти этого летчика. Ведь по «мирным» кишлакам вести огонь они не могли. В кишлаках это знали. И стреляли, стреляли, стреляли… Было видно, что вначале летчик управлял парашютом. И пытался уйти из зоны обстрела. Но уходить было некуда. Чем ближе он спускался к земле, тем плотнее становился огонь. Вскоре тело летчика безвольно обмякло. И было удивительно, как парашют «держал» все эти выстрелы…

Когда они нашли летчика, смотреть на то, что осталось от него, было страшно. Это было месиво из костей и лоскутов человеческой плоти. В тот день он плакал в последний раз. Или же думал, что в последний раз. Правда, слез у него уже не было.

В конце декабря того же года ему пришлось принять под командование отдельный разведвзвод второго мотострелкового батальона. Начальник разведки батальона (и командир разведвзвода) Толя Викторук уезжал в очередной отпуск. Нужно было подменить его на пару месяцев.

У пловцов есть такое понятие — «поймал волну». Это когда

на тренировке или на соревнованиях ты словно бы переходишь в другое измерение. Законы физики перестают на тебя действовать. И ты словно паришь над водой. И знаешь, что сегодня никто не сможет тебя победить. И ты показываешь свой лучший результат!

Мало кому в жизни удавалось это почувствовать. Но в тот день он почувствовал, что «поймал волну». После нескольких учебных засад они наконец-то вышли на реализацию разведданных. По сведениям нашей агентурной разведки, в ближайшие день-два в районе кишлака Ахмедзаи должен был пройти караван с оружием. Его и решено было перехватить.

Все складывалось как нельзя удачнее. Ночью его разведчики смогли незаметно пройти мимо духовских наблюдателей. Вышли на точку. Замаскировали свои позиции. Оставалось только дождаться вечера, когда должен был появиться караван.

Утро прошло спокойно. На рассвете в небольшом ущелье, где его разведчики устроили засаду, пастух прогнал небольшую отару овец. Ближе к обеду какой-то старик провез на своем ишаке вязанку хвороста…

Но все это было неважно. А важным было то, что из точки А в точку Б вышел духовский караван с оружием. Что в точке Б его ждали наши разведчики. И они точно знали, что сегодня удача будет на их стороне.

Разведчики привычно вели круговое наблюдение. Но дорога была пуста. А потому появление двух наших штурмовиков в небе невольно привлекло их внимание. Как и два пуска из переносных зенитно-ракетных комплексов (наших ПЗРК «Стрела-2М» или английских «Блоупайпов») по ним с соседней горки. Штурмовики сделали противоракетный маневр. Выплюнули навстречу ракетам несколько тепловых ловушек. И в это время с горки по ним выпустили еще одну ракету.

— Твою ж мать! — не удержался замкомвзвода Саша Хливный. — Сбили, товарищ лейтенант! Он и сам видел, как две ракеты пролетели мимо. А третья попала во второй самолет. Все это было как в замедленной съемке. Как-то нереально. Как-то немного отстраненно. И их не касалось. До тех пор пока они не заметили небольшую точку, отделившуюся от самолета буквально за мгновение до взрыва. Вскоре эта точка превратилась в парашютиста. И судя по всему, сбитый летчик должен был приземлиться прямо им на головы.

«Вот тебе и “поймать волну”! Вот тебе и караван! — подумал он с легкой досадой. — Накрылась засада медным тазом!»

Он вспомнил летчика, которого не смог спасти в прошлый раз. И сообразил, что единственный шанс спасти этого — не дать духам догадаться, что здесь есть кто-то «посторонний». Потому

что не раз уже слышал от ребят из баграмского разведбата о патологической ненависти душманов к нашим летчикам. Чем она была вызвана: большими потерями, что наносила наша авиация духам? Или же, как шутили разведчики, тем, что, летая высоко, наши самолеты не дают спокойно спать их Аллаху? Или же ненависти не было, а были лишь высокие гонорары за сбитые самолеты? Но факт оставался фактом: за нашими летчиками они охотились как ни за кем другим. И если не было возможности захватить их живыми, прилагали все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы уничтожить. Как это выглядит, он уже видел.

Сбитого летчика отнесло метров на двести от их позиций. Ловить больше было нечего! Нужно было сворачиваться, подбирать летчика и выходить к своим. По радиостанции он вызвал бронегруппу.

И хорошо, что ему хватило ума сразу же не отправить за летчиком парочку своих разведчиков. В горячке летчик мог принять их за духов и открыть по ним огонь. Нужно было дать ему пару минут, чтобы осмотреться, прийти в себя. Определиться, где свои, где чужие. Тем временем наблюдатель доложил о двух бурбухайках (машинах) с духами. Судя по всему, душманы решили захватить летчика живым. Вскоре из-за поворота выскочили две легковушки. В бинокль не трудно было рассмотреть вооруженных людей в машинах.

«Человек 6–8. Не больше, — подумал он. — Справимся».

До подхода бронегруппы оставалось минут пять. За это время его ребята превратили обе машины в решето. Нужно было спуститься к машинам, забрать оружие. Но наблюдатели доложили о трех грузовиках, выехавших из кишлака Ахмедзаи. Веселье начинало становиться затяжным. А втягиваться в бой было нельзя.

Тем временем подошли две его БМП-2 (боевые машины пехоты)[1]. Они с ходу открыли огонь по душманам. Возможно, не слишком прицельный. Но братьев-моджахедов он остановил. На некоторое время. Этого времени разведчикам хватило, чтобы запрыгнуть на БМП. Они подобрали летчика. И уже через полчаса были у своих. Летчик был легко ранен, и они сразу же завезли его в баграмский медсанбат. В спешке даже не спросив, как его зовут.

Засада была провалена. Вернувшись в батальон, он доложил об этом комбату. И о сбитом летчике, которого они подобрали. Комбат ничего не сказал в ответ. Но в глазах у него был немой укор. Захваченный караван — это захваченное оружие. Захваченное оружие — это орден комбату. И может быть, парочка медалей разведчикам. А спасенный летчик — это всего лишь спасенный летчик!

Но на следующий день из Баграма (с аэродрома) приехали друзья сбитого «летуна». Узнав, где размещается разведвзвод, они принесли в расположение разведчиков коробки с фруктами. Какие-то подарки. А когда он пришел из штаба батальона, долго обнимали его и хлопали по плечу. Эти шумные и веселые ребята сказали, что их друг идет на поправку. И скоро снова будет летать. В их словах было столько неподдельной радости, что он очень удивился, заметив в глазах некоторых из них слезинки.

Это было очень странно! Ведь взрослые мужики уже! Двадцать два — двадцать три года каждому! Хотя и у него самого вдруг защипало в глазах. Видно, соринка попала. Ведь плакать-то было не с чего. Да и не плачут мужчины. Тем более от радости! По крайней мере так говорят…

— О чем ты постоянно думаешь?

Голос девушки вернул его из прошлого.

— А? Что ты спросила?

— Я спросила, плакал ли ты когда-нибудь. Или нет?

В ответ он пожал плечами.

— Наверное, плакал. Когда-то давным-давно. В детстве. Не помню.

Высшая математика

После возвращения из Афганистана я был направлен в служебную командировку в Польшу — в Высшую офицерскую школу механизированных войск имени Тадеуша Костюшко. Как говорится, для обмена боевым опытом.

У меня был подготовленный еще в Союзе план проведения занятий по разведподготовке. Но одно из занятий я провел не по плану. Я начал его с рассказа о своей учебе в военном училище и о нашем преподавателе высшей математики Балашове Василии Прокофьевиче. Он в годы Великой Отечественной войны командовал полковой разведротой. После войны окончил педагогический институт. И всю свою жизнь посвятил обучению курсантов Московского Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР.

На втором курсе меня перевели в спортивный взвод. Весь четвертый семестр мы были освобождены от учебных занятий и усиленно готовились к Первенству Московского военного округа по многоборью взводов.

Весь этот семестр по вечерам, в свое личное время, Василий Прокофьевич приходил к нам в казарму и занимался с нами высшей математикой. Мы пытались сопротивляться, ссылаясь на то, что нам нужно тренироваться. На что Василий Прокофьевич веско возражал, что после выпуска из училища мы станем офицерами, командирами подразделений, а не спортсменами. А чтобы стать хорошими командирами, нам нужно еще многому научиться и многое узнать.

— И разве современный командир может обойтись без знаний высшей математики? — спрашивал он нас.

Что ему ответить, мы не знали. Мы же были всего лишь курсантами, а не офицерами. Он отвечал за нас сам.

— Нет. Не может!

Впервые о его словах я задумался довольно скоро. Уже через год после выпуска из училища — в сентябре 1986 года. Я тогда лежал в баграмском инфекционном госпитале с тифом. После того как к нам в отделение привезли моего ротного с гепатитом, офицеров в нашей роте, которые могли бы командовать восьмой сторожевой заставой, не осталось. По просьбе ротного мне пришлось сбежать с госпиталя к себе на Тотахан (отм. 1641 м).

С первого дня командования заставой я сильно переживал, что у меня во взводе нет ночных прицелов в рабочем состоянии (ночные прицелы на БМП и танке были не в счет, от них на горке толку было мало, а «работающих» батареек к ночным прицелам

для стрелкового оружия и для переносной станции наземной разведки просто не было). И я отдавал себе отчет, что к ночному бою моя застава была подготовлена довольно слабо. А то, что душманы, скорее всего, могут напасть на нее именно ночью, для меня секретом не было. Просто днем подобная попытка обошлась бы им слишком дорого.

Я пытался как-то решить этот вопрос. Ротный писал заявки и поднимал этот вопрос на совещаниях. Ему обещали решить, но, как известно, обещать и жениться — это немного разные вещи. По своим каналам я периодически просил начальника связи батальона достать нужные мне батарейки. Но батареек к НСПУ и к переносной станции у него не было. Зато регулярно получал от него на орехи за то, что разбирал югославские аккумуляторные батареи для переносной радиостанции Р-148, чтобы запитать ими ночные прицелы НСПУ (после подобных «усовершенствований» АКБ приходили в негодность, но зато благодаря им у меня были действующие ночные прицелы, которые позднее не раз выручали меня и моих разведчиков, когда мне пришлось командовать отдельными разведвзводами).

На случай ночного боя я держал в неприкосновенном запасе несколько осветительных мин к миномету и осветительные ракеты (50-мм реактивные осветительные патроны). Помня о своем детском увлечении архитектурой и старинными рыцарскими замками, в которых мне довелось побывать, немного усовершенствовал СПС (стационарные пункты для стрельбы или стрелково-пулеметные сооружения) на заставе — заузил стрелковые бойницы так, чтобы у каждого стрелка основной сектор стрельбы был фиксированный (немного перекрывающий сектор стрельбы соседа слева и в результате создающий круговую оборону взвода). А запасной сектор стрельбы сделал более «свободным». Сверху перекрыл бойницы так, чтобы в верхнем крайнем положении стрелок мог вести огонь ночью по противнику не только в своем секторе стрельбы, но и на самой эффективной высоте относительно горного склона (обеспечивая тем самым необходимую для отражения нападения моджахедом плотность огня). В каждом СПС, в ящике из-под гранат хранился запас боеприпасов — две упаковки патронов по 120 шт., две гранаты Ф-1 (либо РГО) и две РГД-5 (либо РГН).

По принципу этих бойниц в июне 1987 года на пакистанской границе в районе Алихейля сосновыми колышками я размечал сектора стрельбы для пулеметчиков, чтобы обеспечить ночью безопасный выход своей разведгруппы, которую могли преследовать братья-моджахеды.

На наиболее опасных направлениях установил сигнальные

мины. Вскоре их почти все сорвали местные дикобразы. А вот пустые банки из-под консервов и тушенки, которыми мы позднее засыпали эти места, оказались на удивление эффективными. Даже проползти ночью без шума там стало невозможно. И несколько дикобразов, которые пытались скрытно подобраться к заставе, вскоре стали приятным дополнением к нашему привычному рациону питания.

В общем, кое-что для ведения ночного боя я сделал. Но после тифа (точнее, во время болезни, из госпиталя я сбежал, так и не долечившись) у меня был полный упадок сил. Даже передвигаться по заставе получалось с большим трудом. Что уж тут говорить о возможности управлять заставой в бою! В общем, командир из меня был тогда никудышный. Но других на заставе не было.

Пришлось выкручиваться. Благодаря помощи командира взвода из минометной батареи нашего батальона Олега Агамалова я разобрался со стрельбой из миномета с закрытой огневой позиции по выносной точке прицеливания (в качестве выносной точки прицеливания использовался цинк из-под патронов с прорезью, в который при стрельбе ночью вставлялся фонарик). 82-миллиметровый миномет «Поднос» стоял рядом с канцелярией командира роты (небольшая постройка из камней два на четыре метра, в которой обитали командир роты и я) и в горах был просто незаменим.

Из миномета (на основном заряде) я перекрыл скрытые подступы к заставе и не простреливаемые из стрелкового оружия мертвые зоны (которые раньше были перекрыты только пустыми консервными банками).

Сделал рабочую карточку огня сторожевой заставы, на которой указал не только данные для стрельбы по ориентирам и возможным целям из миномета (заряд, прицел и угол на выносную точку прицеливания), но и данные для ночной стрельбы из танка Т-62 и трех своих БМП-2 (по азимутальным указателям; для более точной стрельбы танк и БМП использовали ночные прицелы). В ящики с дополнительным боекомплектом в СПС, расположенные рядом со скрытыми подступами к заставе, добавил еще по парочке гранат Ф-1.

Теоретически картинка ночного боя начинала складываться. Но проблема, как всегда, вылезла оттуда, откуда я меньше всего ожидал. Так как на первый пост, где у нас была установлена труба зенитная командирская ТЗК-20 и откуда было лучше всего управлять боем, сил забраться у меня не было, то вся надежда была на часовых, стоявших на этом посту. На их грамотную и профессиональную работу по целеуказанию и корректировке огня. И тут возникла настоящая проблема. С тем, что не все

бойцы нашей многонациональной мотострелковой роты хорошо говорили по-русски, мы как-то справлялись. С тем, что они не могли точно давать целеуказание, мы тоже вскоре разобрались. Главная проблема заключалась в том, что ночью они не могли точно указать на место, откуда душманы запускали реактивные снаряды по нашей заставе или по баграмскому аэродрому. Или вели обстрел. От слова «совсем»! А могли только примерно рукой указать общее направление.

— Откуда-то оттуда. Или оттуда.

Да, ночи под Баграмом обычно стояли светлые. Такого количества звезд, как там, я не видел больше нигде (разве что позднее, когда работал в Индийском океане). В такие ночи наблюдатели и часовые могли довольно точно дать координаты целей. Но мне этого было мало. Я хотел, чтобы моя застава при необходимости могла вести бой не только днем или звездной ночью, но и в кромешной тьме. И не просто вести бой, а воевать без потерь. И побеждать.

Решение нашлось совершенно неожиданно. Я вспомнил слова моей бабушки, которая выхаживала меня в детстве после серьезной травмы позвоночника. И которая не раз мне говорила, что не стоит жалеть о том, чего у тебя нет. А нужно развивать возможности, которые у тебя есть.

Поэтому я не стал жалеть о том, что аккумуляторных батарей на переносную станцию наземной разведки ПСНР-5 у меня больше не осталось. Что не было батареек на ночные прицелы НСПУ. Что вокруг заставы не стояло ни одной «Охоты» и не было даже самых простеньких сейсмодатчиков. Я просто внимательно посмотрел вокруг на то, что у меня было. А была у меня труба зенитная командирская ТЗК-20. Разбираясь с ней, я обнаружил азимутальный целеуказатель! Это открытие стало ответом на мучивший меня вопрос по управлению огнем заставы не только днем, но и ночью. Ведь азимутальные указатели стояли на танке и на трех моих БМП (иногда на четырех, когда на заставе стояла БМП командира роты). Танк и БМП стояли в окопах. Другими словами, положение их было фиксированным. Это здорово облегчало стоящую передо мною задачу. Мне нужно было просто объединить все эти «инструменты», углы и угломеры в единую систему!

Дальше все было просто. Я немного усовершенствовал свою рабочую карточку огня восьмой сторожевой заставы — свел воедино азимутальные углы ТЗК, танка, БМП и миномета. Теперь целеуказание часовой с первого поста вел не на ломаном русском, а на языке цифр — передавал данные с азимутального указателя на ломаном русском. Но это было гораздо проще,

понятнее и значительно точнее. Не только днем, но, что самое главное, — ночью! Он просто наводил ТЗК-20 на цель и передавал с поста цифры, которые видел на азимутальном целеуказателе. Просто несколько цифр, указывающих направление на цель!

А дальше с их помощью я определял координаты цели по своей карточке огня (определить дальность до цели днем не представляло особого труда, а ночью ее приходилось угадывать, исходя из рельефа местности и предполагаемых действий братьев-моджахедов). Затем выбирал наиболее подходящий вид оружия и боеприпасов. И в зависимости от этого передавал исходные данные для стрельбы экипажу танка или наводчикам операторам БМП — с помощью радиостанции Р-148. А минометному расчету, чья позиция располагалась метрах в десяти от первого поста, голосом.

При необходимости мог запросить через батальон огневую поддержку дивизионной артиллерии. Но им координаты передавал уже традиционным способом — с указанием квадрата по своей рабочей карте-«сотке». Более точное указание координат цели, по «улитке», для них, как правило, не требовалось.

Прошло буквально несколько дней, и все мы почувствовали изменения. Обстрелы нашей заставы практически прекратились. Обстрелы баграмского аэродрома с нашей зоны ответственности стали очень большой редкостью. Местные душманы начали активно поддерживать политику национального примирения. Стремительно превращаясь из непримиримых врагов в добрых, мягких и пушистых дехкан. А все почему? Все потому, что на все их прежние, по сути, безнаказанные обстрелы раньше застава могла работать только «по площадям», не нанося серьезного урона противнику. Теперь же любая их попытка провести обстрел получала своевременный, жесткий и довольно болезненный ответ.

И самым главным результатом всех этих изменений стало то, что за все время моего командования заставой среди подчиненных не было ни одного раненого, ни одного убитого.

Не было раненых и убитых и среди моих разведчиков, которыми я командовал позднее. За все двадцать шесть месяцев моей службы в Афганистане и за все последующие годы. И причиной тому в первую очередь была высшая математика, которой учил меня на втором курсе Московского Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР бывший войсковой разведчик Василий Прокофьевич Балашов. Не устававший повторять, что побеждает на войне не тот, кто перевоюет противника, а тот, кто его передумает.

— Так что думайте, панове! Думайте и еще раз думайте! Как

говорят у нас в России, голь на выдумку хитра, а потому используйте для выполнения поставленных боевых задач и сохранения жизней своих подчиненных все, что вас окружает. Все, что есть у вас под руками и под ногами. И помните: вашей стране, как и любой другой, нужна сильная армия. Но для сильной армии нужны мудрые военачальники, которые смогут победить врага, не сделав ни одного выстрела. А значит, не потеряв ни одного своего солдата — чьего-то сына, брата или будущего отца.

notes

Примечания

1

Третью машину разведвзвода БРМ-1 (боевую разведывательную машину) он старался не подставлять лишний раз под духовские обстрелы. Слишком много в ней было электроники (в том числе переносная станция наземной разведки ПСНР-5, на некоторых машинах вместо нее могла быть станция ближней разведки СБР-3). И слишком много проблем со списанием ее в случае подрыва или уничтожения. А потому на засады и в рейды, если это было возможно, он старался БРМ не брать. И даже на командном пункте батальона (десятая сторожевая застава, что располагалась в районе кишлака Чауни) БРМ обычно стояла в окопе. К тому же по сравнению с двумя БМП-2, что были в его разведвзводе, она заметно уступала им в огневой мощи.